ИЗВѢСТІЯ

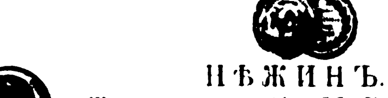
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

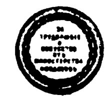
ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ XXI.

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1904.

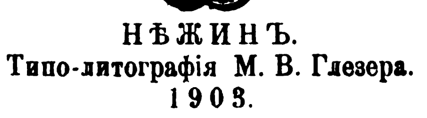

А. Покровскій.

О КРАСНОРѢЧІИ У ДРЕВНИХЪ ЕЛЛИНОВЪ.

Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко 30 августа 1903 г.

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

Мм. Гг. Въ составъ нашего годичнаго торжественнаго акта входитъ произнесеніе рѣчи, въ этомъ году Конференціею Института порученное мнѣ, занимающему въ Институтѣ каѳедру древней исторіи.

И въ наше время рѣчи составляютъ обычную принадлежность академическихъ праздниковъ; и теперь произносятся проповѣди, поученія и «собесѣдованія» въ церквахъ; говорятся обвинительныя и защитительныя рѣчи въ судахъ; говорятся рѣчи въ парламентахъ, въ сословныхъ и представительныхъ учрежденіяхъ, на разныхъ «открытіяхъ» и «закрытіяхъ», на съѣздахъ и на сходкахъ; говорятся привѣтственныя, прощальныя, юбилейныя, застольныя, надгробныя рѣчи; читаются публичныя лекціи, какъ читаются лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или «рефераты» въ ученыхъ обществахъ или на съѣздахъ; устраиваются и «народныя чтенія». Однако, если и нельзя утверждать, что публичныя (или болѣе или менѣе публичныя) рѣчи произносятся теперь все рѣже, то нельзя утверждать и того, что онѣ произносятся все чаще; если нельзя утверждать, что публичное краснорѣчіе продолжаетъ падать, то нельзя утверждать и того, что оно поднимается, или развивается.

Слѣдуетъ-ли намъ жалѣть объ этомъ застоѣ публичнаго краснорѣчія? Слѣдуетъ-ли намъ желать, чтобы и въ этой области, въ области краснорѣчія, гдѣ наблюдался регрессъ, гдѣ наблюдается застой, прогрессъ снова началъ одерживать верхъ надъ регрессомъ и застоемъ? Не является-ли краснорѣчіе чѣмъ-то не смѣющимъ уже претендовать на самостоятельную роль въ общей экономіи нашей культуры, чѣмъ-то окончательно утратившимъ свое общее культурное значеніе и продолжающимъ существовать отчасти — лишь по привычкѣ, какъ «переживаніе», отчасти — лишь какъ спеціальное средство для достиженія спеціальныхъ цѣлей?

Два пути могли бы вести насъ къ рѣшенію этого вопроса — путь теоретическихъ разсужденій и путь историческихъ разъясненій; эти пути представляютъ собою двѣ линіи, не только въ концѣ концовъ

сливающіяся въ одномъ пунктѣ, но и постоянно, на всемъ протяженіи своемъ, близко сходящіяся одна съ другою. Но между точками схожденія этихъ линій, или путей есть одна точка, гдѣ оба эти пути сходятся особенно близко—почти такъ же близко, какъ и въ общемъ своемъ конечномъ пунктѣ.

Лишенный возможности просить васъ, Мм. Гг., послѣдовать за мною по тѣмъ двумъ—слишкомъ уже длиннымъ—путямъ, я могу позволить себѣ только просить васъ остановиться со мною, и то ненадолго, на этомъ ихъ перепутьѣ.

Такое историко-теоретическое перепутье для того, кто идетъ къ рѣшенію любого вопроса, касающагося человѣческой духовной культуры, лежитъ въ области античной—ближайшимъ образомъ, конечно, эллинской—культуры[1]). Кому выпало на долю счастье болѣе-непосредственнаго знакомства съ древними эллинами, тотъ не будетъ удивляться тому поклоненію, тому благоговѣнію, какимъ окружало эллиновъ новое время, особенно, конечно, эпохи стараго и новаго «Возрожденія»; кто знакомъ съ общимъ ходомъ, съ общими тенденціями культурнаго развитія минувшаго вѣка, тотъ не будетъ удивляться силѣ и стремительности прорвавшагося наконецъ потока реакціи противъ этого поклоненія и благоговѣнія[2]). Но замѣчательно то, что, чѣмъ дальше шла эта реакція, чѣмъ меньше стали идеализировать, чѣмъ больше стали развѣнчивать эллиновъ, выдвигая, на счетъ свѣтлыхъ, тѣневыя или даже темныя стороны ихъ культуры, чѣмъ ближе подошли къ нимъ, безъ всякаго благоговѣйнаго трепета, разсматривая, или изучая ихъ не съ раціоналистической, а съ исторической,

---

[1]) Eine anderthalbtausendjährige Periode der Weltkultur,... und diese ist griechisch, denn selbst das ganze Römertum ist nur eine integrierende Provinz derselben (Wilamowitz-Möllendorff—y *Natorp*, Was uns die Griechen sind, S. 24).—Мысль, что Римъ въ культурномъ отношеніи такъ же сталъ провинціей Graeciae captae, какъ въ политическомъ отношеніи еллинскія или еллинизованныя страны стали провинціями Рима, съ особенной настойчивостью выставляется именно римскими писателями, и именно тогда, когда они восхваляютъ Римъ на счетъ Еллады (ср. Cic. Tusc. I. 1 sq., de or. III, 137, Horat. epist. II, 1, особенно Verg. Aen. VI, 847 sqq., съ комментаріемъ къ этому locus rhetoricus *Norden*'a, P. V. M. Aeneis Buch VI., S. 328 ff.).

[2]) Видную роль сыграло тутъ, конечно, и то направленіе (или настроеніе), которое такъ сурово осуждено было античными мыслителями,—напр., Аристотелемъ (τὸ δὲ ζητεῖν πανταχοῦ τὸ χρήσιμον ἥκιστα ἁρμόζει τοῖς μεγαλοψύχοις καὶ τοῖς ἐλευθέροις, Polit. 1338 b) или „Епиктетомъ“ (εὐποιήσεις σὺ τὰ μέγιστα τὴν πόλιν, εἰ μὴ τοὺς ὀρόφους ὑψώσεις, ἀλλὰ τὰς ψυχὰς αὐξήσεις· ἄμεινον γὰρ ἐν μικροῖς οἰκήμασι μεγάλας οἰκεῖν ψυχὰς ἢ ἐν μεγάλαις οἰκίαις ταπεινὰ φωλεύειν ἀνδράποδα, Epict. sent., 86 Elter).

и притомъ реалистической точки зрѣнія,—тѣмъ все яснѣе и яснѣе становилось, что эллинскую культуру слѣдуетъ цѣнить, правда, иначе, чѣмъ ее цѣнили раньше,—но еще больше, чѣмъ ее цѣнили раньше[1]), что непреходящее ея значеніе лежитъ не въ одной только столь отличающей ее цѣльности и гармоничности и не въ однихъ несравненныхъ и недосягаемыхъ совершенствахъ ея литературныхъ и художественныхъ произведеній, а въ томъ, что нигдѣ всѣ творческія силы общечеловѣческой культуры не представлены въ такой простотѣ и непосредственности и, вмѣстѣ, въ такой полнотѣ, какъ въ культурѣ древнихъ эллиновъ; и можно сказать даже, что эллинская культура является не только основой, но и типомъ современной культуры, что въ ней лежатъ тѣ корни, какими питается столь развѣтвившееся въ наше время древо познанія[2]).

Поэтому, Мм. Гг., наиболѣе существенную часть отвѣта на вопросъ: какое значеніе имѣетъ краснорѣчіе въ общей экономіи человѣческой культуры, можно было бы искать въ отвѣтѣ на вопросъ: какое значеніе имѣло краснорѣчіе въ общей экономіи культуры древнихъ эллиновъ? Partem pro toto отвѣта на этотъ послѣдній вопросъ я и хотѣлъ бы предложить вашему вниманію[3]).

---

[1]) „Это не пустое обольщеніе, говоритъ Виламовицъ (*Natorp*, 24), что будущее время—ибо оно лучше будетъ понимать греческую культуру—будетъ ее цѣнить еще гораздо выше“. И кажется даже, что какъ въ наукѣ дѣятельно разработываются теперь основанія для повышенія этой оцѣнки (труды такихъ ученыхъ, какъ Rohde, Wilamowitz-Möllendorff, Usener, Gomperz, Ed. Meyer, Pöhlmann, Norden, Hirzel, Reich), такъ и въ широкихъ кругахъ общества подготовляется благодарная почва для воспріятія и распространенія этой повышенной оцѣнки (успѣхъ насквозь проникнутой эллинизмомъ „философіи“ Ницше, или пропитанныхъ эллинизмомъ ученій Рэскина, завоеванія классической филологіи въ такой странѣ, какъ Америка, нѣкоторыя новѣйшія вѣянія французской литературной критики).

[2]) *Natorp*, Was uns die Griechen sind (1901); ср. Kaibel, *Deutsche Rundschau*, XXV, 63 f.—„Предѣлы. въ какихъ создавалась культура человѣческая у грековъ,—говоритъ Ренанъ (Histoire du peuple d'Israël, préface)—могутъ, конечно, раздвигаться безъ конца; но всѣ области культуры обнимаются уже этими предѣлами, и прогрессъ вѣчно будетъ сводиться лишь къ развитію того, что создано Греціей.“—Болѣе пристальное изученіе греческой научной литературы все больше показываетъ, насколько греки выше своей славы—и въ области математическихъ и естественныхъ наукъ (ср. напр.. Milhaud въ *Rev. d. ét. gr.*, IX, 371 ss.; W. Schmidt. въ *N. Jahrbb. f. d. kl. Alt.* III, 242 ff.; Oder въ *Philologus* S.-B. VII, 231 ff.; Sudhaus, *Aetna*, S. 51 ff.; *Elter*, Columbus u. Geographie der Griechen, 1902; *Huit*, La philosophie de la nature chez les anciens, 1901).

[3]) Я коснусь лишь болѣе общихъ моментовъ преимущественно внѣшней (и преимущественно начальной) исторіи краснорѣчія у эллиновъ,—моментовъ наименѣе,

Весь внѣшній складъ жизни древнихъ еллиновъ отводилъ у нихъ устному слову, устной рѣчи гораздо болѣе видную роль, нежели у другихъ народовъ и въ другія времена[1]). Къ услугамъ устнаго слова всегда оказывалась здѣсь—толпа, если не толпа, то группа, если не группа, то кружокъ людей, готовыхъ выслушать это слово. Еллинское государство всегда было демократическимъ въ своей основѣ; правда, оно бывало часто демократическимъ только въ своей основѣ—столько возводилось на ней монархическихъ или аристократическихъ построекъ; но постройки эти (то воздвигавшіяся, то сносившіяся) воздвигались всегда именно на этой—демократической основѣ. А это значитъ, что внѣшнюю и внутреннюю политику государства обыкновенно опредѣляло

кажется, разработанныхъ въ научной литературѣ.—Для исторіи еллинскаго краснорѣчія много сдѣлано было наукой раньше, много дѣлается теперь, но много еще остается сдѣлать. Матеріалъ, представляемый рѣчами, риторическими руководствами (τέχναι ῥητορικαί), или ихъ фрагментами, и внѣшними свидѣтельствами—о характерѣ или тенденціяхъ краснорѣчія, о внѣшнихъ условіяхъ его развитія, объ отдѣльныхъ ораторахъ и рѣчахъ,—все увеличивающійся путемъ епиграфическихъ, особенно же папирологическихъ находокъ (ср., напр., въ только-что вышедшемъ III томѣ изданія *Grenfell-Hunt*, The Oxyrhynchus Papyri,—№№ 410. 415. 443. 457 sqq.),—еще не достаточно—и далеко не весь—разработанъ детально. Общіе труды представляютъ собою или систематическое, т. е. статическое (безъ вниманія къ историческимъ моментамъ) изображеніе греческой риторики (*R. Volkmann*, Die Rhetorik der Griechen und Römer, 1885), или—какъ выражается Drerup (*N. Jahrbb.* Suppl. XXVII, 219)—„то разсмотрѣніе свойствъ или особенностей писателей, которое, по методу античной критики, анализируетъ стилистически каждаго автора отдѣльно, не восходя до опредѣленія генетическихъ стадій развитія въ послѣдовательной смѣнѣ писателей и эпохъ“ (*F. Blass*, Die attische Beredsamkeit, 3 Abt., 2. A., 1887—98). Тѣмъ больше конечно это игнорированіе бакхилидовскаго: ἕτερος ἐξ ἑτέρου σοφός (οὐδὲ γὰρ ῥᾷστον ἀρρήτων ἐπέων πύλας ἐξευρεῖν) сказывается въ монографической литературѣ (даже у *Rohde*, въ посвященной „греческой софистикѣ императорскаго времени“ главѣ его сочиненія: Der griechische Roman, или въ статьѣ: Die asianische Rhetorik und die zweite Sophistik, Kl. Schr. II, 75 ff.). Въ послѣднее время появилось нѣсколько монографій, знаменующихъ собою рѣшительный поворотъ въ сторону болѣе методическаго изученія не только болѣе частныхъ, но и болѣе общихъ вопросовъ исторіи греческаго краснорѣчія. (*G. Thiele*, Hermagoras. Ein Beitrag zur Geschichte der Rhetorik. 1893.—*H. v. Arnim*, Leben u. Werke des Dio von Prusa. Mit e. Einleitung: Sophistik, Rhetorik, Philosophie in ihrem Kampf um die Jugendbildung. 1898.—*O. Navarre*, Essai sur la Rhétorique grecque avant Aristote. 1900.—*Norden*, Die antike Kunstprosa. 1898.—Wilamowitz, Atticismus u. Asianismus, *Hermes*, XXXV, 1 ff.—Radermacher, Stud. z. Gesch. d. ant. Rhetorik, *Rhein. Mus.* LII ff.—Untersuch. z. ält. griech. Prosalitteratur, herausg. v. E. Drerup, N. *Jahrbb.* S.-B. XXVII, 219 ff.).

[1]) Въ этомъ отношеніи къ еллинамъ (отчасти подъ еллинскими вліяніями) совсѣмъ близко подошли только римляне.

или направляло вѣче съ—нерѣдко многочисленнымъ—«совѣтомъ» народныхъ представителей; это значитъ, что судебное разбирательство производилось обыкновенно или всѣмъ народомъ—вѣчемъ, или судебными комиссіями вѣча, судомъ—нерѣдко весьма многочисленныхъ—присяжныхъ, или по крайней мѣрѣ передъ народомъ[1]). Сама природа—т. е. климатическія условія вели къ тому, что всѣ не занятые государственною службою или какою-либо работой въ полѣ или въ мастерскихъ еллины извѣстную часть дня—особенно дополуденное время[2])—проводили на своихъ вѣчевыхъ или базарныхъ площадяхъ[3]); отдѣльными группами сходились граждане, особенно въ холодные или ненастные дни, въ болѣе древнія и простыя времена въ кузницахъ, потомъ въ цырульняхъ, въ разныхъ мастерскихъ и лавкахъ, въ томъ числѣ впослѣдствіи и въ книжныхъ[4]); но воздвигались и особыя зданія, гдѣ бы можно было собираться гражданамъ, соединяя полезное съ пріятнымъ, заботу о corpus sanum съ заботой о mens sana, физическія упражненія или удо-

---

[1]) Ср. *Приложеніе*.—Демократическую организацію, т. е. свои вѣча, имѣли обыкновенно и разныя политическія дѣленія гражданъ (вродѣ филъ, фратрій, демовъ) и частныя ихъ сообщества (θίασοι, σύνοδοι), складывавшіяся или составлявшіяся съ сакральными, экономическими, гимнастическими, эстетическими и другими цѣлями.

[2]) Эта часть дня—по-нашему 9—12 час. утра—и носила характерное названіе πλήθουσα ἀγορά (ср. CIA I 57: ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων πληθύων), ἀγορῆς πληθώρη (Herod. II 173. IV 181. VII 223; Thuc. VIII 92; Xen. Mem. I 1, 10; Dittenb. S.[2] 552, 38; Diod. XIII, 48; Athen. VI 270 d. XII, 533 d.; Suid. ἀγορᾶς ὥραν, περὶ πλήθουσαν ἀγοράν; ср. ἀγορῆς διάλυσις, Herod. III 104).

[3]) Объ этомъ говорятъ и свидѣтельства греческой литературы (ср. [Demosth.] XXV, 51 sq.), и показанія греческой архитектуры, особенно столь обычныя ей (еще съ „микенской“ эпохи) стои (какъ самостоятельныя сооруженія или какъ части другихъ зданій).—[Dicaearch.] π. πόλ. I 12: τὴν μὲν ἀγορὰν κατάδενδρον, πᾶσαν στοαῖς ἀνειλημμένην διτταῖς; ср. о посадкѣ платановъ на агорѣ, какъ о мѣрѣ „демагогической“,—Plut., Cim. 13; Praec. ger. reip. 24.—Οἱ περιιόντες (περιέρχεσθαι κατὰ τὴν ἀγοράν,—ср. ambire)—обычный терминъ у Демосѳена (IV 10. 48; VI 14; XVIII 158. 323; XIX 225. 288; ср. Aeschin. III 213).

[4]) Кузницы въ этой роли уже ко временамъ „Гомера“ и Гесіода вошли въ пословицу (Od. XVIII, 328; Hes. op. 493; ср. Teletis r. p. 25 Hense), какъ впослѣдствіи цырульни, ἄοινα συμπόσια (Plut. qu. conv. VII, 10; ср. Aristoph. Plut. 337; Plut. de garrul. 7).—Lys. XXIV, 20: ἕκαστος γὰρ ὑμῶν εἴθισται προσφοιτᾶν ὁ μὲν πρὸς μυροπώλιον, ὁ δὲ πρὸς κουρεῖον, ὁ δὲ πρὸς σκυτοτομεῖον, ὁ δ' ὅποι ἂν τύχῃ. Arist. Rhet. 1411 a: ὁ Κύων (ἐκάλει) τὰ καπηλεῖα τὰ Ἀττικὰ φιδίτια (ср. Isocr. XV 287). О книжныхъ лавкахъ—Diog. L. VII 2 sq.—Ср. *Hermann-Blümner*, Gr. Privatalt., 121 ff. 132 ff. 499 f. *Wachsmuth*, Die Stadt Athen, II, 305 ff. и *Histor. Taschenb.* XII, 291 ff.

вольствія съ умственными[1]); такого-рода зданія устраивались государствомъ (городомъ) или его «благодѣтелями» для всѣхъ гражданъ, устраивались и отдѣльными группами гражданъ[2]), устраивались потомъ и частными лицами[3]). Само собою разумѣется, что собирались и на званыхъ обѣдахъ или пирахъ (симпосіяхъ), на разныхъ частныхъ, или

---

[1]) Γυμνάσια, παλαῖστραι, βαλανεῖα, λουτρά, λουτρῶνες, ἀλειπτήρια, ἀλείμματα, ἀποδυτήρια (ср. GDI 4250: καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἀποδυομένων εἰς τὸ γυμνάσιον), ᾠδεῖα, σκιάδες, μουσεῖα, λέσχαι, οἶκοι, δοῦμοι, στατίωνες (stationes), ἐξέδραι, ξυστοί и проч.—Γυμνάσια или παλαῖστραι (также и βαλανεῖα) устраивались для разныхъ возрастовъ; такъ, на Іасосѣ было четыре государственныхъ γυμνάσια—для [παῖδες], ἔφηβοι, νέοι, πρεσβύτεροι (*Rev. d. ét. gr.* VI, 157 s.); ср. надписи милетскія: γυμνασιαρχήσαντα τῆς γερουσίας καὶ τῶν νέων (*Ath. Mitth.*, XVIII, 258) и γυμνασιαρχήσαντα πάντων (CIG 2885; *Haussoullier*, Et. s. l'hist. de Milet, p. 264 s.), самосскую: οἱ ἀλειφόμενοι ἐν τῇ γεροντικῇ παλαίστρᾳ (*Bull. de corr. hell.*, V. 481), кимскую: ὄνθεντα τὸ βαλάνηον τοῖς νέοισι (GDI 311); замѣтимъ кстати, что группировка гражданъ по возрастамъ была вообще одной изъ очень важныхъ сторонъ античнаго быта, какъ это уясняетъ *Usener*, Über vergleichende Sitten-und Rechtsgeschichte (S.-A. a. d. Hess. Bl. f. Volksk., 1902), 39 ff. (епиграфическій матеріалъ—у *Ziebarth*, Das griechische Vereinswesen, 110 ff.).—Въ болѣе-позднихъ надписяхъ въ числѣ „благодѣяній“, оказываемыхъ государству (городу) его „благодѣтелями“, очень часто упоминается ἐλαίου θέσις, ἔν τε γυμνασίοις καὶ βαλανείοις, παντὶ ἐλευθέρῳ καὶ δούλῳ (ср. IGS I 2712; IG Pel. I 597. 606. Dittenb.[2] 420. 527; Michel, 159. 327. 544).—Одни изъ перечисленныхъ учрежденій имѣли въ виду гл. обр. φιλογυμναστίαν, другія φιλοσοφίαν (Plat. Symp. 182 C), или φιλομουσίαν, третьи—и то, и другое; о соединеніи φιλογυμναστία съ φιλοσοφία—ср. Plut. Nic. 12; Alcib. 17; de def. or. 6; Paus. X, 25, 1; Vitr. V, 11; Theophr. Char., V, 10 (ср. также Ditt[2] 521, 33 sqq. 84 sq.; CIA II 471, 19 sq.). Общаго трактованія относящихся сюда вопросовъ, на основаніи новыхъ (археологическихъ и епиграфическихъ) данныхъ, пока не имѣемъ. О gymnasium ср. Fougères у *Daremberg-Saglio*, II, 1684 ss.; о лесхахъ (основное значеніе ихъ остается не выясненнымъ)—Δραγουμης въ *Ath. M.* XVII, 147 ff.; *Duemmler*, Kl. Schr. II, 147 ff.; Фармаковскій въ *Изв. Р. Арх. Инст. въ Константинополѣ*, IV, 152 сл.; Bourguet у *Daremberg-Saglio*, III, 1103 s.

[2]) Таковы были упоминаемыя еще у Гомера (Od. XVIII 329) и Гесіода (op. 493) λέσχαι, въ которыхъ указываютъ (ср. *Ath. M.* XVII, 149) прототипъ нашихъ клубовъ. Такія λέσχαι, οἶκοι и т. п. (ср. stationes, scholae) имѣли отдѣльныя группы гражданъ родоваго или коллегіальнаго характера, особенно на чужбинѣ (землячества, или „колоніи“, торговыя или промышленныя компаніи, также οἱ περὶ Διόνυσον τεχνῖται). Зерно, изъ котораго развились эти λέσχαι или οἶκοι, можно видѣть въ „переживавшихъ“ на сакральной почвѣ σκηναί (Ditt.[2] 169. 653. 177. 562. 581 587. Mich. 720. BCH. XI 380. XV 175) или σκιάδες (Athen. 141 f).

[3]) Съ комерческими цѣлями (особенно βαλανεῖα) или изъ тщеславія. Ср. Theophr. Char. V 9 sq.: κτήσασθαι... αὐλίδιον παλαιστριαῖον κόνιν ἔχον καὶ σφαιριστήριον· καὶ τοῦτο περιιὼν χρηννύναι τοῖς φιλοσόφοις τοῖς σοφισταῖς τοῖς ὁπλομάχοις τοῖς ἁρμονικοῖς ἐπιδείκνυσθαι· καὶ αὐτὸς ἐν ταῖς ἐπιδείξεσιν ὕστερον ἔπεισιν ἐπὶ [τῷ εἰπεῖν τὸν ἕτερον] τῶν θεωμένων πρὸς τὸν ἕτερον, ὅτι τούτου ἐστὶν ἡ παλαίστρα.

мѣстныхъ праздникахъ[1]). На празднества, устраивавшіяся государствомъ[2]), сходилось все гражданское, иногда и не-гражданское населеніе, нерѣдко и граждане сосѣднихъ государствъ, а на иныя празднества сходились или съѣзжались официіальные и неофиціальные представители различныхъ еллинскихъ государствъ, богомольцы чуть не со всѣхъ концовъ еллинскаго міра.

Итакъ, устное слово въ древней Елладѣ всегда могло расчитывать на такую или иную, иногда (какъ на празднествахъ, особенно въ Олимпіи или въ Дельфахъ) и на очень большую аудиторію: слишкомъ мало оно рисковало здѣсь возможностью оказаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Оно не наталкивалось здѣсь и на чисто-внѣшнія препятствія: за болѣе или менѣе случайными исключеніями еллины дорожили и гордились и своей свободой слова, и свободой у себя слова[3]).

---

[1]) Пиры и празднества у еллиновъ стояли въ тѣсной внутренней связи между собою и съ богослуженіями (какъ и у древняго Израиля—ср. *Wellhausen*, Proleg. zur Geschichte Israels, 54 f. 71 ff.).

[2]) Эти πανηγύρεις (ἀνάπαυλαι τῶν πόνων, какъ называютъ праздники Периклъ у Θукидида, II. 38, и Платонъ, Leg. 653 D) устраивались еллинскими государствами вообще очень часто (*Schoemann-Lipsius*, Gr. Alt., II, 158 f.).

[3]) Ἡ ἀπὸ τοῦ αἰῶνος αὐθιγενὴς καὶ αὐτόχθων ἐλευθερία τῶν Ἑλλήνων (по выраженію Нерона, Ditt.[2] 376, 37 sq.) сказывались и въ ихъ παρρησία, которая съ гражданъ распространилась и на не-гражданъ (ср. Eurip. Ion 670 sqq. Phoen. 390 sq.; Plat. Leg. 806 D; Telet. r. 15 sq. Hense; Plut. de exil. 16) и съ политической жизни (ср. ἰσηγορίη у Herod. V 78; ἰσηγορίας καὶ παρρησίας καὶ καθόλου δημοκρατίας Polyb. II, 38, 6. 42, 3; Eurip. Hippol. 421 sqq. Heraclid. 181 sqq. Suppl. 353 sqq.; Plat. Leg. 694 B) перенесена была и на жизнь не-политическую.—Законы, по крайней мѣрѣ аѳинскіе, старались конечно упорядочить, и съ внѣшней, и съ внутренней (ср. Aeschin. I 35; Antiph. VI 9) стороны, паррееію на вѣчѣ, въ совѣтѣ, въ судѣ (ср. *Hermann-Thumser*, Gr. St.-Alt.[6], 516 ff. 577 ff.; о клепсидрѣ—*Keil*, Anonymus Argentinensis, 235 ff.; таковъ же, вѣроятно, былъ и общій смыслъ стиховъ: ἄρχειν μὲν βουλῆς θεοτιμήτους βασιλῆας πρεσβυγενέας τε γέροντας, ἔπειτα δὲ δημότας ἄνδρας εὐθείαις ῥήτραις—т. е. рѣчами, μύθοις—ἀνταπαμειβομένους, Plut. Lyc. 6. Diod. VII 12 V.; ср. законъ объ εὐκοσμία Iобакховъ, Ditt.[2] 737); сюда же относятся и аѳинскіе законы, запрещавшіе κακῶς ἀγορεύειν и ζῶντα, и особенно τὸν τεθνηκότα (*Hermann-Thalheim*, Gr. R.-A., 40 ff.; ср. не указанное тамъ очень характерное мѣсто: Hyperid. IV, 3 Bl.). Нѣкоторые законы заключали въ себѣ заклятіе (ср. *Hermes*, XXX, 61 ff) или прямое запрещеніе выступать (ῥήτορι εἶναι, ἀγορεύειν) съ предложеніемъ объ ихъ отмѣнѣ или измѣненіи (ср. Ditt[2]. 19. 80. 523. 933. Mich. 363). Необходимость для оратора считаться съ возможностью γραφῆς παρανόμων (ср. разсказы о законахъ Залевка или Харонда, Stob. Fl. XLIV, 40; Polyb. XII, 16; Diod. XII, 16 sqq.; Demosth. XXIV, 140 sqq.), какъ раньше съ остракизмомъ (внутреннюю связь остракизма съ γρ. παραν. хорошо уясняетъ *Mahaffy*, Problems in Greek History, 87 s.), переноситъ насъ уже изъ области законодательной въ область практической политики,—въ область борьбы политическихъ партій (такъ еще

Если, такимъ образомъ, устное слово находило себѣ благодарную почву во всемъ складѣ жизни еллиновъ, то, съ другой стороны, и самый страшный, самый опасный врагъ устнаго слова,—какимъ является письменность,—хотя и пріобрѣлъ себѣ у еллиновъ большую—со временемъ даже слишкомъ большую—силу[1]), однако все-же далеко не

въ ἀγορῇ 2-й пѣсни Иліады), борьбы конечно, требовавшей и отъ ораторовъ (какъ таковыхъ) и жертвъ, и самопожертвованій (ἡ Διομήδεια λεγομένη ἀνάγκη, Plat. Resp. 493 D). Въ связи съ борьбой политическихъ партій или направленій стоятъ и случаи преслѣдованія отдѣльныхъ свободныхъ мыслителей; къ сожалѣнію, извѣстія объ этихъ случаяхъ слишкомъ не отчетливы, какъ не вполнѣ разясненной остается (ср. *Pöhlmann*, Sokrates und sein Volk, 1899; *Beyschlag*, Die Anklage des Sokrates, 1900; *Menzel*, Untersuchungen zum Sokrates-Prozesse, 1902) и казнь Сократа; не отчетливы наши свѣдѣнія и о прямо направленныхъ противъ „философовъ" аѳинскихъ законахъ Діопейѳа и Софокла.—Очевидно, свобода слова въ Елладѣ не была полной (ср. Государство и Законы Платона); однако же она и не граничила такъ близко съ нетерпимостью, какъ старается представить *Scheichl*, Das Griechentum und die Duldung (1903): ограниченія свободы слова были здѣсь не правиломъ, а исключеніями—уже потому, что были не систематическими, а случайными (ad hoc или ad hominem). Ср. *Pöhlmann*, Sokrates, 112 ff. *Gomperz*, Gr. Denker I[1], 353. 463. 471; II[1], 90 ff. *E Meyer*, Gesch. d. Alterth., IV, 102 ff. 277 f. 488 f. V, 224 ff. *Bernays*, Phokion, 107 ff. Decharme, *Mélanges Perrot* 73 ss. *Wilamowitz*, Antigonos v. Kar., 270 ff. *Susemihl*, G. d. gr. Litt. d. Alexandriner Zeit, I, 553 f.

[1]) Письменность существовала на территоріи еллинскаго міра, какъ показали послѣднія критскія раскопки (*Evans*, Cretan pictographs and praephoenician script. 1895; Zahn, *Arch. Anzeiger*, 1901, 21 ff.; ср. также R. Weil въ *Rev. archéol.*, 1903, I, 213 ss.), еще во II-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., и быть-можетъ отчасти на почвѣ кое-какихъ пережитковъ (ср. кипрское письмо) этой—раздѣлившей участь „микенской" культуры—письменности появились потомъ (къ VIII стол.?) въ культурныхъ центрахъ Еллады φοινικήια (ср. φοινικογράφος IG Ins. II, 93 sq.); въ VII столѣтіи еллинская письменность оказывается уже вполнѣ окрѣпшей и прочно утвердившейся; дальнѣйшему ея распространенію содѣйствуетъ появленіе болѣе удобнаго писчаго матеріала, т. е., кромѣ металлическихъ, каменныхъ, деревянныхъ „досокъ" (ср. „доски" Псковской судной грамоты), кромѣ кожи (διφθέραι—отсюда litterae),—папируса (съ VI в.?), потомъ (со II в. до Р. Хр.?) и пергамена (ср. *Dziatzko*, Untersuch. üb. d. ausgew. Kap. d. antiken Buchwesens, 14 ff. 129 ff.). Еллины (одни, конечно, какъ аѳиняне, больше, другіе, какъ лакедэмоняне, меньше) любили выражать себя какъ въ устномъ словѣ, какъ въ искусствѣ, такъ и въ письмѣ—и не только κατὰ τὸ παρόν, а и ἐς ἀεί, εἰς τὸν πάντα χρόνον (Thuc. I 22; Pol. II 56, 10), ὅπως ἂν εἰδῶσι ἅπαντες, ὅπως ἂν καὶ εἰς τὸν λοιπὸν χρόνον εἰδῶσι (какъ часто читаемъ въ аѳ. надписяхъ). Число греческихъ надписей очень замѣтно возрастаетъ еще въ VI столѣтіи; примѣненіе письменности для литературныхъ цѣлей очень замѣтно расширяется въ Аѳинахъ 2-ой полов. V в. (Herod. IV 36; Xen. Mem. I 6, 14; IV 2, 10; ср. *Wilamowitz*, Euripides Herakles, I[1] 120 ff.), а къ концу того же столѣтія появляются и βιβλιοπῶλαι. Съ тѣхъ поръ—особенно же съ „александрійской" эпохи—книжное дѣло быстро развивается и организуется, насколько то было возможно при пользованіи буквами не механической, а ручной работы (ὄργανα

успѣлъ еще пріобрѣсти себѣ такую силу, чтобы между устной и письменной рѣчью сталa возможной борьба не на жизнь, а на смерть: такая борьба стала возможной лишь со времени распространенія книгопечатанія.

«Десяти языковъ, десяти устъ» было бы мало, чтобы исчислить всѣ выгоды, какія получила человѣческая культура отъ изобрѣтенія письменности и затѣмъ печатанія. «Кто могъ-бы—восклицаетъ Діодоръ—кто могъ-бы сложить достойное похвальное слово грамотности?» Онъ самъ однако вписываетъ въ свою исторію такое похвальное слово[1]); не разъ прославленіе письменности встрѣчаемъ мы и въ другихъ, какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ произведеніяхъ греческой литературы[2]). И любопытно, что прославленіе это сводится тутъ обыкновенно къ тѣмъ-же пунктамъ, къ какимъ сводится прославленіе письменности или книгопечатанія и въ новой или въ современной литературѣ[3]). Какъ здѣсь, такъ и тамъ указывается обыкновенно на то, что письмо или печатаніе далеко раздвигаетъ тѣ границы, какія существуютъ, и въ пространствѣ, и во времени, для слова произносимаго устно; какъ здѣсь, такъ и тамъ указывается на важное значеніе письма въ области права и правосудія, въ дѣлѣ фиксированія или публикованія законовъ, въ дѣлѣ документированія договоровъ и сдѣлокъ.

Но, подобно своимъ «софистамъ», греки вообще любили судить о каждомъ предметѣ съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, противо-

---

ἔμψυχα) и не бумагой, а папирусомъ (или пергаменомъ). Ср. Dziatzko, Bibliotheken, Buch, Buchandel, у *Pauly-Wissowa*, III, 405 ff. 939 ff.; Wünsch, Charta, ibid. 2185 ff.; *Birt*, Das antike Buchwesen (1882); *Dziatzko*, Untersuchungen (1900).—О развитіи скорописи у др. грековъ—*Larfeld*, Handb. d. griech. Epigraphik, II, 537 ff., и *Gitlbauer*, Studien z. griech. Tachygraphie (1903); ср. *Arnim*, Dio v. Prusa, 174 ff.—О тайнописи—Aen. c. poliorc. 31.

[1]) Diod. XII, 13. Трудно, конечно, рѣшить, въ какой мѣрѣ это ἐγκώμιον τῆς τῶν γραμμάτων μαθήσεως принадлежитъ самому Діодору; быть-можетъ дѣло не обошлось тутъ безъ участія если не Тимэя, то Посейдонія (ср. Bachof въ *N. Jahrbb.*, CXIX, 161 ff.; Busolt, ibid. CXXXIX, 297 ff.).

[2]) Ср. Aeschyl. Prom. 460 sq.; Eurip. Palam. fr. 582 N²; Антифанъ у Athen. 450 e sqq., Филемонъ у Stob. Anth. II p. 29 W. (Kock CAFII 95. 481); Gorg. Palam. 30; Isocr. XII, 209. [Hippocr.] de diaeta, 23. Ср. также Herod., προοίμιον; Plat. Tim. 23 A sqq. Crit. 109 D sq. Характерна видная роль, какая отводится въ трагедіяхъ (напр., въ Ἱκέτιδες Эсхила, въ Τραχίνιαι Софокла, въ Ἰφιγένεια ἐν Ταύροις, Ἰφιγ. ἡ ἐν Αὐλίδι и Ἱππόλυτος στ. Еврипида) письменнымъ договорамъ, завѣщаніямъ, оракуламъ, письмамъ.

[3]) Ср., напр., *Wuttke*, Die Entstehung der Schrift, 3 ff. *L. v. Stein*, Die Verwaltungslehre, VI, 9 ff. *Лакомбъ*, Соціол. основы исторіи (De l'histoire considérée comme science), 163 сл.

поставлять всякому сужденію другое, прямо ему противоположное. Если одни самымъ рѣшительнымъ образомъ восхваляли прогрессъ человѣческой культуры, гордились ея успѣхами, прославляли «изобрѣтателей»—въ томъ числѣ изобрѣтателей письма[1],—какъ благодѣтелей человѣчества, то другіе, напротивъ, не обольщаясь внѣшними культурными успѣхами, расшатавшими былую устойчивость, простоту, «мѣрность» нравовъ и понятій, склонны были видѣть въ новыхъ изобрѣтеніяхъ и пріобрѣте-

---

[1]) Въ качествѣ εὑρετής τῶν γραμμάτων у Эсхила является Прометей (Prom. v., 460: ἐξηῦρον... γραμμάτων συνθέσεις; ср. 506: πᾶσαι τέχναι βροτοῖσιν ἐκ Προμηθέως). Στησίχορος δὲ Παλαμήδην εὑρετὴν αὐτῶν ποιεῖται, ᾧ συμφωνεῖ καὶ Εὐριπίδης (Schol. Dion. Thr. p. 786 B.); у Еврипида (fr. 582 N.²) Паламедъ говоритъ: τὰ τῆς γε λήθης φάρμακ' ὀρθώσας μόνος, ἄφωνα καὶ φωνοῦντα συλλαβάς τε θεὶς ἐξεῦρον ἀνθρώποισι γράμματ' εἰδέναι; у Горгія (Palam. 30) Паламедъ прославляется какъ εὑρὼν γράμματα. Παλαμήδης, имя котораго стоитъ въ связи съ παλάμη (=τέχνη Hesych.) и съ именемъ: Παλαμάων (Паламаонъ выступаетъ въ роли Гефэста или въ роли отца Дэдала; кстати: *имя* Παλαμάων=Μαχάων, ср. χειρομάχα, οὔτε τέχνα οὔτε μαχανᾷ), относится, кажется, къ тому кругу сказаній, который сложился на почвѣ знакомства съ вещественными и невещественными слѣдами „микенской“ культуры или эпохи: недаромъ онъ—сынъ Ναύπλιος'а (ср. Strab. 368: ἐφεξῆς δὲ τῇ Ναυπλίᾳ τὰ σπήλαια καὶ οἱ ἐν αὐτοῖς οἰκοδομητοὶ λαβύρινθοι· κυκλώπεια δ' ὀνομάζουσιν; о найденномъ въ Навпліи „микенскомъ“ сосудѣ съ Henckelinschrift—'Εφ ἀρχ. 1895, 261, π. 11; *Evans* Cret. pict. 18), недаромъ онъ тяготѣетъ (кромѣ Арголиды) къ Востоку, или по крайней мѣрѣ къ Лесбосу и Троадѣ (сводъ данныхъ о Паламедѣ—у Lewy, въ *Roschers Mythol. Lex.*, III, 1264 ff.; о Palmithe у этрусковъ—Pauli, ib. 1343 f.).—Очень опаснымъ соперникомъ Паламеда въ роли εὑρετής τῶν στοιχείων, по другимъ—въ роли только посредника между Финикіей и Елладой, т. е. между финикійской и еллинской азбукой, является Кадмъ (ср. Crusius, *Rosch. Myth. L.*, II, 871 ff. 892); иные прибавляли, что раньше Кадма (πρὸ Κάδμου) перенесъ τὰ στοιχεῖα въ Елладу Данай (Sch. in Dion. Thr. 783 B.). Кадмъ, какъ и Данай,—у Μιλησιακοὶ συγγραφεῖς, начиная, повидимому, съ Гекатэя (сюда относится и измышленіе о Κάδμος Μιλήσιος, ὃς πρῶτος κατά τινας συγγραφὴν ἔγραψε καταλογάδην, Suid.; ср Dionys. de Thuc. 23); Кадмъ какъ ὁ τῶν γραμμάτων Ἕλλησιν εὑρετής—у Ефора, какъ τῆς Φοινίκων εὑρέσεως διάκτορος (ср. Herod. V 28 sq.)—у Аристотеля, если не въ [аристотелевскомъ] Πέπλος (ср. Arist. fr. 501. 638 R.; *Wendling* de Peplo Aristot., 6 sqq. 61 sqq.; Schmid, *Philologus*, LII, 373 ff.). Кадмъ помѣщенъ былъ во главѣ исторіи греческой письменности, когда признана была зависимость греческаго алфавита отъ финикійскаго; но письменность египетская оказывались болѣе древней, нежели финикійская: отсюда—ссылки на Даная (или Кекропа, Tac. Ann. XI, 14); ср. разсказъ о найденномъ при Агесилаѣ въ галіартской гробницѣ Алкмены πίναξ ἔχων γράμματα παμπάλαια, причемъ ὁ τύπος τῶν χαρακτήρων былъ ἐμφερέστατος Αἰγυπτίοις (Plut. de gen. Socr., 5 sqq.). У Платона (Phaedr. 274 D) изобрѣтаетъ буквы египетскій богъ или δαίμων (εἴτε τις θεὸς εἴτε καὶ θεῖος ἄνθρωπος, Phileb. 18 B) Θεύθ, т. е. Тотъ,—онъ же Ἑρμῆς Τρισμέγιστος, Plut. qu. conv. 9 (ср. *Б. Тураевъ*, Богъ Тотъ, 159 сл.); рядомъ съ Гермесомъ ставятъ Исиду гимны, посвященные ей на Іосѣ (въ ритмической прозѣ) и на Андросѣ (въ стихахъ), Kaibel, *Epigr. Gr.* p. XXI; № 1028.—Послѣ-аристотелевскіе ученые старались точнѣе распредѣлить и опредѣлить роли Кадма и Паламеда, или подѣлить между Паламедомъ и другими εὑρεταί

ніяхъ культуры не прогрессъ, не приближеніе къ идеалу, а напротивъ—удаленіе отъ идеала, отъ оставшагося позади «золотаго вѣка».—того вѣка, когда богоподобные люди были такъ близки къ человѣкоподобнымъ богамъ: тогда не было и письменности, и однако люди жили лучше, и людямъ жилось лучше. чѣмъ теперь, послѣ всѣхъ ихъ столь-препрославленныхъ культурныхъ успѣховъ[1]).

Такъ и относительно значенія письменности оказались возможными δύο λόγοι ἀντικείμενοι ἀλλήλοις. Пользу примѣненія письменности для научно-литературныхъ цѣлей оспариваетъ миѳъ. разсказанный въ платоновомъ діалогѣ «Фэдръ». Египетскій демонъ Θεύθ изобрѣлъ разныя искусства и между ними письмена; самъ онъ, конечно, очень доволенъ этимъ своимъ изобрѣтеніемъ и хвалится имъ предъ мудрымъ царемъ египетскимъ. «Письменность, говоритъ онъ, сдѣлаетъ египтянъ обладающими и большею мудростью, и лучшею памятью: открыто средство для памяти и мудрости (μνήμης τε καὶ σοφίας φάρμακον εὑρέθη)» — «О, Θεύθ, —отвѣчаетъ царь —одному дано изобрѣтать. другому—судить о томъ, какую долю вреда, какую долю пользы принесутъ тѣ изобрѣтенія»[2]). По мысли мудраго царя, письмо быть-можетъ и больше способно сохранить, консервировать ту или другую мысль, нежели человѣческая память; но. стремясь не только служить подспорьемъ для памяти[3]). но и замѣнять собою самую память, не ослабляетъ-ли оно тѣмъ живую

или ζηλωταί (вродѣ Симонида или Епихарма) буквы греческаго алфавита (цитаты, кромѣ приведенныхъ выше, достаточно подробно указаны у Lewy. *Rosch. Myth. L.*, III, 1268 f.). На мѣсто Паламеда ставили потомъ (такъ Діонисій ὁ κυκλογράφος у Diod. III 67; ср. Tac. ann. XI, 14) Лина: φησὶ (Διονύσιος) Λίνον Κάδμου κομίσαντος ἐκ Φοινίκης τὰ καλούμενα γράμματα πρῶτον εἰς τὴν Ἑλληνικὴν μεταθεῖναι διάλεκτον, καὶ τὰς προσηγορίας ἑκάστῳ τάξαι καὶ τοὺς χαρακτῆρας διατυπῶσαι; этими τοῖς Πελασγικοῖς γράμμασι писаны были и сочиненія, или ὑπομνήματα Лина. У Zenob. Cent. IV, 45 Кадмъ убиваетъ Лина за желаніе ввести ἴδια γράμματα, но ѳивяне изгоняютъ Кадма (Καδμεία νίκη). Ср. Greve, *Rosch. M. L.*, II. 2056 ff. Линъ относится къ тому же—указанному выше—кругу сказаній, что и Паламедъ; не внѣ связи съ этимъ кругомъ сказаній стоятъ, впрочемъ, и Кадмъ (Ѳивы) или Данай (Аргосъ).

[1]) Ср. *Gomperz*, Griech. Denker I', 311 ff. II, 115 f. *Billeter*, Griech. Anschauungen über die Ursprünge der Kultur (1901). *Apelt* Die Ansichten d. griech. Philosophen üb. d. Anfang d. Cultur (1901) Graf. *Leipz. Stud.*, VIII, 1 ff. *Pöhlmann*, Gesch. d. ant. Kommunismus u. Sozialismus, I, 109 ff.; II, 3 ff. *Rohde*, Gr. Rom². 210 ff. *Dümmler*, Akademika, 216 ff. Norden. *N. Jahrbb.*, S.-B. XIX, 411 ff. *Hirzel*, Ἄγραφος νόμος, 75 ff. *Gruppe*, Griech. Mythologie, 447 ff.

[2]) Plat. Phaedr. 274 C—275 A.

[3]) Plat. Phaedr. 275 C—D 276 D. Ср. Leg. 811 E.

память, не убиваетъ-ли живую воспріимчивость къ слову?[1]) Письмо быть можетъ и содѣйствуетъ больше, нежели устная рѣчь, распространенію знанія или знаній; но если устное слово можетъ знать, къ кому оно обращается, то слово письменное не можетъ знать, кто къ нему обратится, кто и какъ имъ воспользуется. А вѣдь далеко не всякій съумѣетъ воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ,—такъ, какъ того желалъ-бы авторъ сочиненія. Читателю самому, безъ личнаго руководства автора, трудно разобраться въ сочиненіи, расчитанномъ можетъ-быть лишь на тѣсный кружокъ посвященныхъ. Но еще труднѣе ему разобраться—сдѣлать надлежащій выборъ—среди все новыхъ и новыхъ выходящихъ въ свѣтъ сочиненій[2]). А между тѣмъ,—разсуждаетъ царь,—кое-какъ нахватавшись мудрости изъ разныхъ—быть-можетъ случайно подвернувшихся подъ-руку—сочиненій, иной читатель будетъ считать себя многознающимъ, на самомъ дѣлѣ оставаясь невѣждой,—будетъ думать, что онъ мудрецъ и на самомъ дѣлѣ, тогда какъ онъ только лжемудрецъ, кажущійся мудрецъ, не σοφός, a δοξόσοφος[3])... Не безъ основаній предполагаютъ[4]), что Платонъ передаетъ здѣсь подлинныя мысли своего великаго учителя; мы знаемъ, что Сократъ ничего не писалъ[5]),—какъ потомъ и нѣкоторые другіе видные философы, напр., Аркесилай или Карнеадъ[6]).

Не оставлены были безъ возраженій и указанія на благодѣтельную роль письменности въ сферѣ «международныхъ»[7]) и гражданскихъ

---

[1]) Plat. Phaedr. 275 A. 276 A. Cp. Leg. 814 C sq.

[2]) Plat. Phaedr. 275 A—278 B. Cp. Theaet. 164 E. 169 D sq 171 C. 184 A. Protag 329 A. 347 D. sq Cp. также вылазки противъ діалога „Фэдръ“ у Исократа, κατὰ τῶν σοφιστῶν, XIII, 12 sq.

[3]) Plat. Phaedr. 275 A—B.

[4]) Cp. *Bruns*, D. literarische Porträt d. Griechen, 225 ff.

[5] Schanz, *Hermes*, XXIX, 597 ff, даже разсказъ о томъ, что Сократъ складывалъ стихи въ тюрьмѣ, считаетъ измышленіемъ Платона (Phaed. 60 D sqq.).

[6]) Plut. de Alex. fort. 1, 4: καίτοι γε οὐδὲ Πυθαγόρας ἔγραψεν οὐδὲν οὐδὲ Σωκράτης οὐδὲ 'Αρκεσίλαος οὐδὲ Καρνεάδης, οἱ δοκιμώτατοι τῶν φιλοσόφων. О Карнеадѣ—cp. Diog. L. IV 65; къ нему повидимому (cp. Crönert, *Hermes*, XXXVIII, 365) относится и показаніе: αὐτὸς τῆς συγγρα[φῆς] ἀπέστη въ Academicorum philos. Index Herc. p. 66 Mekler; объ Аркесилаѣ разсказывали (хотя и не совсѣмъ согласно), что онъ вовсе не писалъ, или что онъ жегъ книги (Acad. Ind., p. 68 sq. M.; Diog. L., IV, 32); то же разсказывали и о Метроклѣ (D. L., VI, 6)

[7]) Характерны слова царя ('Αργείων) Пеласга египетскому κῆρυξ въ 'Ικέτιδες Эсхила, 946 sqq.: ταῦτ' οὐ πίναξίν ἐστιν ἐγγεγραμμένα οὐδ' ἐν πτυχαῖς βίβλων κατεσφραγισμένα, σαφῆ δ' ἀκούεις ἐξ ἐλευθεροστόμου γλώσσης.

юридическихъ отношеній[1]); но особенно оживленную полемику вызвалъ вопросъ о значеніи письменности въ дѣлѣ законодательства; вопросъ этотъ свелся къ вопросу о томъ, какіе законы выше,—законы ли открытые людямъ богами, вложенные въ ихъ сердца природой, вѣчные, неизмѣнные, или законы начертанные самими людьми, не умѣющими, конечно, ни предусмотрѣть всего, ни даже достаточно полно и ясно выразить и то, что ими предусмотрѣно[2]); отправляясь отсюда, дошли-было даже до мысли, что лучше, нежели писанные законы, правитель, который служилъ бы олицетвореніемъ, воплощеніемъ закона, одушевленнымъ закономъ[3]).

Τὸ γὰρ γράμμα ἀποκταίνει, τὸ δὲ πνεῦμα ζωοποιεῖ (буква убиваетъ, духъ животворитъ)—такъ резюмируетъ эти возраженія эллинистически-риторически образованный апостолъ Павелъ[4]).

Въ основаніи этихъ возраженій и оговорокъ, направленныхъ противъ безусловнаго восхваленія письменности, лежало, разумѣется, сознаніе,—что если и вообще слово безсильно полно и точно передать овладѣвшія человѣкомъ, одушевляющія, волнующія его мысли, то слово

---

[1]) Cp. *Hirzel*, Αγραφος νομος, 21 ff. 51 f. 59 ff. *Hirzel*, Der Eid, 52 ff.

[2]) Plat. Polit. 294 A (ὅτι νόμος οὐκ ἄν ποτε δύναιτο τό τε ἄριστον καὶ τὸ δικαιότατον ἀκριβῶς πᾶσιν ἅμα περιλαβὼν τὸ βέλτιστον ἐπιτάττειν). Leg 968 D. Arist. Polit. 1282 b 4 sqq. (ἐξαδυνατοῦσιν οἱ νόμοι λέγειν ἀκριβῶς); 1287 b. 17 sqq. (τὰ μὲν ἐνδέχεται περιληφθῆναι τοῖς νόμοις, τὰ δὲ ἀδύνατα) Rhet. 1374 a 27 sqq. Eth. Nic. 1137 b 22 sqq. Ἀθ. πολ. 9. Isocr. VII 39 sqq. *Keil*, Die Solonische Verfassung, 157 ff.—Cp. *Hirzel*, Αγραφος νομος (1900).

[3]) Plat. Politic. 294 A sqq.: τρόπον τινὰ μέντοι δῆλον ὅτι τῆς βασιλικῆς ἐστὶν ἡ νομοθετική· τὸ δ' ἄριστον οὐ τοὺς νόμους ἐστὶν ἰσχύειν (τον δέ γε νόμον ὁρῶμεν σχεδὸν ἐπ'αὐτὸ τοῦτο ξυντείνοντα), ἀλλ' ἄνδρα τὸν μετὰ φρονήσεως βασιλικόν· ὥσπερ ὁ κυβερνητης... οὐ γραμματα τιθεὶς ἀλλὰ τὴν τέχνην νόμον παρεχόμενος, σώζει τοὺς συνναύτας, οὕτω καὶ παρὰ τῶν οὕτως ἄρχειν δυναμένων ὀρθὴ γίγνοιτ' ἂν πολιτεία, την τῆς τέχνης ῥώμην τῶν νόμων παρεχομένων κρείττω; Arist. Pol. 1286 a, 8 sqq.: πότερον συμφέρει μᾶλλον ὑπὸ τοῦ ἀρίστου ἀνδρὸς ἄρχεσθαι ἢ ὑπο τῶν ἀρίστων νόμων. δοκεῖ δὴ τοῖς νομίζουσι συμφερειν βασιλεύεσθαι τὸ καθόλου μόνον ὁ νόμος λέγειν, ἀλλ' οὐ πρὸς τὰ προσπίπτοντα ἐπιτάττειν· ὥστε ἐν ὁποιφοῦν τέχνῃ το κατὰ γράμματ' ἄρχειν ἠλίθιον. (Самъ Аристотель полемизируетъ съ „Политикомъ“ Платона, считая οὔτε συμφέρον, οὔτε δίκαιον ἕνα κύριον εἶναι πάντων, οὔτε μὴ ὄντων νόμων, ἀλλ' αὐτον ὡς ὄντα νόμον, οὔτε νόμων ὄντων,—cp. Politic. 302 E: μοναρχία ζευχθεῖσα ἐν γράμμασιν ἀγαθοῖς, οὓς νόμους λέγομεν). Just. Nov. 105, 4: καὶ αὐτοῖς ὁ Θεος... νόμον αὐτὴν (τὴν βασιλείαν) ἔμψυχον καταπέμψας τοῖς ἀνθρώποις. Themist. or. 19, p. 228 a: βασιλείαν κατέπεμψεν ὁ θεος, ὅπως ἂν εἴη καταφυγη τῷ ανθρώπῳ ἀπὸ τοῦ νόμου τοῦ ἀκινήτου ἐπὶ τον ἔμπνουν καὶ ζῶντα. Cp. *Kaerst*, Studien z. Entwick. u. theor. Begründ. d. Monarchie im Altertum, 14 ff.—O пословицѣ: μωρῷ καὶ βασιλεῖ νόμος ἄγραφος (Porf. ad Hor. s. II, 3, 188; cp. *Philologus*, LII, 567 f.

[4]) Ad Cor. II, 3, 2 sqq.

письменное въ этомъ отношеніи еще несравненно безсильнѣе, нежели слово устное[1]). И намъ, конечно, не совсѣмъ чуждо это сознаніе, не разъ высказанное и въ новой литературѣ[2]); но, оставивъ позади себя нѣсколько тысячелѣтій распространенія письменности и нѣсколько столѣтій распространенія книгопечатанія, мы не могли не утратить если не ясность, то свѣжесть и живость этого сознанія.

Еллины особенно живо должны были чувствовать существенное различіе между словомъ, когда оно говорится и слушается, и словомъ, когда оно пишется и читается; еллины особенно живо должны были чувствовать тѣсную связь мысли именно съ устнымъ словомъ. Мы знаемъ, что даже въ болѣе-позднее время, когда письменность повидимому стала уже почти такимъ же обычнымъ и привычнымъ средствомъ для цѣлей литературы, какимъ теперь служитъ печать, еллины все еще предпочитали писать устами и читать ушами (или глазами и ушами). Авторъ литературнаго произведенія предпочиталъ не самъ писать его, а диктовать—если имѣлъ кому диктовать[3]),—и раньше чѣмъ выпустить его на книжный рынокъ, онъ обыкновенно прочитывалъ его въ кругу литераторовъ или цѣнителей литературы,—такъ что письменному изданію въ свѣтъ произведенія предшествовало устное его изданіе[4]). Само собою разумѣется, что и вообще въ «кружкахъ» нерѣдко читались—т. е. читались и не самими авторами—литературныя произведенія[5]). Но и тотъ, кто пріобрѣлъ или добылъ себѣ рукопись сочиненія, если онъ не зна-

---

[1]) Ср. Plat. Phaedr. 276 A: τὸν τοῦ εἰδότος λόγον λέγεις ζῶντα καὶ ἔμψυχον, οὗ ὁ γεγραμμένος εἴδωλον ἄν τι λέγοιτο δικαίως.

[2]) „Der Mensch eigentlich nur berufen ist, in der Gegenwart zu wirken. Schreiben ist ein Missbrauch der Sprache, stille für sich lesen ein trauriges Surrogat der Rede“ (Goethe).—„Рѣчь переданная знаками письменъ представляетъ нѣчто обманывающее (Etwas täuschendes), скрывая полноту и энергію содержанія, къ которому относятся ея слова“ (Lazarus). Ср. *Nietzche*, Jenseits v. Gut u. Böse § 246 f. *Philippi*, Die Kunst der Rede, 229 ff. Ср. также Горнфельдъ, Муки слова, *Сборн. ж. „Русск. Бог“*, II, 73 сл.; Батюшковъ, Въ борьбѣ со словомъ, *Журн. Мин. Н Просв.* 1900, 2, 209 сл.

[3]) Ср. *Norden*, Antike Kunstprosa, 954 ff. (гдѣ не указано самое раннее сюда относящееся свидѣтельство: Isocr XII, 231).

[4]) *Rohde*, Gr. Rom[2]., 326 ff. 379 f.; Kl. Schr., I, 265 f. II 445 f. *Dziatzko*, Untersuchungen, 149 ff. Ср. *H. Schöne*, Platons unvollendete Tetralogieen, 28 ff.

[5]) Такъ уже у Plat. Phaed. 97 B sq (отсюда, вѣроятно, и сообщеніе Diog. L. III 37, что Платонъ самъ читалъ въ Аѳинахъ своего „Фэдона“).—Характерно выраженіе Апокалипсиса, 1, 3: μακάριος ὁ ἀναγινώσκων καὶ οἱ ἀκούοντες τοὺς λόγους τῆς προφητείας καὶ τηροῦντες τὰ ἐν αὐτῇ γεγραμμένα.

комился съ нимъ въ чтеніи состоявшаго при его особѣ «чтеца»[1]), а читалъ самъ,—читалъ обыкновенно не про себя, а вслухъ, какъ тотъ евнухъ, хранитель сокровищъ царицы эѳіопской, о которомъ разсказывается въ Дѣяніяхъ апостольскихъ[2]). Нерѣдко поэтому и въ тѣхъ сочиненіяхъ, какія вовсе не были расчитаны на произнесеніе, вмѣсто термина «читатели» употреблялся терминъ «слушатели»[3]); съ этимъ стоитъ въ связи, конечно, и то, что еллинамъ не были извѣстны наши подстрочныя примѣчанія[4]), или наши «оглавленія»[5]).

Итакъ, даже и въ ту пору, когда письменность очень прочно утвердилась въ обиходѣ еллинской литературы, еллины, все больше пользуясь ею, старались по-возможности игнорировать ея существованіе, урѣзывать ея значеніе. Имъ такъ и не довелось дойдти до такого разрыва между мыслью и ея выраженіемъ—словомъ, рѣчью, до какого дошли мы; недаромъ то и другое понятіе, т. е. и «мысль», и «рѣчь» обозначались у нихъ однимъ терминомъ—λόγος[6]), и такое же двойное значеніе имѣлъ у нихъ и терминъ миѳъ, μῦθος. Но, чувствуя гораздо непосредственнѣе, нежели мы, живую связь между мыслью и выра-

---

[1]) ἀναγνώστης, ὑπογραφεύς (не непремѣнно рабъ). Ср. O. Jahn, *Hermes*, II, 420; *Rohde* Gr. R.[2], 520 f.

[2]) Acta Ap. 8, 26 sqq. Lucian. adv. indoct., 2. Diog. L. VII 2. Ср. *Norden*, Ant. Kunstpr., 6. Peter, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, I, 641.

[3]) Οἱ ἀκούοντες, ἀκροώμενοι, ἀκροαταί (οἱ φιληκοοῦντες, Polyb. III, 57, 4); ср. λέγειν вмѣсто γράφειν (напр., Isocr. IX, 8: περὶ μὲν γὰρ ἄλλων... λέγειν τολμῶσιν οἱ περὶ τὴν φιλοσοφίαν ὄντες, περὶ δὲ τῶν τοιούτων οὐδεὶς πώποτ' αὐτῶν συγγράφειν ἐπεχείρησεν). Ср. примѣненіе вообще „неопредѣленныхъ выраженій“ (ὁ δημοτικῶν λόγος, ὀδυρόμενοι, κατηγοροῦντες и т. п.) въ литературной (анонимной) полемикѣ—so dass es den Anschein hat, als handle es sich um mündliche Äusserungen und zwar um solche, die man noch täglich hören kann, *Duemmler* Kl. Schr. II 428 ff.

[4]) *Ritschl*, Opusc. V 240. *Keil*, Solon. Verfassung, 179 ff. *Kaibel*, Text u. Stil d. Ἀθην. Πολ. des Arist., 16 ff. *Norden*, Ant. K., 90 f. Crusius, *Philologus*, LVIII, 479 f. (Man war noch nicht gewohnt—говоритъ Crusius,—das Auge fur das Ohr arbeiten zu lassen, rechnete also hier ebensowenig mit der räumlichen Anordnung, wie etwa bei den ältesten Titeln).—О цитатахъ ср. *Norden*, 88 ff. E. Schwarz, *Hermes*, XXXV, 122 f.

[5]) Т. е. заглавія главъ или параграфовъ. Съ этой точки зрѣнія характерна и исторія возникновенія заглавій сочиненій (ср. προοίμια Гераклита, Гекатея, Геродота, Ѳукидида). *Bergk*, Gr. Lit.-G., I, 220 ff. *Wilamowitz*, Euripides Herakles, I[1], 123 f.—*Lohan*, De libr. titulis ap. cl. script. Gr. (1890).

[6]) Тщательное—и не безполезное—сопоставленіе текстовъ (или контекстовъ), въ коихъ встрѣчается слово λόγος, отъ Гомера до Филона, даетъ *Flipse*, De vocis quae est λόγος significatione atque usu (1902).

жающей ее рѣчью, они гораздо живѣе, нежели мы, должны были чувствовать и связь между значеніемъ и звуковой стороною слова, т. е. и отдѣльныхъ словъ, и составляющейся изъ нихъ рѣчи[1]). Недаромъ въ платоновской теоріи[2]) происхожденія искусства (въ частности—поэзіи) мысль какъ-бы поглощается словомъ, слово-же какъ-бы поглощается звукомъ, а звукъ ставится въ связь съ движеніемъ. Если все, пока молодо, поскольку оно радуется жизни, не можетъ—такъ поучалъ Платонъ—не можетъ соблюдать покой и тишину, стремится двигаться и звучать, если въ этомъ отношеніи люди отличаются отъ животныхъ только тѣмъ, что имъ присуща уже склонность къ ритму и гармоніи, то естественно, что, какъ только люди захотятъ или смогутъ уйдти отъ тягостей или горестей жизни, они начинаютъ двигаться и звучать соблюдая ритмъ и гармонію[3]). Отсюда пѣсня, или сказъ[4]) и пляска, или мимическое дѣйство[5]); отсюда объединяющая собою пѣсню и пляску, соединяющая въ себѣ движеніе и звукъ музыка[6]). Проистекая изъ общаго

---

[1]) Отъ грековъ поэтому ведетъ начало и теорія „ономатопоэтическаго“ образованія языка, предполагающая соотвѣтствіе между значеніемъ τῶν τε ὀνομάτων καὶ ῥημάτων и составляющими ихъ φθόγγοι (στοιχεῖα) καὶ συλλαβαί (ср. особенно платоновскій діалогъ Κράτυλος). *Steinthal*, Gesch. d. Sprachwissenschaft bei d. Gr. u. R. I² 99 ff. Ср. *Kretschmer*, Einleit. in d. Gesch. d. griech. Sprache, 1 f.—Очень характерна съ этой точки зрѣнія пародія Aristoph. Ran. 1349 на Eurip. El. 437 (ср. *Bruchmann*, Psychol. Stud. z. Sprachgesch., 151 f.).—О соотношеніи между звуковой стороною и значеніемъ словъ (конечно, не изначальномъ, не прямомъ и не устойчивомъ) ср. *Wundt*, Völkerpsychologie I, 1, 323 ff.; 2, 421 ff. 588 ff.

[2]) Эта теорія не устанавливается непосредственно, а такъ-сказать читается между строкъ въ Νόμοι Платона (653 C sqq. и passim). О не полной отчетливости мысли, выраженій и терминовъ въ этихъ отдѣлахъ діалога ср. *Ritter*, Platos Gesetze, Kommentar, 15 ff. 72 ff.

[3]) Plat. Leg. 653 D sqq. 664 E sq. Ср. 673 D. 816 A.

[4]) Ὠιδή—или φωνῆς κίνησις, φωνή. Ср. 655 D (τὰ ῥηθέντα ἢ μελῳδηθέντα). 801 C (ῥήμασιν ἢ καὶ κατὰ μέλος). 664 A (ἔν τε ᾠδαῖς καὶ μύθοις καὶ λόγοις).

[5]) Ὄρχησις—или σώματος κίνησις; чрезъ κινεῖσθαι τῷ σώματι, т. е. σχήμασι (какъ и чрезъ ᾄδειν, или μέλεσιν) исполняются и μιμήματα τρόπων, совершается μίμησις,—одна изъ главныхъ задачъ искусства (Leg. 655 D sq.).

[6]) Собственно музыка (μουσική въ тѣсномъ смыслѣ) разсматривается въ „Законахъ“ обыкновенно (хотя и не вполнѣ послѣдовательно), какъ одно неразрывное цѣлое съ пѣснею (какъ μέλος),—сводясь къ φωνῆς κίνησις, φωνή, φθέγμα. Но къ τὸ κατὰ τὴν φωνὴν относятся не только ἁρμονίαι, но и ῥυθμοί (Leg. 672 E). Характерно также сочетаніе (т. е. раздѣленіе): ῥυθμοῦ ἢ μέλους ἢ ῥήματος (656 C), ῥήμασι τε καὶ μέλεσι καὶ τοῖς ῥυθμοῖς (669 B); τὸ μέλος—читаемъ Resp. 398 C—ἐκ τριῶν ἐστι συγκείμενον, λόγου τε καὶ ἁρμονίας καὶ ῥυθμοῦ. Ср. Leg. 673 D.—Ψιλὴ κιθάρισις или αὔλησις (πλὴν ὅσον ὑπὸ ὄρχησίν τε καὶ ᾠδὴν Leg. 669 E sq.) оказывалась вообще въ положеніи γραφικῆς (или πλαστικῆς), ко-

источника, взаимно обусловливая (т. е. опредѣляя и пополняя) другъ друга, пѣсня, или сказъ, пляска, или дѣйство, и музыка лишь постепенно расходятся въ разныя стороны, лишь постепенно привыкаютъ обходиться другъ безъ друга[1]).

Такова «теорія» Платона[2]), прямолинейная, какъ всѣ теоріи. Изъ нея нельзя, конечно, объяснить развитіе литературы, но и безъ нея нельзя объяснить развитіе еллинской литературы. Мы видимъ, что пѣніе, или сказываніе, дѣйство, или пляска и музыка въ иныхъ случаяхъ и потомъ остаются (или оказываются) здѣсь соединенными вмѣстѣ, напр., въ диѳирамбѣ, номѣ или въ драмѣ[3]),—какъ всѣ

торую Платонъ, повидимому, не зналъ, куда пристроить—къ ὄρχησις, или къ ᾠδή, т. е. къ σχήματα, или къ μέλη (Leg. 656 E sq. 669 A. Ср. 672 E: τὸ δέ γε κατὰ τὴν τοῦ σώματος κίνησιν ῥυθμὸν μὲν κοινὸν τῇ τῆς φωνῆς εἶχε κινήσει, σχῆμα δὲ ἴδιον). Кстати: платоновская (и аристотелевская) μίμησις въ примѣненіи къ искусствамъ движенія могла бы получить нѣкоторое разъясненіе съ тѣхъ же точекъ зрѣнія (*Hildebrand*, Das Problem der Form in d. bild. Kunst[3], 5 ff.), съ какихъ разъясняется (ср. *Löwy*, Die Naturwiedergabe in d. ält. gr. Kunst, 1900) μίμησις въ γραφική и πλαστική.

[1]) Соединеніе ᾠδή (μέλος) съ ὄρχησις выражается прежде всего въ χοροί (ἀπὸ τῆς χαρᾶς!), въ которые боги (Музы, Аполлонъ, Діонисъ) соединяютъ людей—ᾠδαῖς τε καὶ ὀρχήσεσιν (Leg. 653 D sqq.; ср. 665 A: τῇ δὴ τῆς κινήσεως τάξει ῥυθμὸς ὄνομα εἴη, τῇ δ' αὖ τῆς φωνῆς ἁρμονία ὄνομα προσαγορεύοιτο, χορεία δὲ τὸ ξυναμφότερον κληθείη). Leg. 673 D: τὸ ἀνθρώπινον ζῶον αἴσθησιν λαβὸν τοῦ ῥυθμοῦ ἐγέννησέ τε ὄρχησιν καὶ ἔτεκε, τοῦ δὲ μέλους ὑπομιμνήσκοντος καὶ ἐγείροντος τὸν ῥυθμὸν κοινωθέντ' ἀλλήλοις χορείαν ἐτεκέτην (ср. 816 A: ὅλως δὲ φθεγγόμενος, εἴτ' ἐν ᾠδαῖς εἴτ' ἐν λόγοις, ἡσυχίαν οὐ πάνυ δυνατὸς τῷ σώματι παρέχεσθαι πᾶς). 669 D: διασπῶσι οἱ ποιηταὶ ῥυθμὸν μὲν καὶ σχήματα μέλους χωρίς, λόγους ψιλοὺς εἰς μέτρα τιθέντες, μέλος δ' αὖ καὶ ῥυθμὸν ἄνευ ῥημάτων, ψιλῇ κιθαρίσει τε καὶ αὐλήσει προσχρώμενοι.

[2]) *Finsler*, Platon u. d. Aristotel. Poetik, 194 f., сближаетъ положенія Платона съ положеніями Бюхера (Arbeit und Rhythmus); еще ближе стоитъ теорія Платона къ теоріи акад. *А. Н. Веселовскаго*—о „синкретизмѣ первобытной поэзіи“, т. е. „сочетаніи ритмованныхъ, орхестическихъ движеній съ пѣсней-музыкой и элементами слова“ (Три главы изъ исторической поэтики, 1899, гдѣ, стр. 50 сл., указываются и другія теоріи,—и гдѣ съ данными другихъ литературъ постоянно сопоставляются и данныя греческой литературы). Ср. *Bücher* Arbeit u. Rhythmus[3], 342 ff. 397 ff.; также *Bruchmann*, Poetik, 31 ff.; *Гроссе*, Происхожденіе искусства, 193 сл.—Объ отношеніи ученій Аристотеля къ ученіямъ Платона ср. *Finsler*, 195 ff.

[3]) Arist. Poet. 1447 b: εἰσὶ δέ τινες (τέχναι) αἳ πᾶσι χρῶνται τοῖς εἰρημένοις, λέγω δὲ οἷον ῥυθμῷ καὶ μέλει καὶ μέτρῳ (ср. 1447 a: ἐν ῥυθμῷ καὶ λόγῳ καὶ ἁρμονίᾳ), ὥσπερ ἥ τε τῶν διθυραμβικῶν ποίησις καὶ ἡ τῶν νόμων καὶ ἥ τε τραγῳδία καὶ ἡ κωμῳδία. Ср. ὑπορχήματα, προσόδια, παιᾶνες, ἐμβατήρια, πυρρίχαι, παρθένεια, ὑμέναιοι, ἐπιλήνια, βουκολικά и другія χορεύματα, также богослуженія съ ихъ дѣйствами (δρώμενα, или μιμήματα τῶν περὶ τὸν θεόν); ср. также сообщеніе у Athen. 196 a sqq. περὶ τῆς ἐν 'Αλεξανδρείᾳ γεγενημένης ὑπὸ Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου βασιλέως πομπῆς. О сценѣ уборки винограда на щитѣ Ахиллея (Jl. XVIII, 561 sqq.) см. *Reichel*, Homer. Waffen[2], 155 f.

эти три элемента нашли себѣ мѣсто и въ представленіяхъ скомороховъ, которые, подъ разными названіями—и между прочимъ подъ названіемъ софистовъ[1]),—бродили и въ раннее, и въ позднее время по Елладѣ,—какъ бродили они и по другимъ странамъ, и по Руси,—играя въ гусли и въ гудки и во всякія игры, чиня безчинное скаканіе и плясаніе (часто—наложивъ на себя хари, или личины и платье скоморожское), распѣвая пѣсни, или сказки сказывая небылыя, и загадки загадывая, а то и волховствуя, или чародѣйствуя[2]). Никогда, вѣроятно, представленныя вмѣстѣ пѣніе, плясаніе и гудѣніе не бывали представлены равномѣрно. Два изъ этихъ трехъ елементовъ могли даже совсѣмъ заслонять или поглощать собою третій—какъ у тѣхъ поющихъ и пляшущихъ у храмовъ нищихъ, о которыхъ упоминается въ Риторикѣ Аристотеля[3]); гораздо чаще, впрочемъ, пѣніе соединялось не съ плясаніемъ, а съ гудѣніемъ[4]). Или даже одинъ изъ этихъ трехъ элементовъ могъ заслонить собою два остальныхъ[5]). Такъ, пѣніе нерѣдко, конечно, поглощало собою и плясаніе, и играніе, переходя даже постепенно въ сказываніе[6]): пѣвцы эпическихъ пѣсней (былинъ или балладъ), въ Одиссеѣ еще выступающіе съ киѳарой (точнѣе—съ φόρμιγξ), потомъ обращаются въ рапсодовъ-сказителей, сначала (какъ и ораторы гомеровскаго вѣча[7]))

---

[1]) μῖμοι, μιμῳδοί, μιμολόγοι, μίμαυλοι, φλύακες, δικηλισταί, ἱλαρῳδοί, σιμῳδοί, μαγῳδοί, λυσιῳδοί, γελωτοποιοί, θαυματοποιοί, γόητες, κίναιδοι, ἠθολόγοι, βιολόγοι, ἀρεταλόγοι, ἀγυρταί, πλάναι, σοφισταί и проч.; о названіи σοφισταί (Athen. 621 f; ср. χειρόσοφοι)—Tiele, N. *Jahrbb. f. d. kl. Alt.*, IX, 410. Ср. ρωμαιστής делосской надписи BCH. IX, 147 (Wilhelm, *Jahresh. d. österr. arch. Inst.* III, 49 f.).

[2]) Такъ—словами древнерусскихъ памятниковъ (ср. *В. Миллеръ*, Очерки р. нар. словесности, 22 сл.; *Пыпинъ*, Исторія р. литер. III', 19 сл.; *Веселовскій*, Разысканія въ области р. дух. стиха, VII, 128 сл.)—можно охарактеризовать общія черты—крайне разнообразной въ частностяхъ—дѣятельности древнегреческихъ скомороховъ. Ср. *Reich*, Der Mimus, I, 12 ff. 417 ff.

[3]) Arist. Rhet. 1401 b: ὅμοιον δὲ καὶ ὅτι ἐν τοῖς ἱεροῖς οἱ πτωχοὶ ᾄδουσι καὶ ὀρχοῦνται.

[4]) Ср. μέλος, μέλη (μελοποιοί)—понятіе, въ которомъ (такъ же, какъ въ ᾠδή—φωνῆς κίνησις „Законовъ“ Платона) сливаются алкмановскія ἔπη и μέλη (Alcm. fr. 17 B.: ἔπη τάδε καὶ μέλος Ἀλκμὰν εὗρεν).

[5]) Ср. Arist. Poet. 1447 a.

[6]) О соединеніи съ играніемъ не пѣнія, а сказыванія, т. е. о мелодекламаціи—Xenoph. qu. conv. VI, 3 sq.; [Arist.] Probl. XIX; [Plut.] de mus. 28; Athen. 636 b; Hesych. καταλογή. Ср. Варнеке, *Филол. Обозр.*, XX, 67 сл.

[7]) Jl. XXIII 567 sqq. I 234. VII 412. X 328. Od. II 36 sqq. XVIII 103.

съ жезломъ въ рукѣ[1]), а стало-быть безъ киѳары[2]), а потомъ даже и безъ жезла,—зато иной-разъ можетъ-быть съ φάρμαχον μνήμης, съ папирусомъ, по которому рецитируется, напр., Батрахоміомахія,—какъ это (правда не безъ комизма) указывается во вводныхъ стихахъ дошедшаго до насъ ея текста[3]).

Но если пѣніе могло переходить иногда въ сказываніе, то сказъ существовалъ искони и рядомъ съ пѣснею[4]). Иногда сказъ соединялся съ пѣснею[5]); иногда одно и то же содержаніе и пѣлось, и сказывалось, служило предметомъ то пѣсни, то сказа[6]). Но и внѣ всякой связи съ пѣснями, много ходило всегда у еллиновъ и сказокъ, и басней, легендъ, новеллъ, разсказовъ[7]). Ихъ сказывали и странствующіе разказчики-

---

[1]) Уже Hes. Theog. 30 sq. Ср. *Веселовскій*. Три главы, 151 сл.; собранныя здѣсь данныя—замѣтимъ кстати—позволяютъ дѣлать сближенія между σχῆπτρον (или ράβδος, ср. fasces) пѣвцовъ, или рапсодовъ—и σχυτάλα (de scytala—ср. Leopold, *Mnemosyne*, XXVIII, 365 sqq.), какъ, съ другой стороны, разъясняютъ μαντικάς τινας ψήφους, или χλήρους (Pind. Pyth. IV 189 sq. Eurip. Phoen. 838. Hipp. 1057).—О пѣніи подъ аккомпаниментъ лиры отрывка изъ Ἔργα Гесіода еще во времена Плутарха—Plut. qu. conv. IX, 2.

[2]) Ср. *Wilamowitz-Möllendorff*, Timotheos, Die Perser, 85.

[3]) Batrachom. 2 sq.: ἀοιδῆς, ἣν νέον (Ludwich: νῦν) ἐν δέλτοισιν ἐμοῖς ἐπὶ γούνασι θῆχα (L.: θήσω).

[4]) Плутархъ (которому—кстати—принадлежитъ замѣчаніе: μείζονας παραλλαγὰς αἱ ἡλιχίαι περὶ ἕχαστον ἡμῶν ποιοῦσιν ἢ χοινῇ περὶ πόλεις. γνοίη γὰρ ἄν τις ἰδὼν τὰς Ἀθήνας ἔτει τριαχοστῷ· χαὶ τὰ νῦν ἤθη χαὶ χινήματα παιδιαί τε χαὶ σπουδαὶ χαὶ χάριτες χαὶ ὀργαὶ τοῦ δήμου πάνυ γε τοῖς παλαιοῖς ἐοίχασιν, de ser. num. vind. 15) сообщаетъ, что сказываніе сказокъ (μῦθοι λέγονται) было однимъ изъ обрядовъ аѳинскаго праздника τῶν Ὠσχοφορίων (Thes. 23), какъ и ὠσχοφοριχὰ μέλη. Ср. *Mommsen*, Feste der Stadt Athen, 283 ff. *Pfuhl*, De Atheniens. pompis sacris, 49 sqq.

[5]) Ср., напр., присказку (ἐπίρρημα), прибавлявшуюся къ пѣсенкѣ, какую пѣли на Родосѣ дѣти, обходя дворы, требуя себѣ угощенія, когда (какъ на извѣстной амфорѣ изъ Вульчи, *Baumeister*, Denkm., Abb. 2128) прилетитъ первая ласточка, Bergk. PLGr. III 671. Ср. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, *Филол. Обозр.*, XI, 187 сл.—*E. Meyer*, Forsch. z. ält. griech. Gesch. II, 236 ff.

[6]) Crusius *Philloogus*, LIV, 726 ff. Ср. также Pind. Nem. XI, 17 sq. (ἐν λόγοις δ'ἀστῶν ἀγαθοῖσί μιν αἰνεῖσθαι χρεὼν χαὶ μελιγδούποισι δαιδαλθέντα μελιζέμεν ἀοιδαῖς), Pyth. I 94 и Nem. VI, 30 (ἀοιδοὶ χαὶ λόγιοι). Гомеровскому ἀοίδιμος соотвѣтствуетъ геродотовское λόγιμος.

[7]) Эти μῦθοι (λόγοι, ἀπόλογοι, αἶνοι, πλάσματα, διηγήματα—напр. ἐμποριχὰ διηγήματα, Polyb. IV, 39, 11) ждутъ еще болѣе цѣльнаго обслѣдованія (или обслѣдованій), особенно съ сравнительно-исторической точки зрѣнія. Ср.—кромѣ общихъ обзоровъ греческой литературы (болѣе обстоятельно- *Sittl*, G. d. gr. Litt. I, 9 ff.)—*Rohde*, Gr. Rom.[2] 12 ff. 178 ff. 578 ff. *Wilamowitz*, Euripides Herakles I[1] 96 ff. и Hippolytos, 35 ff. Crusius, *Philologus*, LIV, 710 ff.; LV, 1 ff. *E. Meyer*. Forschungen, II, 236 ff. *Zielinski*, Die Märchenkomödie in Athen (1885). *Ludwich*, Die homer. Batrachomachia,

спеціалисты, вродѣ упоминаемаго у Аристофана Филепсія[1]); но эти сказки и басни сказывались и дома—дѣтямъ или дѣвушкамъ матерями, кормилицами, или нянями, старухами (прототипъ дуэній),—такъ что «старушечьи сказки» вошли даже въ пословицу[2]), какъ общимъ мѣстомъ рано сдѣлалось и замѣчаніе, что «женщины особенно содѣйствуютъ сохраненію устарѣлой рѣчи»[3]).

Итакъ, сказъ существовалъ всегда рядомъ съ пѣснею. Одинаково не правы были поэтому и тѣ античные писатели, которые утверждали, что поэзія древнѣе прозы[4]), и тѣ, которые утверждали, что проза древнѣе поэзіи[5]). Художественная литература въ стихахъ и развилась, и фиксировалась у еллиновъ, конечно, раньше, нежели художественная литература въ прозѣ[6]); мало того, мы ясно видимъ, какъ тѣсно отдѣль-

---

1 ff. 33 ff. *Клингеръ* Сказочные мотивы въ исторіи Геродота (1903). *Kretschmer*, Einl. in d.'G. d. gr. Spr. 85 ff.; также Kleine Schriften von Rohde, труды Usener'a и Roscher'a. О популярности сказочныхъ персонажей или мотивовъ свидѣтельствуютъ часто встрѣчающіяся у болѣе-раннихъ поэтовъ выраженія вродѣ слѣдующихъ: Τιθωνοῖο χαριέστερος, Μίδεω καὶ Κινύρεω μάλιον, Πέλοπος βασιλεύτερος, (Tyrt. 12. 5 sqq. B.), πλείονα Σισύφου, ὠκύτερος Ἁρπυιῶν (Theogn. 702. 715;, κρέσσων Νίνου (Phocyl. 5) или: (περ) κεφάλας μέγας λίθος и т. п. (Alcae. 93; ср. Alcm. 87, Pind. J. VII, 9).

[1]) Aristoph. Plut. 177 (μύθους λέγει). Cp. *Rohde* Gr. R.[2] 590 ff.

[2]) Plat. Hipp. maj. 286 A. Lysis 205 D.—Cp. Plat. Crit. 110 A съ Paus. I, 18, 5.

[3]) αἱ γυναῖκες μάλιστα τὴν ἀρχαίαν φωνὴν σώζουσιν, Plat. Crat. 418 C.—Эти τόποι κοινοί греческой (и римской) литературы заслуживали бы спеціальнаго обслѣдованія. Идеи: καὶ γυναῖκας παιδευτέον, или: παραπλησίως παιδευτέον τὰς θυγατέρας τοῖς υἱοῖς (Платонъ, Плутархъ, Мусоній) нашли себѣ осуществленіе въ практикѣ нѣкоторыхъ государствъ эллинистической эпохи (Ditt[2] 523, 8 sqq.: ἀποδείκνυσθαι ἐν ἀρχαιρεσίαις γραμματοδιδασκάλους τρεῖς, οἵτινες διδάξουσιν τοὺς παῖδας καὶ τὰς παρθένους. CIG 3185, 19. Perg. Inschr. 463, 7 sqq. Cp. Philostr. imag. I 12: κόρη καὶ παῖς ἄμφω καλὼ καὶ φοιτῶντε ταὐτῷ διδασκάλῳ προσεκαύθησαν ἀλλήλοις).—Римскія аналогіи—у *Friedländer*, Darstell. a. d. Sitteng. Roms, I[5], 468 ff.

[4]) Это—опиравшееся на знакомую намъ теорію Платона (Leg. 653 C sqq.; cp. Arist. Poet. 1448 b, Rhet. 1404 a)—ученіе перипатетиковъ представлено намъ Цицерономъ, de orat. III 184 sq. (Θеофрастъ? ср. *Bernays*, Theophrast, 46), Страбономъ, 18 (Дикэархъ, чрезъ посредство Гиппарха? ср. *Norden*, Ant. K., 33 f.), Плутархомъ, de Pyth. or. 24 (Дикэархъ? ср. *Hirzel*, Der. Dialog, II, 205 ff.; ср. также *Schlemm*, De fontibus Plut. comment. de aud. poetis et de fort. 1903), Исидоромъ, Orig. I 38 (Варронъ). Cp. Tac., Dial. 12.—*Kaibel*, Die Prolegom. περὶ κωμῳδίας, 21 f., думалъ о зависимости Страбона отъ Посейдонія; но по Посейдонію (περὶ λέξεως)—ποίημά ἐστι λέξις ἔμμετρος ἢ ἔνρυθμος μετὰ κατασκευῆς τὸ λογοειδὲς ἐκβεβηκυῖα (Diog. L. VII, 60).

[5]) Aristid. VIII p. 49 J. Cicer. Orator 185 sqq. Quintil. XII, 10, 40 sqq.

[6]) Древнѣйшимъ болѣе-непосредственно доступнымъ намъ памятникомъ греческой прозы—кромѣ, конечно, надписей—являются, кажется, отрывки (особенно папирусные) изъ Πεντέμυχος Ферекида, можетъ-быть 2-ой полов. VI ст. (ср. Diels, *Sitzb. d. preuss. Akad.* 1897, 144 ff. *Weil*, Et. s. l'antiquité, 122 ss.); Ферекидъ и у древнихъ ученыхъ

ные виды прозаической, т. е. лишенной метра литературы примыкають къ отдѣльнымъ видамъ поэтической, т. е. метрической литературы[1]). Но изъ того, что метрическая литература въ художественномъ развитіи своемъ опередила литературу не-метрическую, еще не слѣдуетъ, что поэзія начала развиваться, или появилась раньше, нежели проза. Оспаривавшіе хронологическій пріоритетъ поэзіи ссылались на то общее соображеніе, что болѣе близкая къ разговорному языку проза должна была появиться—начать развиваться—раньше, нежели поэзія[2])—только фиксироваться въ своемъ развитіи ей пришлось позже поэзіи; и этому соображенію нельзя отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности. Но именно въ примѣненіи къ еллинской литературѣ вопросъ объ отношеніи между поэзіей и прозой гораздо сложнѣе, чѣмъ это казалось и кажется древнимъ и новымъ ученымъ. Если, по совѣту Аристотеля[3]),

---

(обыкновенно впрочемъ наряду съ миѳическимъ Кадмомъ милетскимъ) считался „основателемъ прозы“, „первымъ у грековъ писавшимъ soluta oratione (λύσας τὸ μέτρον).“— Стиль отрывковъ Ферекида, какъ и другихъ отрывковъ догеродотовской прозы (не исключая и „афоризмовъ“ Гераклита), дѣлаетъ то впечатлѣніе, что предъ нами здѣсь ὑπομνήματα (т. е. конспекты)—и именно на почвѣ не достаточнаго еще приноровленія къ письменности (тогда какъ „изъ пѣсни слова не выкинешь“, отчего и изготовляются потомъ—начиная съ τέχνη Евена, *Norden* 73,—versus memoriales; ср. Plat. Phaedr 267 A: ἐν μέτρῳ λέγειν μνήμης χάριν).

[1]) Къ эпосу былевому и бытовому (sit venia verbo!)—логографія, т. е. историографія, съ географіей и этнографіей (ср. Thuc. I 21; Clem. Al. Str. VI, 267: τὰ Ἡσιόδου μετήλλαξαν εἰς πεζὸν λόγον καὶ ὡς ἴδια ἐξήνεγκαν Εὔμηλός τε καὶ Ἀκουσίλαος); къ эпосу космогоническому, или ѳеогоническому—Πεντέμυχος; къ эпосу дидактическому и вообще къ дидактической или гномической поэзіи (Ἔργα; γνῶμαι, или ὑποθῆκαι; Фокилидъ, Солонъ, Ѳеогнидъ; Ксенофанъ, Парменидъ)—философскіе трактаты въ прозѣ (Гераклитъ, Демокритъ), также παραινέσεις (Исократъ πρὸς Νικοκλέα, гдѣ, § 43, упоминаются и ὑποθῆκαι Гесіода, Ѳеогнида, Фокилида); къ политическимъ стихотвореніямъ (Солонъ, Ѳеогнидъ, также Архилохъ и др.)—πολιτικὰ συγγράμματα; къ ἐγκώμιον ἐπικόν—ἐγκώμιον καταλογάδην (ср. Isocr. Euag. 8 sqq.); къ θρῆνος—λόγος ἐπιτάφιος; къ драмѣ (ср. *Reich*, Mimus I, 354 ff.)—діалогъ. О сходствѣ въ построеніи (т. е. въ раздѣленіи на μέρη, съ ихъ обозначеніемъ) между диѳирамбомъ и торжественною рѣчью—см. Immisch, *Rhein. Mus.*, XLVIII, 520 ff.—Ср. *Norden*, 78. *Wilamowitz*, Herakles, I' 101 f.

[2]) Aristid. l. c.: κατὰ φύσιν γε μᾶλλον ἐστὶν ἀνθρώπῳ πεζῷ λόγῳ χρῆσθαι, ὥσπερ γε καὶ βαδίζειν οἶμαι μᾶλλον ἢ ὀχούμενον φέρεσθαι (ср. Strab. 18). Ср. также и теорію Лукреція, V, 1450 sqq, гдѣ carmina, вмѣстѣ съ другими deliciae vitae (picturae, daedala signa) являются постепеннымъ результатомъ usus et experientiae mentis pedetemptim progredientis (къ этой теоріи примыкала, конечно, и теорія Діогена эноандской надписи, BCH XXI, 346 ss.,—какъ можно думать по тому, что излагается здѣсь τῶν φθόγγων ἕνεκεν).

[3]) Arist. Poet. 1447 b: πλὴν οἱ ἄνθρωποί γε συνάπτοντες τῷ μέτρῳ τὸ ποιεῖν... ποιητὰς κοινῇ κατὰ τὸ μέτρον προσαγορεύοντες. καὶ γὰρ ἂν ἰατρικὸν ἢ φυσικόν τι διὰ τῶν μέτρων ἐκφέρω-

не придавать рѣшающаго значенія наличности или отсутствію метра,— то именно въ еллинской литературѣ неизмѣримо больше, нежели въ какой другой, сглаживалось вообще различіе между «поэзіей» и «прозой», различіе и между содержаніемъ, и между стилемъ поэзіи и прозы[1]). Постепенно, конечно,—отчасти на почвѣ развитія точности мышленія, отчасти на почвѣ развитія (т. е. распространенія) письменности[2]), отчасти

ιν, οὕτω καλεῖν εἰώθασιν, οὐδὲν δὲ κοινόν ἐστιν Ὁμήρῳ καὶ Ἐμπεδοκλεῖ πλὴν τὸ μέτρον· διὸ τὸν μὲν ποιητὴν δίκαιον καλεῖν, τὸν δὲ φυσιολόγον μᾶλλον ἢ ποιητήν (ср. Plat. Phaedr. 258 D: ἐν μέτρῳ ὡς ποιητης ἢ ἄνευ μέτρου ὡς ἰδιώτης). Это предостереженіе Аристотеля—не противопоставлять поэзію прозѣ на основаніи лишь такого внѣшняго признака, какъ наличность или отсутствіе метра,—мы должны распространить—не на одно содержаніе, но и на стиль литературныхъ произведеній: метрическое произведеніе можетъ быть прозаическимъ какъ по своему содержанію, такъ и по своему стилю (ср. напр., стихи софиста Евена, *Wilamowitz,* Aristoteles u. Athen, II, 404), и, наоборотъ, произведеніе не-метрическое можетъ быть и по содержанію, и по стилю—употребляя тургеневское выраженіе—„стихотвореніемъ въ прозѣ".

[1]) Едва-ли не къ одному лишь отсутствію метра сводится все различіе между стилемъ собственной, метрической поэзіи и стилемъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ еллинскихъ молитвословій и возглашеній—вродѣ, напр., аѳинской молитвы о ниспосланіи дождя на нивы (M. Antonin. comm. V, 7), или возглашеній сопровождавшихъ культовыя дѣйства (напр., елевсинскія мистеріи, см. *Foucart,* Les grands mystères d'Eleusis, 109 ss.), или заклятій (ср. μὴ γῆ βατή, μὴ θαλαττα πλωτή, Ditt.² 890 sq.); таковъ же былъ и стиль нѣкоторыхъ посвятительныхъ или надгробныхъ надписей VI—V в. (иныя изъ нихъ соединяли даже въ себѣ и ἔμμετρον, и ἄμετρον). Ср. *Usener,* Altgriechischer Versbau, 42 ff. *Norden,* Ant. K., 30 f. 45 f. (ср. 156 ff.) 626 f. 816 ff. Новѣйшія разъясненія греческой ритмики (не выходящія, конечно, изъ области очень нуждающихся въ провѣркѣ гипотезъ) все больше въ общемъ ведутъ, кажется, къ сближенію между ῥυθμοί стиховъ и художественной прозы и къ установленію связи между ритмами и метрами (ср. *Blass,* Die Rhythmen d. att. Kunstprosa, 1901; Drerup, N. *Jahrbb.* S.-B. XXVII, 233 ff., также *Weil,* Études de littérature et de rythmique grecques, 1902).

[2]) Утвержденіе и распространеніе письменности ведетъ къ тому, что ею начинаютъ пользоваться не для однихъ ὑπομνήματα (т. е. краткихъ, сокращенныхъ записей для памяти или на память) и не для фиксированія только изустно исполненныхъ или предназначенныхъ для изустнаго (въ томъ числѣ и сценическаго) исполненія ᾄσματα, ἔπη, λόγοι (о записываніи произнесенныхъ рѣчей или лекцій ср. *Rohde,* Gr. R.² 343 f. Kl. Schr. II, 445 f. 450 f. *Arnim,* Dio v. Prusa, 171 ff.), но и спеціально для συγγράμματα (πρὸς ἔκδοσιν); см. Plat. Phaedr. 257 D sqq. Какъ ни сближались у грековъ (ср. выше, стр. 14 сл.) эти три категоріи произведеній письменной литературы, но на этой почвѣ постепенно складывалась и та λέξις γραφική (ἔστι δὲ λέξις γραφικὴ ἡ ἀκριβεστάτη!), о которой—правда, очень не отчетливо—говорится въ 12 гл. III кн. аристотелевой Риторики (эта Риторика сама представляетъ собою—ὑπόμνημα, конспективную запись лекцій Аристотеля—ср. Marx, *Ber. d. Sächs. Ges. d. Wiss.,* LII, 241 ff.,—если не конспективныя извлеченія изъ его συγγράμματος, какъ полагаетъ Roemer, *Aristotelis ars rhetorica*², praef., p. XL sqq.). Ср. знаменитое κτῆμα ἐς ἀεὶ μᾶλλον ἢ ἀγώνισμα ἐς τὸ

на почвѣ развитія (т. е. осложненія) метрики—прозаическая, или неметрическая рѣчь все больше расходится съ поэтической, или метрической; но дѣло никогда не доходитъ до полнаго разрыва: художественная проза всегда заимствуется отъ поэзіи[1]), и если иные литературные критики и издаютъ—довольно суровые—законы противъ этого присвоенія чужой собственности[2]), то эти законы далеко не всѣми признаются даже въ теоріи, а тѣмъ болѣе на практикѣ; но зато и поэзія начинаетъ потомъ заимствоваться отъ риторической прозы[3]). Итакъ, въ сущности всегда близки были между собою и пѣснь, или стихотвореніе, и литературное произведеніе въ прозѣ. А близки между собою они были не потому, что проза развилась изъ поэзіи, или поэзія изъ прозы, а потому, что поэзія и проза развивались у еллиновъ рука-объ-руку, черпая оживлявшую ихъ влагу изъ одного источника—изъ источника Музъ[4]),

---

παραχρῆμα ἀκούειν Өукидида I 22 (ср. контекстъ и II 41, 4; кстати: и у Аристотеля l. c. λέξις γραφική противопоставляется λέξις ἀγωνιστική, и у Өукидида, I 22, 2, выставляется ἀκρίβεια).—Очень характерна рѣчь ритора IV в. Алкидаманта περὶ τῶν τοὺς γραπτοὺς λόγους γραφόντων (см. особенно §§ 10. 16 sq. 27 sq. 34), считавшаяся, кажется, и съ „Федромъ" Платона (во всякомъ случаѣ съ заключающимися въ немъ мыслями).—Опредѣленіе понятія ὑπόμνημα см. у Lucian. de hist. conscr. 16. 48.—Въ гортинскихъ (Mich. 1333, IX, 32. XI, 16. 53; 1184), галикарнасской (Ditt.² 10) и іасосской (Ditt². 96) надписяхъ, какъ и у Аристотеля, Polit. 1321 b, сохраняется названіе μνήμων для ἀρχή, πρὸς ἣν ἀναγράφεσθαι δεῖ τὰ ἴδια συμβόλαια (въ широкомъ смыслѣ этого понятія), въ которой видятъ (ср. *Mitteis*, Reichsrecht u. Volksrecht. d. r. K., 171 f.) зародышъ нотаріата.

[1]) *Norden*, A. K., 16 ff. 30 ff. 73 ff. 91 ff. 145 ff. 429 ff. 813 ff. Wilamowitz *Hermes*, XXXV, 38 ff. *Blass*, Die Rhythmen d. att. Kunstpr., 1 ff. 26 ff. *Navarre*, Essai sur la Rhétorique gr., 92 ss. Ө. Ф. Зѣлинскій *Вѣстн. Евр.*, 1898, VI, 68 сл.—Arist. Rhet. 1404 a: ἤρξαντο κινῆσαι τὸ πρῶτον, ὥσπερ πέφυκεν, οἱ ποιηταί. ἐπεὶ δ'οἱ ποιηταὶ λεγοντες εὐήθη διὰ τὴν λεξιν ἐδόκουν πορίσασθαι τὴν δόξαν, διὰ τοῦτο ποιητικὴ πρώτη ἐγένετο λέξις, οἷον ἡ Γοργίου. καὶ νῦν ἔτι οἱ πολλοὶ τῶν ἀπαιδεύτων τοὺς τοιούτους οἴονται διαλέγεσθαι κάλλιστα. Ср. Dionys. de imit. p. 31 Us.: Γοργίας την ποιητικὴν ἑρμηνείαν μετήνεγκεν εἰς λόγους πολιτικοὺς οὐκ ἀξιῶν ὅμοιον τον ῥήτορα τοῖς ἰδιώταις εἶναι.

[2]) Исократъ, Аристотель. Ср. *Norden*, A. K., 52 ff. 171 ff. *Blass*, Rhythmen, 9 ff.

[3]) *Norden*, A. K., 75 ff. 832 ff. 883 ff. *Rohde*, Gr. R². 357 ff.—О „тѣснѣйшей связи съ риторикой всей болѣе поздней эпидейктической эпиграмматической поэзіи"—*Reitzenstein*, Epigramm und Skolion, 115 ff.—Ср. также *Klebs*, Die Erzählung v. Apollonius a. Tyrus, 295 ff.

[4]) Ἵππου κρήνη, Ἱπποκρήνη, Ἀγανίππη, Παγασὶς κράνα, Πηγασὶς πηγή, κρήνη Ἑλικωνίς, Κασταλία (ср. Περμησσός, Ὀλμειός и пр.).—Μοῦσαι (Μοῖσαι) связываются съ источниками, съ κρῆναι и особенно съ τῶν ποταμίων ὑδάτων πηγαί (оттого онѣ и ὀρεστιάδες,—живутъ ἐν σπέσσι, или въ ἄντρα)—потому, что онѣ представляютъ собою лишь одну изъ столь многочисленныхъ разновидностей миѳологическаго понятія νύμφαι (ср. μουσόληπτος—νυμφόληπτος, μουσηγέτης—νυμφηγέτης). Νύμφαι—и богини, и стоятъ на грани между

покровительницъ мусическаго искусства, τῆς μουσικῆς (мусикіи, какъ у насъ передавали въ старину это слово), т. е. искусства, соединявшаго въ себѣ и пѣніе (со сказываніемъ), и пласаніе (съ дѣйствомъ), и игра-

---

богинями и смертными; онѣ и дѣвы, и стоятъ на грани между дѣвами и женами (какъ первоначально весталки, ср. Dragendorff, *Rhein. Mus.*, LI, 281 ff); иныя изъ нихъ оказываются матерями (отъ бога—моря, ср. Od. I 71 sqq., или рѣки) или супругами основателей „автохтоннаго" племени, рода или города (нерѣдко при этомъ матерями близнецовъ; ср. Τυρώ въ Одиссеѣ, XI, 235 sqq., и у Софокла; другіе примѣры у Usener, *Rh. Mus.* LIII, 340 ff.; но сюда-же относятся и Ἑλικών и Κιθαιρών, а также Ромулъ и Ремъ); онѣ же—пестуньи (τροφοί; ср. Il. VI, 132: μαινομένοιο Διωνύσοιο τιθῆναι, въ Νυσήιον, т. е. въ странѣ нимфъ, ибо νύμφαι=νῦσαι; CIA III 351: Νύσας τροφοῦ Πειθοῦς), или вдохновительницы (какъ Egeria) миѳическихъ Kulturträger'овъ, особенно представителей музыки, пѣнія, вообще χορείας (тогда какъ inter arma онѣ silent, такъ же, какъ и Πειθώ); на этой почвѣ и вырисовываются (уже у Гомера и Гесіода) Μοῦσαι (въ единственномъ и во множественныхъ числахъ); ихъ имя уже Пиндаръ (fr. 118 B.: μαντεύεο, Μοῖσα, προφατεύσω δ'ἐγώ) сближалъ съ μαντεύειν (т. е μαν).—Источники (ср. καλλιπάρθενοι ῥοαί, Eur. Hel. 1) Нимфъ (Ναϊάδες, Νηρηΐδες, Ὠκεανίδες и пр.), или Музъ, текущіе иногда не живой водой, а „млекомъ и медомъ" (ср. нектаръ или амбросія), или такой влагой, какъ влага источника (Κασσοτίς), изъ котораго вдохновлялась (μανία, μάντις) Пиѳія,—и своимъ теченіемъ, и свойствами своей влаги казались близкими къ дыханіямъ, дуновеніямъ вѣтровъ (πνοιαί—ζωογόνοι, ψυχοτρόφοι, или θύελλαι), которыя въ свою очередь сближались съ душами, съ ψυχαί (ср. Σεμναί, Εὐμενίδες, Ἐρινύες, Ἅρπυιαι Μοῖραι, Χάριτες и т. д.; ср. также Δαναΐδες). Представленіе-же и объ источникахъ, и о вѣтрахъ ассоціировалось (какъ и въ русскихъ сказкахъ) съ представленіемъ о коняхъ или колесницахъ (tertium comparationis было, вѣроятно, движеніе, т. е. его быстрота и ритмичность), при чемъ движеніе коней или колесницъ мыслилось или совершающимся въ небесахъ, или направляющимся къ небесамъ (отсюда—крылатые кони, вѣроятно восточнаго—и такъ-сказать археологическаго—происхожденія; ср. и Ἴκαρος). Соединеніе этихъ представленій можно видѣть въ такихъ образахъ, какъ Ποσειδῶν Ἵππιος (ср. Ἀπόλλων δελφίνιος или Διόνυσος πελάγιος; они и μουσηγέται, или νυμφηγέται), Τρίτων (Τριτοπατρεῖς, Ditt.[2] 443), Διὸς κόροι (λευκὼ πώλω Διός, какъ звались эти σωτῆρες ἀνθρώπων, ἵππων, νηῶν въ Еврипидовой Антіопѣ; ср. λευκόπωλοι и Λευκιππίδες), Πήγασος (Ἀρίων, Βορέας), Ἱππόκαμπος, кони Ахиллея (ср. Ἀχελώιος, *Usener*, Götternamen, 12 ff.), τὼ ἅμα πνοιῇσι πετέσθην, τοὺς ἔτεκε Ζεφύρῳ ἀνέμῳ ἅρπυια Ποδάργη βοσκομένη λειμῶνι παρὰ ῥόον Ὠκεανοῖο (Il. 16, 148 sqq.; одинъ изъ этихъ коней обладалъ даромъ слова и даже предсказанія, Il. 19, 392 sqq., ср. 17, 426 sqq.; ср. Herod. III. 84. Tac. Germ. 10. Odyss. 19, 548 sqq.).—Платонъ, Crit. 116 D, помѣщаетъ въ храмѣ Посейдона ἀγάλματα: τὸν μὲν θεὸν ἐφ' ἅρματος ἑστῶτα ἓξ ὑποπτέρων ἵππων ἡνίοχον, Νηρῇδας δὲ ἐπὶ δελφίνων ἑκατὸν κύκλῳ; Павсаній разсказываетъ о ξόανον Деметры, стоявшемъ нѣкогда въ ея ἄντρον бл. Фигаліи: καθέζεσθαι μὲν ἐπὶ πέτρᾳ, γυναικὶ δὲ ἐοικέναι τἄλλα πλὴν κεφαλήν· κεφαλὴν δὲ καὶ κόμην εἶχεν ἵππου· δελφὶς δὲ ἐπὶ τῆς χειρὸς ἦν αὐτῇ, περιστερὰ δὲ ἡ ὄρνις (ср. Πελειάδες) ἐπὶ τῇ ἑτέρᾳ (Paus. VIII 42, 4; ср. 25, 5 и вообще Ἀρκαδικὰ Павсанія). Ср. изображенія Діониса съ его carrus navalis и съ его силенами (или сатирами)—τὸ ἐπὶ τὰ οὐραῖα ἵπποι (*Usener*, Die Sintflutsagen, 115 ff. *Bethe*, Proleg. z. G. d. Theaters im Alt., 50 ff. 339 ff. *Poppelreuter*, De comoediae att. primordiis, 10 sqq.); это были, вмѣстѣ, и изображенія дѣйствъ въ честь Діониса (ἵπποι у Іобакховъ, Ditt.[2] 737, также

ніе, т. е. то, что обыкновенно зовется музыкой[1]). Теперь опять даютъ

Buresch, Aus Lydien, 56; ср. πῶλοι—названіе лаконскихъ жрицъ Деметры, *Wide* Lak. Kulte, 331), отразившихся и въ комедіи (ср. Ἱππεῖς Аристофана, 595 sqq.; тамъ же 551 sqq., обращеніе хора: Ἵππ' ἄναξ Πόσειδον, ᾧ ἵππων κτύπος ἁνδάνει καὶ θοαὶ τριήρεις). Ср. также ἵππος βροτόπους (Roscher, *Ber. d. sächs. Ges. d. Wiss.*, 1891, 96 ff.). Корабли въ Одиссеѣ, (13. 81 sqq. 4, 708; ср. Regm. 16: vágmarar) мыслятся какъ ἁλὸς ἵπποι (изъ этого поэтическаго образа v. Leeuwen выводитъ и разсказъ de equo Troiano, *Mnemos.* XXIX, 121 sqq.).—Нимфами были и Ἀμαζόνες (царица ихъ звалась Ἱππώ, какъ звалась одна изъ двухъ Λευκτρίδες: Ἱππώ и Μολπία). Ср. *Rosch. Myth. L.*, I 2662 ff. II 3233 ff. III 499 ff. 1725 ff. *Gruppe*, Gr. Mythol., 824 ff. 838 ff. 1073 ff. 1141 ff.—Съ точки зрѣнія указанныхъ миѳическихъ представленій уясняется и тотъ образъ, какимъ начиналось περὶ φύσεως Парменида: τῇ γὰρ (sc. ὁδῷ δαίμονος) με πολύφραστοι φέρον ἵπποι ἅρμα τιταίνουσαι, κοῦραι δ' ὁδὸν ἡγεμόνευον (ср. *Diels*, Parmenides Lehrgedicht, S. 5 ff.); этотъ образъ удержался и въ обозначеніи не-метрической рѣчи какъ λόγος πεζός (т. е. ὁ ἀπὸ ὕψους τινὸς καταβὰς καὶ ὀχήματος); позднѣе и представители художественной прозы (ораторы) претендовали на ἤθεα καὶ νόμον ἵππων (или ἱππέων). Ср. сопоставленія Norden'a, *N. Jahrbb.*, S.-B. XVIII, 274 f. Ant. Kunstpr. 32 ff. (ср. Longin. pr. in Heph. ench. p. 84, 11 W.: ἵππων πορεία ῥυθμὸς ἐνομίσθη).—Theogn. 247 sqq.: Κύρνε, καθ' Ἑλλάδα γῆν στρωφώμενος ἠδ'ἀνὰ νήσους, ἰχθυόεντα περῶν πόντον ἐπ' ἀτρύγετον, οὐχ ἵππων νώτοισιν ἐφήμενος· ἀλλά σε πέμψει ἀγλαὰ Μουσάων δῶρα ἰοστεφάνων.

[1]) На представленіе о такой μουσικὴ τέχνη опирается и знакомая намъ теорія Платона (Νόμοι); и любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ старался Платонъ устранить тѣ затрудненія, какія ему ставило двойное (широкое и узкое) значеніе слова μουσική, и какія ставила ему его дихотомія—φωνῆς κίνησις (ᾠδή) и σώματος κίνησις (ὄρχησις), потому что σώματος κίνησις, относясь къ γυμναστική, затрагивала собою и μουσική,—какъ въ χορεία, которую Платонъ иногда даже отожествляетъ съ μουσική (какъ отожествляетъ онъ съ нею иногда и παιδεία, которая въ свою очередь сближается у него съ παιδιά). Ср. *Ritter*, Platos Gesetze, Kommentar, 15 ff. 83 ff.—Музы, сначала χορίτιδες, не только поющія, и играющія, но и пляшущія (ср. Hes. Theog. 4 sqq. 60 sqq.) разсматриваются потомъ какъ ἡδυμελεῖς, εὔλυροι, φίλαυλοι, μελίφθογγοι, ἵστορες ᾠδῆς, ἡδυέπειαι, ἀδυλόγοι, λογικαί,—πάσης παιδείης ἀρετὴν γεννῶσαι ἄμεμπτον, θρέπτειραι ψυχῆς, διανοίης ὀρθοδότειραι, νόου εὐδυνάτοιο καθηγήτειραι (Orph. h. 76, 4 sqq.). Ср. *Bruchmann*, Epitheta deorum, 174 sqq.—Theogn. 791: τερποίμην φόρμιγγι καὶ ὀρχηθμῷ καὶ ἀοιδῇ.—Πρωτεύρυθμος Іобакховъ (Ditt.² 737, 125) сближается у *Mommsen*, Feste d. St. Athen, 257, съ Εὔμολπος (Εὐμολπίδαι; ср. также σύμμολποι, *Ath. M.*, XXII, 93; Εὐνεῖδαι—γένος ὀρχηστῶν καὶ κιθαριστῶν по Hesych.; CIA III. 274: ἱερεὺς Μελπομένου Διονύσου ἐξ Εὐνειδῶν); *Maass*, Orpheus, 62, видитъ въ немъ Орфея (erster Dichter, Musiker und Tänzer); быть-можетъ первая часть имени Πρωτεύρυθμος объясняется такъ, какъ *Schulze*, Quaest. epicae, 22, объясняетъ имя Πρωτεύς (въ связи съ πέπρωται; ср. однако *Wilamowitz*, Timoth., 45; Πρωτιάδαι, γένος ἐν Μασσαλίᾳ, Аристотель у Athen. 576 b; Plut. Sol. 2); не невозможно даже, что Πρωτεύρυθμος имѣлъ какое-либо отношеніе къ Протею и ему подобнымъ (Νηρεύς, Γλαῦκος и пр.) ἅλιοι γέροντες (ср. παλαιὸς γέρων тирскаго θίασος Διονύσου, *Ziebarth* Gr. Vereinsw, 54), славившимся и какъ вѣщатели, или что, рано или поздно, онъ вовлеченъ былъ въ кругъ такихъ представленій, какъ Ἀρχάνθρωπος (кабировъ), Πρωτογένης (орфиковъ) и т. п. (ср. Hippol. Ref. haer. V, 7,—эта ритмическая проза попала и въ число fragmenta melica adespota у Bergk, 84, и Hiller-Crusius, 33). Во

вѣру[1]) извѣстному разсказу о томъ, что Гай Гракхъ, произнося рѣчь предъ народомъ, имѣлъ позади себя искуснаго въ музыкѣ раба, который, подыгрывая на дудкѣ изъ слоновой кости, по мѣрѣ надобности то ускорялъ, то замедлялъ темпъ, то понижалъ, то повышалъ тонъ рѣчи страстнаго, увлекавшагося оратора[2]); если это такъ[3]), то въ этомъ даваніи тона оратору мы въ правѣ видѣть какъ-бы отзвукъ той музыки, которая сопровождала пѣніе стихотвореній[4]). Въ поздней греческой литературѣ мы недаромъ такъ часто встрѣчаемъ сравненіе рѣчи, произнесенной ораторомъ, и съ пѣснью, и съ музыкой[5]): говорится о «пѣніи» прозы[6]),— говорится, напримѣръ, что Геродотъ «пѣлъ» свою исторію на Олимпійскихъ играхъ[7]): разсказываютъ о томъ, съ какимъ наслажденіемъ слу-

---

всякомъ случаѣ очень характерно это имя, стоящее въ δόγματα Іобакховъ рядомъ съ именами (божественныхъ четъ?) Διόνυσος Κόρη, Παλαίμων 'Αφροδείτη (Παλαίμων—морской богъ, νεῶν φύλαξ, ср. *Rosch. M. L.* III, 1255 ff.; 'Αφροδείτη здѣсь можетъ-быть—'Αλία, или Λευκοθέα).—Ср. Εὔρυθμος: CIG 2426.

[1]) *Büttner*, Porcius Licinus, 80 ff. *Norden*, Ant. Kunstpr., 57.

[2]) Cicero de orat. III 225. Val. M. VIII, 10, 1. Quint. I 10, 27. Gell. I. 11, 10.

[3]) Моя ἀναισθησία βαρβαρόφωνος все еще заставляетъ меня сомнѣваться въ вѣрности этого разсказа. Возможно, конечно, что многіе ораторы пользовались и τονάρια, и даже услугами φωνασκοῦ (т. е. „ставившаго голосъ"),—какъ и актеры, съ которыми они нерѣдко сравнивались (ср. Arist., Rhet. III, 1403 b sqq.),—но лишь тогда, когда они готовились къ ораторской дѣятельности,—чтобы говорить ἠσκημένῃ τῇ φωνῇ. Характерны разсказы о такой ἄσκησις (πλάττειν τὴν ὑπόκρισιν καὶ διαπονεῖν τὴν φωνήν) Демосѳена (ср. Plut. Dem. 6. 7. 11. Vit. X or. 844 d sq.).

[4]) Ср. Arist. Rhet. III, 1403 b: δῆλον ὅτι καὶ περὶ τὴν ῥητορικὴν ἐστι τὸ τοιοῦτον ὥσπερ καὶ περὶ τὴν ποιητικήν (ὅ περ ἕτεροί τινες ἐπραγματεύθησαν καὶ Γλαύκων ὁ Τήιος). ἔστιν δὲ αὐτὴ μὲν ἐν τῇ φωνῇ, πῶς αὐτῇ δεῖ χρῆσθαι πρὸς ἕκαστον πάθος, οἷον πότε μεγάλῃ καὶ πότε μικρᾷ καὶ μέσῃ, καὶ πῶς τοῖς τόνοις, οἷον ὀξείᾳ καὶ βαρείᾳ καὶ μέσῃ, καὶ ῥυθμοῖς τίσι πρὸς ἕκαστα.—Dionys. de comp. v. 11: μουσική τις ἦν καὶ ἡ τῶν πολιτικῶν λόγων ἐπιστήμη τῷ ποσῷ διαλλάττουσα τῆς ἐν ᾠδαῖς καὶ ὀργάνοις, οὐχὶ τῷ ποιῷ· καὶ γὰρ ἐν ταύτῃ καὶ μέλος ἔχουσιν αἱ λέξεις καὶ ῥυθμὸν καὶ μεταβολὴν καὶ πρέπον. Ср. Long. rhet. I p. 305 Sp. Quintil. I, 10. Aristox. harm. I, 9.

[5]) Πάντες δὴ ᾄδουσι καὶ ῥήτορες καὶ σοφισταὶ καὶ πάντα περαίνεται δι' ᾠδῆς (Dio Chrys. 32, 10). Ῥυθμούς τε ποικιλωτέρους αὐλοῦ καὶ λύρας ἐσηγάγετο ἐς τὸν λόγον (Philostr. v. s. II, 5, 3). Πάντα σοι ᾀδέσθω καὶ μέλος γενέσθω... καὶ τοῦδε μελέτω σοι τὸν χορὸν ἔχειν οἰκεῖον καὶ συνᾴδοντα (Lucian. pseudol. 21). Εὐφωνίαν (ἣν εἶχεν) αἰσχύνων καμπαῖς ᾀσμάτων, αἷς κἂν ὑπορχήσαιτό τις τῶν ἀσελγεστέρων (Phil. v. s. II 28).—Ср. *Norden*, A. K. 55 ff. 375 ff. *Rohde*, Gr. R.[2] 336 f.

[6]) Напр., часто у Эліана и Филострата (Radermacher, *N. Jahrbb.* CLIII, 116 f.).— Ср. также Babr. pr. 2, 16: τήνδε βίβλον ἀείδω.—Ср. Strab. 18.

[7]) Lucian. Herod. 1, 2 (тогда будто-бы и 9 книгъ его исторіи названы были именами Музъ). Ср. также JG Ins. I 145, гдѣ v. 3 sq. Hiller читаетъ: [ἄιδων θ' 'Η]ροδότου γλύκιον σ[ύ], μάκαρ, Πανυάσσιν [νικᾷς] (v. 2: [Μουσ]έων πτόρθος, v. 5: διὰ μολπάς).— 'Ηρόδοτος ᾄδει (ὑπὲρ τῆς τῶν ἔχεων ᾠδῖνος) и у Эліана, an. n. XV 16.

шали въ Римѣ одного оратора, говорившаго по-гречески, даже не знавшіе по-гречески, т. е. не понимавшіе его рѣчи, но упивавшіеся музыкою его голоса, какъ пѣніемъ сладкоголосаго соловья[1]). Но и дѣйство, вмѣстѣ съ музыкой сопровождавшее нерѣдко пѣсню, не было забыто— даже и поздними—еллинскими ораторами: «чей голосъ звучитъ, въ пѣсняхъ-ли или въ рѣчахъ,—говоритъ Платонъ,—тотъ не можетъ сохранять въ покойномъ состояніи свое тѣло; что говорится, всегда, такъ или иначе, мимируется[2]); и мы знаемъ, до какихъ уродливыхъ крайностей доходила у иныхъ ораторовъ эта μίμησις τῶν λεγομένων, это мимированіе произносимаго[3]).

---

[1]) Philostr. v. soph. II 10, 5 (объ Адріанѣ): ἠκροῶντο δὲ ὥσπερ εὐστομούσης ἀηδόνο τὴν εὐγλωττίαν ἐκπεπληγμένοι καὶ τὸ σχῆμα καὶ τὸ εὔστροφον τοῦ φθέγματος καὶ τοὺς πεζῇ τε καὶ ξὺν ᾠδῇ ῥυθμούς. Ср. ibid. I 8 (о Фаворинѣ).

[2]) Plat. Leg. 616 A. Ср. 814 C: οὐδ' ἔστι ῥᾴδιον ἄνευ τοῦ τῷ σώματι δεικνύντα ἅμα καὶ τῷ λόγῳ φράζειν.—Liban. 63, p. 376 R.: ἂν μὴ συνενέγκῃ τὰ σχήματα τοῖς λόγοις, ἀπώλεσε τὴν εὐφωνίαν ὑπο τῆς ἡσυχίας, ἣν καιρὸς ᾖ κινεῖσθαι. διόπερ πολλοὶ τῇ φωνῇ κρατοῦντες οὐ μετέχοντες τοῦ κινεῖσθαι καλῶς ἧττον εὔφραναν· πολλοὶ δὲ κατὰ φωνὴν λειπόμενοι τῇ περὶ τὸ σχηματίζεσθαι πλεονεξίᾳ πρὸ τῶν κρειττόνων ἐτέθησαν.

[3]) σείεσθαι, τυμπανίζειν, ὀρχεῖσθαι, ἐξορχεῖσθαι, ἐκβακχεύεσθαι, μεθύειν περὶ τοὺς λόγους, αὐτοὺς ἀποκρύπτειν τοῖς ἱματίοις (ἐσθῆτος σχῆμα λυπηρόν) и пр.; см. особенно 50-ю рѣчь Аристида—κατὰ τῶν ἐξορχουμένων (ср. также Luc. de salt. 65). Тексты, сюда относящіеся, указаны у *Rohde*, Gr. R.[2] 337 f., и *Norden*, A. K., 294 f. 355 ff.—Характерно довольно обычное сравненіе произносимой ораторомъ рѣчи съ плясовой пѣсней-музыкой, при чемъ иногда οἱ ἀκροαταὶ καὶ ἐρώμενοι рисуются какъ хоръ, а ораторъ—какъ корифей хора (такъ—у Аристида, которому, кстати, у Lib. or. 63, 357 R., приписывается такое—очевидно примыкающее къ Платону—опредѣленіе: ὄρχησίς ἐστι κίνησις τῶν μελῶν σύντονος μετά τινων σχημάτων καὶ ῥυθμῶν; ср. π. ὕψ. 41, Plut. de r. aud. rat. 7, и выше, стр. 26 прим. 5).—Слѣдуетъ, впрочемъ, съ нѣкоторой осторожностью пользоваться показаніями объ ἀναίδεια θεατρική отдѣльныхъ ораторовъ (или отдѣльныхъ школъ ораторовъ), и во всякомъ случаѣ не такъ рѣзко, какъ Rohde и даже Norden, изолировать съ этой точки зрѣнія представителей τοῦ 'Ασιανοῦ χαρακτῆρος или „второй софистики". Играющее такую видную роль въ этихъ показаніяхъ противопоставленіе древнихъ (ἀρχαῖοι) ораторовъ современнымъ (οἱ νῦν) было однимъ изъ общихъ мѣстъ риторики (восходившимъ, въ концѣ концовъ, къ гомеровскому—и въ частности къ Несторову, Il. I, 271 sqq.,—οἷοι νῦν βροτοί εἰσιν), и, напримѣръ, слова Филострата (I, 19, 1, о Никитѣ Смирнскомъ): ἡ ἰδέα τῶν λόγων τοῦ μὲν ἀρχαίου καὶ πολιτικοῦ ἀποβέβηκεν, ὑπόβακχος δὲ καὶ διθυραμβώδης могутъ быть сопоставлены съ Arist. Poet. 1450 b: οἱ μὲν γὰρ ἀρχαῖοι πολιτικῶς ἐποίουν λέγοντας, οἱ δὲ νῦν ῥητορικῶς. Вполнѣ разработаннымъ, поскольку дѣло касается внѣшней εὐκοσμία ораторовъ, является это противопоставленіе уже въ рѣчи Эсхина (345 г.) противъ Тимарха, гдѣ дѣлается даже—правда, очень не удачная, какъ это доказано было противникомъ Эсхина, Демосѳеномъ (въ рѣчи περὶ τῆς παραπρεσβείας 251 sqq.),—экскурсія въ область археологіи (ссылка на саламинскую статую Солона, 25 sq.); но и вообще любопытны тѣ упреки, какіе дѣлали другъ другу, какъ ораторамъ, Эсхинъ и Демосѳенъ (ср., напр., Dem. XVIII, 280. 291; Aesch. III, 70 sqq.);

Такимъ образомъ, какъ рядомъ съ пѣснею сказъ, такъ рядомъ съ «поэзіей» существуетъ искони и «проза», и какъ пѣніе въ сказываніе, такъ и «поэзія» переходитъ — и въ пространствѣ, и во времени — въ «прозу»[1]). Именно въ этомъ тѣсномъ сосѣдствѣ своемъ съ поэзіей и встаетъ передъ нами изъ туманной дали временъ, въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ еллинской литературы, — и краснорѣчіе.

Пѣвецъ гесіодовой Ѳеогоніи называетъ себя служителемъ музъ. Дщери Зевса благосклонны къ пѣвцамъ; имъ вручаютъ онѣ скиптръ — вѣтвь лавроваго дерева, — имъ даютъ (ἐνέπνευσαν) онѣ вдохновенную пѣсню — пѣсню о томъ, что̀ было, о томъ, что̀ есть, о томъ, что̀ будетъ. Но благосклонны Музы и къ царямъ: кого изъ царей онѣ возлюбятъ, тому при рожденіи источаютъ онѣ на языкъ сладкую ро́су, и потомъ на вѣчѣ изъ его устъ текутъ кроткія, мягкія рѣчи (ἔπεα); своими рѣчами, не прибѣгая къ насилію, укрощаетъ мудрый царь раздоры, и какъ на бога взираетъ на него народъ: таково священное даяніе Музъ людямъ![2]). Въ гомеровскихъ поэмахъ также на ряду съ вполнѣ развив-

---

упреки Демосѳена, кстати сказать, очень близки къ тому, какъ рисуетъ τοὺς νῦν (ῥήτορας) Филодемъ (I, p. 200 Sdh.).—Сюда же относится, конечно, и сообщеніе Arist. 'Αθ. πολ., 28, о Клеонѣ, ὃς πρῶτος ἐπὶ τοῦ βήματος ἀνέκραγε καὶ ἐλοιδορήσατο, καὶ περιζωσάμενος ἐδημηγόρησε, τῶν ἄλλων ἐν κόσμῳ λεγόντων (ср. Aristoph. Equ. 147; Plut. Nic. 8), можетъ-быть и сообщеніе о Клеофонтѣ ('Αθ. π. 34), который пришелъ εἰς τὴν ἐκκλησίαν μεθύων καὶ θώρακα ἐνδεδυκώς (какъ нѣкогда εἰς τὴν ἀγοράν Солонъ, σκηπτόμενος ἔκστασιν τῶν λογισμῶν, πιλίδιον περιθέμενος, Plut. Sol. 8?).—Теоретическая разработка (наиболѣе полно представленная для насъ въ XI книгѣ Квинтиліана; ср. *Volkmann*, Rhetorik[2], 576 ff.) ученія о произношеніи рѣчей, о ὑπόκρισις, или actio (actor—ludio, cantor, saltator; ср. Tac. dial. 26: cantari saltarique commentarios), распадавшейся (ср. φωνῆς и σώματος κίνησις Платона) на πάθη (τάσεις) τῆς φωνῆς и σχήματα (διάθεσις) τοῦ σώματος (такъ уже Хрисиппъ у Plut. de Stoic. rep. 28; ср. Cic. Or. 55: est enim actio quasi corporis quaedam eloquentia, cum constet e voce atque motu), началась вѣроятно еще до Ѳеофраста, во всякомъ случаѣ—уже съ Ѳеофраста (ср. Diels, *Abh. d. preuss. Ak.*, 1886, 32 f.).—Rohde, l. c. 338, въ объясненіе того, что античные слушатели должны были иначе, нежели современные, особенно въ сѣверныхъ странахъ, относиться къ жестикуляціи ораторовъ, ссылается на жестикуляцію (мы прибавили бы и πάθη τῆς φωνῆς) современныхъ итальянскихъ проповѣдниковъ.

[1]) Поэзія и проза какъ мы видѣли, понятія относительныя, если не соотносительныя. Ср. Procl. chr., in.: αἱ αὐταὶ εἰσιν ἀρεταὶ λόγου καὶ ποιήματος, παραλλάσσουσι δὲ ἐν τῷ μᾶλλον καὶ ἧττον.

[2]) Hes. Theog. 30 sqq. Отъ Музъ и Аполлона—прибавляетъ поэтъ (94 sqq.)—на землѣ пѣвцы и киѳаристы, отъ Зевса цари. И блаженъ, кого возлюбятъ Музы: сладкая рѣчь (αὐδή) струится изъ его устъ. И если у кого сердце раздирается отъ старой печали, отъ свѣжаго горя,—стоитъ пѣвцу запѣть пѣсню во славу предковъ, во славу боговъ, и забудутся всѣ скорби и горести. *Dümmler*, Kl. Schr. II 339 f., ссылается на

шейся пѣсней выступаетъ и вполнѣ развившееся краснорѣчіе[1]). Слад-

---

эти стихи въ доказательство того, что носители эпическаго преданія, ἀοιδοί, принадлежатъ къ придворной знати; пѣснью своею у грядущихъ поколѣній отплачиваютъ они за тотъ отблескъ, какой и на нихъ падаетъ отъ военной славы ихъ господъ; λαοί же интересуютъ ихъ мало—лишь постольку, поскольку сообщаютъ они блескъ царю, своей массой, своимъ послушаніемъ, своимъ почитаніемъ. Въ данномъ случаѣ (но не вообще,—не тогда, напр., когда онъ считаетъ тонкимъ замѣчаніе Curtius'а, что въ Спартѣ наслѣдственныя должности κήρυκες или μάγειροι—т. е. такъ же, какъ и пѣвцы, δημιοεργοί—были остаткомъ ахэйской царской власти; вѣдь и въ аѳинскомъ Βουκολεῖον Curtius—ср. Stadtg. v. Athen, 51—видѣлъ царскую мызу!) Dümmler фактически, конечно, правъ: гесіодовъ пѣвецъ дѣйствительно смотритъ на царя снизу вверхъ,—хотя и старается дать понять, что они—товарищи по мусическому искусству и одинаково полезны и людямъ, и другъ другу.—Быть-можетъ эти гесіодовы стихи имѣлъ въ виду и Πρατίνας, когда говорилъ: τὰν ἀοιδὰν κατέστασε Πιερὶς βασίλειαν (fr. 1 B.).—Своими ἐπέεσσιν, μειλίχοις, μαλακοῖς, пользуются βασιλῆες ἐχέφρονες, чтобы λαοῖς βλαπτομένοις ἀγορῆφι μετάτροπα ἔργα τελεῖν, чтобы διακρίνειν θέμιστας ἰθείῃσι δίκῃσιν (ср. op. 248 sqq. 274 sqq.): ἀσφαλέως ἀγορεύων царь αἶψά κε καὶ μέγα νεῖκος ἐπισταμένως κατέπαυσε; оттого οἱ λαοὶ πάντες εἰς αὐτὸν ὁρῶσι, оттого ἐρχόμενον ἀνὰ ἄστυ θεὸν ὣς ἱλάσκονται αἰδοῖ μειλιχίῃ (ср. Hes. fr. 247: δῶρα θεοὺς πείθει, δῶρ' αἰδοίους βασιλῆας). На эпитетъ μείλιχος, μειλίχιος—дѣло, разумѣется, не обходится здѣсь безъ представленія о μέλι—проливаетъ свѣтъ разъясненіе Plut. de coh. ira 9 (διὸ καὶ τῶν θεῶν τὸν βασιλέα μειλίχιον, 'Αθηναῖοι δὲ μαιμάκτην, οἶμαι, καλοῦσι), какъ и вообще культъ Зевса Μειλιχίου и другихъ μειλιχίων θεων (ср. *Rosch. M. L.* II 2558 ff.; *Stengel,* Gr. Kultusalt.², 89 ff. 210; *Mommsen*, Feste d. St. Ath., 421 ff.).—Hes. op. 280 sq.: εἰ γάρ τίς κ' ἐθέλῃ τὰ δίκαι' ἀγορεῦσαι γιγνώσκων (этому τις противоставляется ὃς δέ κε μαρτυρίῃσιν ἑκὼν ἐπίορκον ὀμόσσας ψεύσεται; ср. 193 sq.: βλάψει δ' ὁ κακὸς τον ἀρείονα φῶτα μύθοισι σκολιοῖς ἐνέπων, ἐπὶ δ' ὅρκον ὀμεῖται.

[1]) Hermog. π. ἰδ. II 411 Sp.: ὁ Ὅμηρος ποιητῶν ἄριστος, φαίην δ' ἂν ὅτι καὶ ῥητόρων... ἐπεὶ γάρ ἐστιν ἡ ποίησις μίμησις ἁπάντων, ὁ δὲ μετὰ τῆς περὶ τὴν λέξιν κατασκευῆς ἄριστα μιμούμενος καὶ ῥήτορας δημηγοροῦντας καὶ κιθαρῳδοὺς πανηγυρίζοντας... καὶ πάντα πράγματα οὗτος ἄριστός ἐστι ποιητής (ср. Quintil. X 1, 46 sqq.). Таково было представленіе многихъ литературныхъ критиковъ древности; подробно развито оно было въ сочиненіи Телефа пергамца περὶ τῆς καθ' Ὅμηρον ῥητορικῆς (ср. Schrader, *Hermes* XXXVII 560 ff. XXXVIII 144 f.), въ Πλουτάρχου(?) περὶ (τοῦ βίου καὶ της ποιησεως) Ὁμήρου (c. 161 sqq.), въ [Διονυσίου τ. 'Αλικ.] τέχνη (p. 43 sqq. Us.); оно нашло себѣ мѣсто и въ Ὁμηρικὰ ζητήματα Порфирія, въ схоліяхъ къ Гомеру, также въ схоліяхъ или пролегоменахъ къ Гермогену; въ гомеровскихъ рѣчахъ указывались различныя εἴδη τῆς ῥητορικῆς—δημηγορικόν, ἐγκωμιαστικόν, συμβουλευτικόν, δικανικόν (ср. Walz, *Rh. gr.* IV 9 sq. VI 7. 48. VII 5; Plut. Hom. 171), въ гомеровскихъ ораторахъ—представители различныхъ χαρακτήρων των λόγων (Менелай, Одиссей, Несторъ, въ качествѣ ζηλωταί коихъ выставлялись иногда Лисій, Демосѳенъ, Исократъ; ср. Eust. и Sch. BT ad Il. III 212 sqq.; Sch. Mon., Sp. III p. 152; Plut. Hom. 172; Walz VII 5; Quint. II 17, 8; Gell. VI 14, 7); отдѣльныя рѣчи, какія ῥητορικὸς ὢν ὁ ποιητής (μόνος τῶν ποιητῶν знавшій ὃ δεῖ ποιεῖν αὐτόν, не такъ, какъ другіе, которые αὐτοὶ δι' ὅλου ἀγωνίζονται, тогда какъ αὐτὸν δεῖ τον ποιητὴν ἐλάχιστα λέγειν, Arist. poet. 1460 a) такъ часто вставлялъ въ свое повѣствованіе, тщательно разбирались и высоко оцѣнивались съ риторической точки зрѣнія (ср. сопоставленія относящихся сюда текстовъ у Schrader, l. c., и у *Lehnert*, De Scholiis ad Hom. rhetoricis,

чайшія меда рѣчи льются не только изъ устъ царя Нестора: и другіе гомеровскіе герои въ своихъ рѣчахъ, можно сказать, предвосхищаютъ многія формулированныя риторикою V-го и слѣдующихъ вѣковъ правила ораторскаго искусства[1]). Мы видимъ даже, какъ заботятся тутъ о томъ, чтобы и молодые люди, особенно царевичи, пріучались говорить складно (μύθοισι πυκινοῖσι), говорить приличное случаю (ἐοικότα μυθεῖσθαι)[2]);

1896). Въ основаніи этого представленія лежала не только мысль, что Гомеръ въ своей μίμησις охватилъ πάσας τέχνας, πάντα τὰ ἀνθρώπεια, но и мысль, что σύνδρομος ἡ ῥητορικὴ τῷ λόγῳ των ψυχων (ср. Arist. rhet. 1354 a), и что она поэтому ἠσκεῖτο παρ' ἀνθρώποις еще πρὸ Νέστορός τε καὶ Παλαμήδους καὶ Φοίνικος (Φοῖνιξ praeceptor могъ при случаѣ сойдти и за Кадма) καὶ Ὀδυσσέως καὶ πρὸ των ἐν Ἰλίῳ (Syr. in Herm. I, 11 R.).—Съ этимъ представленіемъ не соглашались однако другіе литературные критики, предъявлявшіе болѣе строгія требованія къ краснорѣчію-риторикѣ; самыми серьезными доводами опровергали они не только уже ученіе (ссылавшееся, между прочимъ, на Jl. IV 1: οἱ θεοὶ ἠγορόωντο) о томъ, что риторика перешла отъ боговъ къ героямъ, отъ героевъ къ людямъ (у боговъ риторики не было уже потому, что ὁ λόγος προφορικὸς χρῄζει σωματικων ὀργάνων; у поэтовъ вѣдь одно говорится, другое мыслится), но и ученіе о наличности риторики у гомеровскихъ героевъ: вѣдь и ἀνδράποδα βάρβαρα παντὸς ἄμοιρα λόγου восхваляютъ другъ друга и говорятъ и защищаются и обвиняютъ, ἅπερ εἰσὶν ἴδια τῆς ῥητορικῆς, и отнюдь нельзя τὴν των ἡρώων ἐκείνων εὔρυθμον προφοράν принимать за ῥητορικήν (а развѣ за εἴδησιν λογισμοῦ καὶ ὀξύτητα των ἄλλων πλείονα): τέχνην γὰρ πάντως οὐκ ἔχει (ср. W. IV 9. VII 5; ср. Quint. II 17, 6 sq.); одинъ изъ мотивовъ этихъ возраженій (σχεδὸν διὰ τῶν πλείστων ὑπομνήσεων) указывается еще у Philod. I p. 8, 38 Sdh.: τὸ μηδὲ τὴν τέχνην ὑπάρχειν ἐν τοισίδε τισὶν χρόνοις λαμβάνουσιν ἀσυκοφαντήτως, ὅταν δόξωσιν ὁπωσδήποτε παρεστακέναι τὸ μὴ διὰ ἀγράπτων καταβεβλῆσθαί τινας τεχνολογίας (ср. также Christoph. in Herm. ed. Rabe *Rh. M.* L, 243).—Этотъ споръ о рѣчахъ у Гомера (споръ, въ которомъ видное участіе приняли стоики, ср. Schrader l. c. 571 ff. и Radermacher, *Rh. M.* LII, 416 ff.) восходитъ къ тому спору (Ератосѳенъ и Гиппархъ), который нашелъ себѣ отраженіе у Страбона p. 15 sqq., и дальше—ко временамъ Антисѳена (ср. Duemmler, Kl. Schr. I, 24 ff.), Сократа, Платона; самый ранній прямой слѣдъ его для насъ—у Xenoph. conv. IV, 6 (ср. Plat. Resp. 392 E sqq. 598 D sqq. Phaedr. 261 B sq.: ἀλλ' ἢ τὰς Νέστορος καὶ Ὀδυσσέως τέχνας μόνον περὶ λόγων ἀκήκοας, ἃς ἐν Ἰλίῳ σχολάζοντες συνεγραψάτην, των δὲ Παλαμήδους ἀνήκοος γέγονας;).

[1]) Ср. *Bergk* Gr. Lit.-G. I 830 f. Hecht, Zur homer. Beredsamkeit, *Festschrift Friedlaender dargebracht*, 113 ff.—Несторъ (ср. о немъ *Robert*, Studien zur Jlias, 361 f. 446 ff.) называется въ Иліадѣ ἡδυεπής, λιγὺς Πυλίων ἀγορητής, τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδή (I 247 sq. IV 293); ἦ μὰν αὖτ' ἀγορῇ νικᾷς, γέρον, υἷας Ἀχαιων—говоритъ ему Агамемномъ (II 370; ср. слова самого Нестора, IX 50 sqq.). Не менѣе Нестора краснорѣчивъ у Гомера Одиссей; характеристика его краснорѣчія, сравнительно съ краснорѣчіемъ Менелая, дана въ Ил. III, 211 sqq.; Одиссей и потомъ слылъ (даже больше, чѣмъ Несторъ) за ῥητορικώτατος; имъ любили пользоваться для своихъ цѣлей драматическіе и риторическіе писатели (у Еврипида онъ—героическій прототипъ демагога. *Nestle*, Euripides, 289 f.).—Plat. Phaedr. 261 C: εἰ μὴ Γοργίαν Νέστορά τινα κατασκευάζεις, ἤ τινα Θρασύμαχόν τε καὶ Θεόδωρον Ὀδυσσέα.

[2]) Od. III 23. 124 sq.; ср. IV 239.

при царевичахъ состоятъ наставники, воспитатели[1]), старающіеся сдѣлать изъ нихъ и умѣющихъ дѣйствовать, и умѣющихъ говорить—μύθων τε ῥητῆρ' ἔμεναι πρηκτῆρά τε ἔργων[2]). Отъ оратора требуютъ, чтобы онъ говорилъ не только съ разумѣніемъ дѣла, но и строго расчленяя мысль и слово, соблюдая порядокъ мысли, соблюдая мѣру и тактъ въ подборѣ и въ сочетаніи словъ[3]). И въ гомеровскомъ вѣчѣ, въ совѣтѣ и въ судѣ басилеи говорятъ больше другихъ; но выступаютъ со своими рѣчами и люди изъ народа (δήμου ἄνδρες)—и не всегда, конечно, такъ неудачно, какъ Ѳерситъ, въ лицѣ котораго аристократически-настроенный поэтъ Иліады рѣзкими чертами рисуетъ оратора оппозиціи: самый гнусный видомъ изъ всѣхъ пришедшихъ подъ Иліосъ, съ кривыми ногами, хромой, горбатый, съ узкими плечами и узкой грудью, съ головой клиномъ, съ рѣдкимъ волосомъ, этотъ ораторъ-крикунъ всегда имѣлъ на готовѣ массу безпорядочныхъ словъ, чтобы пускать ихъ въ ходъ, безъ всякаго смысла и толку,—ради того лишь, чтобы оспаривать всякое предложеніе басилеевъ да потѣшать народъ, собравшійся на вѣче[4]). Предъ нами здѣсь чрезвычайно-художественно, но слишкомъ уже темными красками нарисованный типъ вѣчника-демагога[5])—типъ, дальнѣйшей характери-

---

[1]) Φοῖνιξ при Ахилеѣ (Il. IX 437 sqq.), Менторъ при Телемахѣ (Od.), 'Αλκάθοος при Энеѣ (Il. XIII 465 sqq.).

[2]) Il. IX 438 sqq. (слова Фойника Ахилею): σοὶ δέ μ' ἔπεμπε Πηλεύς, ὅτε σ'ἐκ Φθίης 'Αγαμέμνονι πέμπεν νήπιον, οὔ πω εἰδόθ' ὁμοιίου πολέμοιο οὐδ' ἀγορέων, ἵνα τ'ἄνδρες ἀριπρεπέες τελέθουσιν. τούνεκα με προέηκε, διδασκέμεναι τάδε πάντα, μύθων τε ῥητῆρ' ἔμεναι πρηκτῆρά τε ἔργων. Ср. Od. II 272 (Аѳина Μέντορι εἰδομένη Телемаху): τελέσαι ἔργον τε ἔπος τε. Il. XV 281 sqq. Od. IV 817 (νήπιος, οὔτε πόνων εὖ εἰδὼς οὔτ' ἀγοράων). Идеалъ женскаго воспитанія—ἔργα и φρένες (ἐσθλαί): Il. I 115. Od. VII 111.—Въ надписяхъ часто встрѣчаемъ формулу: ἐπειδὴ NN διατελεῖ τῶι δήμωι καὶ λέγων καὶ πράττων τὰ ἄριστα καὶ κάλλιστα, τὰ συμφέροντα (Mich. 204 sqq. 327. 394. 458. 470; ср. 379: ποιεῖ ἀγαθὸν καὶ λόγωι καὶ ἔργωι; 1322: καταδῶ... αὐτὸμ καὶ ἔργα καὶ ἔπεα).

[3]) Ораторъ не долженъ быть ἀκριτόμυθος, ἀμετροεπής (Il. II 246. 212), ἀφαμαρτοεπής, πολύμυθος (III 214 sq.), не долженъ знать ἔπεα ἄκοσμα (II 213); онъ долженъ не упускать изъ виду τέλος μύθων (IX 56; ср. XI 625), долженъ говорить не μάψ, а κατὰ κόσμον (II 214; Od. III 138), излагать πάντα ἐν μοίρῃ (Il. XIX 186), κατὰ μοῖραν (Il. pass. Od. XVIII 170), говорить εὖ φρονέων (Il. I 73. II 78. 283), не κερτομέων (II 256), не ὀξέα κεκληγώς, не μακρὰ βοῶν (II 222. 224); λιγὺς ἀγορητής (Il. I 248. II 246. IV 293. XIX 82. Od. XX 274) не долженъ быть λωβητὴρ ἐπεσβόλος (Il. II 275).—Оратора καλὸν ἀκουέμεν, οὐδὲ ἔοικεν ὑββάλλειν· χαλεπὸν γὰρ ἐπισταμένῳ περ ἐόντι (Il. XIX 79 sqq.).

[4]) Il. II 211 sqq. (Ср. Δόλων, εἶδος κακός, X 316).

[5]) *Usener*, Stoff des griech. Epos, 42 ff., указываетъ въ изображеніи Ѳерсита, какъ бы далеко ни шло здѣсь поэтическое измышленіе, слѣды представленія о богѣ, носившемъ такое или подобное имя, и вмѣстѣ о φαρμακός; во всякомъ случаѣ, гоме-

стикой котораго и послѣ займется литература, больше всего, конечно, комедія, особенно комедія Аристофана.

Итакъ, уже въ ту эпоху, или въ тѣ эпохи, которыя нашли себѣ изображеніе и отображеніе въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ[1]), мы встрѣчаемся не только съ широкимъ примѣненіемъ, но и съ значительной выработкой политическаго краснорѣчія[2]). Когда цари смѣняются избираемыми

ровскій образъ „худого мужика-вѣчника“ ближе напоминаетъ намъ „безъименитыхъ мужиковъ“ Воскресенской лѣтописи (1471 г.), „иже скотомъ подобни суть, ничтоже разума имущихъ, но точію едино кричаніе, и ти приходяху на вѣче, и кричаху и лааху яко пси, нелѣпаа глаголюще (государемъ зовяху себѣ Великій Новгородъ, князя великаго пословъ рѣчей слышати не хотяху)“.

[1]) Иліада и Одиссея очень долго творились (устно и письменно) и въ своемъ содержаніи, и въ своей формѣ, пока онѣ не приняли „въ цѣломъ и существенномъ“ тотъ видъ, въ какомъ дошли и до насъ; такой видъ онѣ приняли во всякомъ случаѣ ко временамъ Платона (*Ludwich*, Die Homervulgata, 67 ff. 188 ff.), и вѣроятно еще къ VI столѣтію или въ VI столѣтіи (все-еще законное сомнѣніе въ достовѣрности легенды о писистратовской рецензіи Гомера у Ludwich'а, l. l., 156 ff., напрасно, кажется, переходитъ въ безусловное отрицаніе „аттической редакціи“ вообще, въ пользу которой, кромѣ общихъ—ср. *Cauer*, Grundfragen d. Homerkritik, 69 ff.—говорятъ и различныя детальныя указанія, вродѣ, напр., тѣхъ, какія даютъ *Dümmler*, Kl. Schr. II 25 ff., и *Wilamowitz*, Arist. u. Ath., I 239, гдѣ, конечно, можно было-бы не тревожить рапсодовъ и не заставлять аѳинянъ совершать при Гиппіи панаѳинейскую помпу не ἀσπιδιῶτας). Какъ бы то ни было, гомеровскія поэмы заключаютъ въ себѣ и объективныя, и субъективныя наслоенія нѣсколькихъ столѣтій, и эпизоды, представляющіе болѣе-непосредственный интересъ для исторіи краснорѣчія (Il. I 245 sqq. II 211 sqq. III 203 sqq. IX 430 sqq.), изслѣдователями состава Иліады относятся обыкновенно къ числу уже болѣе-позднихъ наслоеній (ср. указанія *С. Шестакова*, О происхожденіи Иліады, 126 сл. 138 сл. 176 сл. 236 сл.).

[2]) Гомеровскія поэмы предполагаютъ, повидимому, развитіе не только вѣчеваго (или совѣтскаго), но и посольскаго краснорѣчія (ср. Il. III 203 sqq. и Πρεσβεία).—Отмѣтимъ еще, что похожимъ на демагога является въ Одиссеѣ (XII 278 sqq.) среди спутниковъ Одиссея Эврилохъ.—Конечно, еще больше, нежели у Гомера, герои выступали въ качествѣ ораторовъ у трагиковъ (ср. Arist. poet. 1450 b, гдѣ, м. пр., отмѣчается, что οἱ μὲν ἀρχαῖοι πολιτικῶς ἐποίουν λέγοντας, οἱ δὲ νῦν ῥητορικῶς).—Павсаній (II 31, 1 sqq.) разсказываетъ о находившемся на агорѣ Τροιζηνίων, позади храма Артемиды, Πιτθέως μνῆμα, съ тремя на немъ θρόνοι (ср. *Reichel*, Über vorhellenishe Götterkulte, 1897); говорили, что Питѳей и два мужа съ нимъ (assessores, πάρεδροι?) творили судъ на этихъ сѣдалищахъ; неподалеку была святыня Музъ,—ἐνταῦθα Πιτθέα διδάξαι λόγων τέχνην φασί, καί τι βιβλίον Πιτθέως δὴ σύγγραμμα ὑπὸ ἀνδρὸς ἐκδοθὲν Ἐπιδαυρίου καὶ αὐτὸς—прибавляетъ Павсаній—ἐπελεξάμην. Ср. также Paus. II 19, 3 (о Геланорѣ и Данаѣ).—Питѳей, разсказываетъ Плутархъ (Thes. 3), былъ царемъ-основателемъ πολεως οὐ μεγαλης τῆς Τροιζηνίων, но прославился больше всѣхъ жившихъ въ тѣ времена ὡς ἀνὴρ λόγιος καὶ σοφώτατος, особенно своими γνωμολογίαι, подобными гесіодовымъ ἐν τοῖς Ἔργοις; быть-можетъ за иныя изъ своихъ γνῶμαι, и прежде всего за μηδὲ δίκην δικάσῃς πρὶν ἀμφοῖν μῦθον ἀκούσῃς (Schol. Aesch. Eum. 428. Sch. Eur. Hipp. 264. Paroem. Gr. II 759 L.), онъ и возве-

народомъ и изъ народа представителями исполнительной власти, когда совѣтъ, раньше «дума» при особѣ царя, получаетъ характеръ комиссіи при вѣчѣ, когда судебная власть, дѣлившаяся раньше между царемъ и вѣчемъ, но чаще всего осуществлявшаяся царемъ, переходитъ къ гласному народному суду[1]), который—такъ же, какъ и царь въ его судоговореніи (и правоговореніи),—наблюдалъ, конечно, то мудрое реченіе, которое ходило съ именемъ миѳическаго царя Питѳея трэзенскаго: μηδὲ δίκην δικάσῃς πρὶν ἀμφοῖν μῦθον ἀκούσῃς[2]), когда все болѣе осложняется вся вообще—и въ частности политическая—жизнь, весь вообще—и въ частности юридическій—бытъ, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе развивается умственная культура (и въ частности литература),—тогда политическое и судебное краснорѣчіе, естественно, поднимается въ своемъ значеніи—особенно, конечно, въ болѣе культурныхъ центрахъ, прежде всего—въ Аѳинахъ[3]). Съ конца V вѣка литературныя изображенія аѳин-

---

денъ былъ (у Павсанія l. c.) въ званіе профессора λόγων τέχνης (ср. Paus. I 22, 2). Питѳей вовлеченъ былъ въ кругъ трозанскихъ сказаній и легендъ, гдѣ представлены были всѣ тѣ мотивы, какіе (ср. выше, стр. 23, пр. 4) связываются съ представленіемъ о нимфахъ-музахъ: и Посейдонъ съ его отношеніями къ нимфамъ, и съ его сыновьями-близнецами, и Γλαῦκος, и Πήγασος съ Беллерофонтомъ, и Ἱππόλυτος, Πιτθέως παίδευμα, съ Φαίδρα и съ амазонками, и нимфы Ἀρδαλίδες, и Διόνυσος πελάγιος, и даже Ἵππου καλουμένη κρήνη (ср. *Wide*, De sacris Troezeniorum Herm. Epidaur., 1888. *Gruppe*, Gr. Myth. 190 ff. 585 ff. *Wilamowitz*, Hippolytos, 36 ff.); эти трозанскія сказанія стояли въ тѣсной связи съ аттическими, какъ и Πιτθεύς (Πιθεύς)—съ Ѳесеемъ (ср. *Gruppe* l. c. *Kirchner* Attica et Peloponnesiaca, 9 sqq.); слывшій иногда дѣдомъ или руководителемъ Ѳесея, Питѳей оказывался и какъ-бы двойникомъ (Seitenstück) краснорѣчиваго основателя аѳинской демократіи (какъ Μεγαρεύς и др.; ср. Usener, *Rh. Mus.* LIII 356 ff.).

[1]) Ср. *Приложеніе.*

[2]) Т. е.—audiatur et altera pars. *Hirzel*, Der Eid, 107 f., сближаетъ это реченіе съ эсхиловымъ: δυοῖν παρόντοιν ἥμισυς λόγου πάρα (Eum. 428) и оба эти реченія съ Rechts-Sprichwort: Ein manns red ein halbe red Man soll sie hören alle beed (*Grimm*, W. VIII 454). Ср. также Hes. op. 263 sq.: βασιλῆες, ἰθύνετε μύθους, δωροφάγοι, σκολιῶν δὲ δικῶν ἐπὶ πάγχυ λάθεσθε. Il. XVIII 507 sq.: κεῖτο δ᾽ἐν μέσσοισι τάλαντα, τῷ δόμεν, ὃς δίκην ἰθύντατα εἴποι. Sol. fr. 4, 37 sqq.: εὐθύνει δίκας σκολιάς, παύει δ᾽ἔργα διχοστασίης. Anacr. 16 B.: μυθιῆται διέπουσιν ἄστυ (μυθιῆται—στασιασταί, по Schol. Od. XXI 71: μύθου ποιήσασθαι ἐπισχεσίην). Πανύασις· διχθάδιος μῦθος, Lex. Gen. (Reitzenstein, Ined. poet. gr. fr. II p. 15). Pap. Br. M., Wessely, *Wien. St.* IX 266, Z. 18 f.: τούτων ῥηθέντων αὐτοῖς πρὸς ἀλλήλους συνβέβηκεν μεσιτίαν γενέσθαι.—Ср. Aristoph. vesp. 725. Eurip. Heraclid. 179 sqq. Hipp. 882 sqq.—Присяга аѳинскихъ геліастовъ гласила: καὶ ἀκροάσομαι τοῦ τε κατηγόρου καὶ τοῦ ἀπολογουμένου ὁμοίως ἀμφοῖν, Demosth. XXIV 151; ср. Ditt.[2] 512.—Находились потомъ и возражавшіе противъ питѳеева реченія (Зенонъ у Plut. de Stoic. rep. 8; [Plat.] Demod. 382 E sqq.).

[3]) Публичное краснорѣчіе существовало и даже процвѣтало въ Элладѣ всегда и повсюду: лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить перешедшій изъ гомеров-

---

скаго эпоса въ исторіографію и столь прочно утвердившійся въ ней пріемъ—вставлять въ повѣствованіе—претендовавшія, конечно, только на передачу τῆς ξυμπάσης γνώμης τῶν ἀληθῶς λεχθέντων (Thuc. I 22)—рѣчи, ἃ σχεδὸν ὡς εἰ κεφάλαια τῶν πράξεών ἐστι καὶ συνέχει τὴν ὅλην ἱστορίαν, говоритъ Поливій, XII 25 а. Но, разумѣется, не всегда и не вездѣ краснорѣчіе процвѣтало одинаково: съ этой точки зрѣнія не совсѣмъ произвольной антитезей было, напр., противопоставленіе аѳинянъ (πόλις φιλόλογός τε καὶ πολύλογος, οὗ τῆς Ἑλλάδος πλείστη ἐστὶν ἐξουσία τοῦ λέγειν, Plat. Leg. 641 E. Gorg. 461 E) славившимся своимъ лаконизмомъ лакедэмонянамъ. Конечно, и лакедэмоняне произносили (и слушали у себя) рѣчи (ср. Thuc. I 68 sqq. IV 16 sqq. 34 sqq. 125 sq. V 8 sqq. VI 88 sqq.; о Брасидѣ, IV 84: ἦν δὲ οὐδὲ ἀδύνατος, ὡς Λακεδαιμόνιος, εἰπεῖν; ср. также сравнительную характеристику мантинейскихъ, аргейскихъ, аѳинскихъ и лакедэмонскихъ παραινέσεις, V 69); но, какъ замѣчаетъ Цицеронъ (Brut. 49 sq.), они не выставили ни одного виднаго оратора, какъ не было таковыхъ въ Аргосѣ, Коринѳѣ или Ѳивахъ (если не предполагать, что былъ таковымъ Епаминондъ, doctus homo). когда у аѳинянъ уже процвѣтало studium eloquentiae, такъ что Цицеронъ склоненъ былъ утверждать, что это studium было сначала non commune Graeciae, sed proprium Athenarum. Ἑλλάδος Ἑλλάς, Ἑλλάδος παίδευσις и παιδευτήριον, πρυτανεῖον τῆς σοφίας, Аѳины всегда, конечно, (и особенно въ лицѣ своихъ „десяти ораторовъ") занимали самое видное и самое почетное мѣсто въ исторіи греческаго краснорѣчія; только въ болѣе позднее время (послѣ Александра В.) съ Аѳинами начинаютъ соперничать (хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ удачно) другіе—преимущественно малоазійскіе—культурные центры (и то не каждый порознь, а всѣ вмѣстѣ), также Родосъ и потомъ все къ себѣ стягивающая, все въ себя втягивающая ἡ πάντων κρατοῦσα Ῥώμη; на этой почвѣ выясняется (уже съ нач. III в.) и борьба двухъ направленій краснорѣчія (какъ и вообще художественной прозы), сначала ἑλληνισμός и σολοικισμός (φρυγίζειν, μυσίζειν), потомъ ἀττικισμός и ἀσιανὸς χαρακτήρ (οἱ Ἀσιανοί καλούμενοι ῥήτορες). Ср. *Norden*, Ant. K. I, 126 ff. 240 ff. 344 ff. Radermacher, *Rh. Mus.*, LIV, 351 ff. Wilamowitz, *Hermes*, XXXV, 1 ff.—Какъ ораторъ съ прочно установившейся репутаціей, прославленный не только потомствомъ, но и современниками (ср. *Blass*, Att. Bereds. I² 34 ff.), является уже Периклъ, λέγειν καὶ πράσσειν δυνατώτατος; но немногимъ меньшей была потомъ и ораторская слава Ѳемистокла; не приходилось отказывать въ краснорѣчіи и Аристиду, а тѣмъ болѣе уже Солону (о его δημηγορίαι—Diog. L. I 61), которому иные приписывали и основаніе аѳинскаго ἐπιταφίου ἀγῶνος (ср. Plut. Public. 9); спорили только о томъ, играла-ли роль въ краснорѣчіи этихъ ἀρχαῖοι ῥήτορες (ср. Aeschin. I 25) техническая выучка (Thuc. I 138, 3. II 60, 5 sq. Plat. Alc. I 118 C. Phaedr. 270 A. Gorg. 519 B. Men. 93 C sqq. Xenoph. Mem. IV 2, 2. Conv. VIII 39. Ср. Philod. II 201 sqq. Plut. Them. 2. Per. 4 sqq.). Этотъ идущій, повидимому, еще съ конца V стол. споръ стоялъ въ связи съ тѣмъ споромъ—насколько и поскольку διδακτέον ἡ ῥητορική, который былъ поднятъ, когда въ Аѳинахъ появился (впервые въ 427 г.) съ вывезенной изъ Сициліи τέχνη ῥητορική Горгій. Правда, намъ разсказываютъ и о наставникахъ Ѳемистокла и Перикла (Мнесифилѣ и Дамонѣ), правда еще раньше Горгія прибылъ въ Аѳины профессоръ риторики Ѳрасимахъ халкедонецъ (ср. *Schwartz*, De Thrasymacho Chalced., 4. Drerup, *N. Jahrbb.* S.-B. XXVII 225), и оба они говорили и учили не только въ Аѳинахъ, а даже и въ Ѳессаліи (Plat. Men. 70 B. Isocr. XV 155; Clem. Al. VI p. 746 P), но и въ древней, и особенно въ новой наукѣ прочно установилось представленіе, что настоящее краснорѣчіе начинается въ Аѳинахъ съ Горгія, а въ Елладѣ вообще съ сицилійскихъ учителей Горгія—Корака или Тисія, или обоихъ

ской политической жизни[1]) переполняются указаніями или намеками на ту все подавляющую, надъ всѣмъ доминирующую роль, какую и на вѣчѣ съ совѣтомъ, и въ судѣ захватываетъ себѣ слово[2]), наполняются выходками противъ пользующихся (т. е. злоупотребляющихъ) силою слова

вмѣстѣ,—представленіе, которое сводится обыкновенно къ Аристотелю (тексты сюда относящіеся см. у *Spengel*, Συν. τεχν., 22 sqq.: ср. *Navarre*, Rhét. gr. av. Arist., 3 ss.). Radermacher, *Rh. Mus.* LII 412 ff., указываетъ двѣ версіи этой традиціи; одну, по которой изъ Сициліи пришло въ Грецію политическое краснорѣчіе вообще, онъ не безъ основаній сводитъ къ Тимэю; другую, по которой начало свое ведетъ изъ Сициліи лишь судебное краснорѣчіе, онъ оставляетъ за Аристотелемъ. Къ сожалѣнію, эта аристотелевская версія доселѣ остается не обслѣдованной (главнымъ образомъ вслѣдствіе излишней довѣрчивости къ надежности цитатъ у древнихъ писателей). Кажется, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о пріуроченіи показанія Аристотеля къ тому или другому изъ приписываемыхъ ему сочиненій (τεχνῶν συναγωγή, или Σοφιστής, или περὶ ποιητῶν, или даже τέχνης τῆς Θεοδέκτου συναγωγή), мы можемъ возстановить его—чрезвычайно важныя для исторіи греческой риторики и ея исторіографіи—мысли. Soph. el. 183 b читаемъ: οἱ νῦν εὐδοκιμοῦντες [ῥήτορες] παραλαβόντες παρὰ πολλῶν οἷον ἐκ διαδοχῆς κατὰ μέρος προαγαγόντων οὕτως ηὐξήκασι Τεισίας μὲν μετὰ τοὺς πρώτους, Θρασύμαχος δὲ μετὰ Τεισίαν (Rhet. 1401 b упоминается уже ἡ Κόρακος τέχνη). Кто были эти οἱ πρῶτοι, показываютъ цитаты изъ Аристотеля у Sext. Emp. adv. math. VII 6 и Diog. L. VIII 57, позволяющіе намъ видѣть передачу аристотелевской теоріи у Quint. III 1, 8 sqq.: primus post eos quos poetae tradiderunt movisse aliqua circa rhetoricen (πρῶτον ῥητορικὴν κεκινηκέναι) Empedocles (ὁμηρικὸς καὶ δεινὸς περὶ τὴν φράσιν) dicitur. artium autem scriptores antiquissimi Corax et Tisias Siculi etc. (ср. Cic. Brut. 46 sqq.: ait Aristoteles... tum primum... artem et praecepta Siculos Coracem et Tisiam conscripsisse). Возможно, конечно, что въ цитатѣ Цицерона (Brut. 46) Аристотелю принадлежитъ и указаніе на то, что эта первая письменная τέχνη ῥητορική имѣла своимъ предметомъ res privatas, и даже объясненіе факта ея появленія изъ національныхъ (ср. Pind. Pyth. I 41 sq.: καὶ σοφοὶ περίγλωσσοί τ' ἔφυν. Plat. Gorg. 493 A) и политическихъ условій.—Въ Προλεγ. τ. στ., Walz VII 5, читаемъ: λέγουσι δέ τινες δικανικὸν λόγον εἰρηκέναι (εὑρηκέναι?) πρῶτον Μενεσθέα, τὸν στρατηγὸν τῶν Ἀθηναίων, ὃς καὶ ἐπὶ Τροίαν ἀφίκετο· ἄλλοι δὲ λέγουσιν Ἀντιφῶντα, τοῦτον τὸν ῥήτορα κατὰ Θησέως περὶ τῶν Παλλαντίδων· ἤκμασε δὲ κατὰ Σικελίαν (рядомъ съ Коракомъ упоминается Антифонтъ и у Philod. Suppl. p. XXXIII Sdh.; ср. Quint. III 1, 11: Antiphon quoque et orationem primus omnium scripsit).—Объ отношеніяхъ Антифонта, автора тетралогій, къ Горгію ср. Tiele, *Hermes* XXXVI, 245 f.

[1]) Діалоги Платона, трагедія (особенно Еврипидъ), прежде-же всего комедія, гдѣ заключается драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи не только практики (ср. напр., пародіи вѣчевыхъ, совѣтскихъ, судебныхъ рѣчей и преній въ аристофановыхъ Всадникахъ, Осахъ, Θεσμοφοριάζουσαι, Ἐκκλησιάζουσαι), но и теоретической разработки (ср. особенно Облака и преніе Эсхила и Еврипида предъ Діонисомъ въ Лягушкахъ) краснорѣчія, особенно политическаго и судебнаго.

[2]) То же подтверждаетъ собою, конечно, начавшееся здѣсь съ 20-хъ годовъ V в. издаваніе и составленіе образцовыхъ или примѣрныхъ рѣчей или ихъ примѣрныхъ диспозицій, вступленій и заключеній (ср. ἔλεοι Θрасимаха) и вообще риторическихъ руководствъ и пособій, а также появленіе политическихъ συγγράμματα писанныхъ въ формѣ рѣчей (λόγοι συμβουλευτικοί).

скаго эпоса въ исторіографію и столь прочно утвердившійся въ ней пріемъ—вставлять въ повѣствованіе—претендовавшія, конечно, только на передачу τῆς ξυμπάσης γνώμης τῶν ἀληθῶς λεχθέντων (Thuc. I 22)—рѣчи, ἃ σχεδὸν ὡς εἰ κεφάλαια τῶν πράξεών ἐστι καὶ συνέχει τὴν ὅλην ἱστορίαν, говоритъ Поливій, XII 25 a. Но, разумѣется, не всегда и не вездѣ краснорѣчіе процвѣтало одинаково: съ этой точки зрѣнія не совсѣмъ произвольной антитезей было, напр., противопоставленіе аѳинянъ (πόλις φιλόλογός τε καὶ πολύλογος, οὗ τῆς Ἑλλάδος πλείστη ἐστὶν ἐξουσία τοῦ λέγειν, Plat. Leg. 641 E. Gorg. 461 E) славившимся своимъ лаконизмомъ лакедэмонянамъ. Конечно, и лакедэмоняне произносили (и слушали у себя) рѣчи (ср. Thuc. I 68 sqq. IV 16 sqq. 34 sqq. 125 sq. V 8 sqq. VI 88 sqq.; о Брасидѣ, IV 84: ἦν δὲ οὐδὲ ἀδύνατος, ὡς Λακεδαιμόνιος, εἰπεῖν; ср. также сравнительную характеристику мантинейскихъ, аргейскихъ, аѳинскихъ и лакедэмонскихъ παραινέσεις, V 69); но, какъ замѣчаетъ Цицеронъ (Brut. 49 sq.), они не выставили ни одного виднаго оратора, какъ не было таковыхъ въ Аргосѣ, Коринѳѣ или Ѳивахъ (если не предполагать, что былъ таковымъ Епаминондъ, doctus homo), когда у аѳинянъ уже процвѣтало studium eloquentiae, такъ что Цицеронъ склоненъ былъ утверждать, что это studium было сначала non commune Graeciae, sed proprium Athenarum. Ἑλλάδος Ἑλλάς, Ἑλλάδος παίδευσις и παιδευτήριον, πρυτανεῖον τῆς σοφίας, Аѳины всегда, конечно, (и особенно въ лицѣ своихъ „десяти ораторовъ“) занимали самое видное и самое почетное мѣсто въ исторіи греческаго краснорѣчія; только въ болѣе позднее время (послѣ Александра В.) съ Аѳинами начинаютъ соперничать (хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ удачно) другіе—преимущественно малоазійскіе—культурные центры (и то не каждый порознь, а всѣ вмѣстѣ), также Родосъ и потомъ все къ себѣ стягивающая, все въ себя втягивающая ἡ πάντων κρατοῦσα Ῥώμη; на этой почвѣ выясняется (уже съ нач. III в.) и борьба двухъ направленій краснорѣчія (какъ и вообще художественной прозы), сначала ἑλληνισμός и σολοικισμός (φρυγίζειν, μυσίζειν), потомъ ἀττικισμός и ἀσιανὸς χαρακτήρ (οἱ Ἀσιανοὶ καλούμενοι ῥήτορες). Ср. *Norden*, Ant. K. I, 126 ff. 240 ff. 344 ff. Radermacher, *Rh. Mus.*, LIV, 351 ff. Wilamowitz, *Hermes*, XXXV, 1 ff.—Какъ ораторъ съ прочно установившейся репутаціей, прославленный не только потомствомъ, но и современниками (ср. *Blass*, Att. Bereds. I² 34 ff.), является уже Периклъ, λέγειν καὶ πράσσειν δυνατώτατος; но немногимъ меньшей была потомъ и ораторская слава Ѳемистокла; не приходилось отказывать въ краснорѣчіи и Аристиду, а тѣмъ болѣе уже Солону (о его δημηγορίαι—Diog. L. I 61), которому иные приписывали и основаніе аѳинскаго ἐπιταφίου ἀγῶνος (ср. Plut. Public. 9); спорили только о томъ, играла-ли роль въ краснорѣчіи этихъ ἀρχαῖοι ῥήτορες (ср. Aeschin. I 25) техническая выучка (Thuc. I 138, 3. II 60, 5 sq. Plat. Alc. I 118 C. Phaedr. 270 A. Gorg. 519 B. Men. 93 C sqq. Xenoph. Mem. IV 2, 2. Conv. VIII 39. Ср. Philod. II 201 sqq. Plut. Them. 2. Per. 4 sqq.). Этотъ идущій, повидимому, еще съ конца V стол. споръ стоялъ въ связи съ тѣмъ споромъ—насколько и поскольку διδακτέον ἡ ῥητορική, который былъ поднятъ, когда въ Аѳинахъ появился (впервые въ 427 г.) съ вывезенной изъ Сициліи τέχνη ῥητορική Горгій. Правда, намъ разсказываютъ и о наставникахъ Ѳемистокла и Перикла (Мнесифилѣ и Дамонѣ), правда еще раньше Горгія прибылъ въ Аѳины профессоръ риторики Ѳрасимахъ халкедонецъ (ср. *Schwartz*, De Thrasymacho Chalced., 4. Drerup, *N. Jahrbb.* S.-B. XXVII 225), и оба они говорили и учили не только въ Аѳинахъ, а даже и въ Ѳессаліи (Plat. Men. 70 B. Isocr. XV 155; Clem. Al. VI p. 746 P), но и въ древней, и особенно въ новой наукѣ прочно установилось представленіе, что настоящее краснорѣчіе начинается въ Аѳинахъ съ Горгія, а въ Елладѣ вообще съ сицилійскихъ учителей Горгія—Корака или Тисія, или обоихъ

ской политической жизни[1]) переполняются указаніями или намеками на ту все подавляющую, надъ всѣмъ доминирующую роль, какую и на вѣчѣ съ совѣтомъ, и въ судѣ захватываетъ себѣ слово[2]), наполняются выходками противъ пользующихся (т. е. злоупотребляющихъ) силою слова

вмѣстѣ,—представленіе, которое сводится обыкновенно къ Аристотелю (тексты сюда относящіеся см. у *Spengel*, Συν. τεχν., 22 sqq.: ср. *Navarre*, Rhét. gr. av. Arist., 3 ss.). Radermacher, *Rh. Mus.* LII 412 ff., указываетъ двѣ версіи этой традиціи; одну, по которой изъ Сициліи пришло въ Грецію политическое краснорѣчіе вообще, онъ не безъ основаній сводитъ къ Тимэю; другую, по которой начало свое ведетъ изъ Сициліи лишь судебное краснорѣчіе, онъ оставляетъ за Аристотелемъ. Къ сожалѣнію, эта аристотелевская версія доселѣ остается не обслѣдованной (главнымъ образомъ вслѣдствіе излишней довѣрчивости къ надежности цитатъ у древнихъ писателей). Кажется, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о пріуроченіи показанія Аристотеля къ тому или другому изъ приписываемыхъ ему сочиненій (τεχνῶν συναγωγή, или Σοφιστής, или περὶ ποιητῶν, или даже τέχνης τῆς Θεοδέκτου συναγωγή), мы можемъ возстановить его—чрезвычайно важныя для исторіи греческой риторики и ея исторіографіи—мысли. Soph. el. 183 b читаемъ: οἱ νῦν εὐδοκιμοῦντες [ῥήτορες] παραλαβόντες παρὰ πολλῶν οἷον ἐκ διαδοχῆς κατὰ μέρος προαγαγόντων οὕτως ηὐξήκασι Τεισίας μὲν μετὰ τοὺς πρώτους, Θρασύμαχος δὲ μετὰ Τεισίαν (Rhet. 1401 b упоминается уже ἡ Κόρακος τέχνη). Кто были эти οἱ πρῶτοι, показываютъ цитаты изъ Аристотеля у Sext. Emp. adv. math. VII 6 и Diog. L. VIII 57, позволяющіе намъ видѣть передачу аристотелевской теоріи у Quint. III 1, 8 sqq.: primus post eos quos poetae tradiderunt movisse aliqua circa rhetoricen (πρῶτον ῥητορικὴν κεκινηκέναι) Empedocles (ὁμηρικὸς καὶ δεινὸς περὶ τὴν φράσιν) dicitur. artium autem scriptores antiquissimi Corax et Tisias Siculi etc. (ср. Cic. Brut. 46 sqq.: ait Aristoteles... tum primum... artem et praecepta Siculos Coracem et Tisiam conscripsisse). Возможно, конечно, что въ цитатѣ Цицерона (Brut. 46) Аристотелю принадлежитъ и указаніе на то, что эта первая письменная τέχνη ῥητορική имѣла своимъ предметомъ res privatas, и даже объясненіе факта ея появленія изъ національныхъ (ср. Pind. Pyth. I 41 sq.: καὶ σοφοὶ περίγλωσσοί τ' ἔφυν. Plat. Gorg. 493 A) и политическихъ условій.—Въ Προλεγ. τ. στ., Walz VII 5, читаемъ: λέγουσι δέ τινες δικανικὸν λόγον εἰρηκέναι (εὑρηκέναι?) πρῶτον Μενεσθέα, τὸν στρατηγὸν τῶν Ἀθηναίων, ὃς καὶ ἐπὶ Τροίαν ἀφίκετο· ἄλλοι δὲ λέγουσιν Ἀντιφῶντα, τοῦτον τὸν ῥήτορα κατὰ Θησέως περὶ τῶν Παλλαντίδων· ἤκμασε δὲ κατὰ Σικελίαν (рядомъ съ Коракомъ упоминается Антифонтъ и у Philod. Suppl. p. XXXIII Sdh.; ср. Quint. III 1, 11: Antiphon quoque et orationem primus omnium scripsit).—Объ отношеніяхъ Антифонта, автора тетралогій, къ Горгію ср. Tiele, *Hermes* XXXVI, 245 f.

[1]) Діалоги Платона, трагедія (особенно Еврипидъ), прежде-же всего комедія, гдѣ заключается драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи не только практики (ср. напр., пародіи вѣчевыхъ, совѣтскихъ, судебныхъ рѣчей и преній въ аристофановыхъ Всадникахъ, Осахъ, Θεσμοφοριάζουσαι, Ἐκκλησιάζουσαι), но и теоретической разработки (ср. особенно Облака и преніе Эсхила и Еврипида предъ Діонисомъ въ Лягушкахъ) краснорѣчія, особенно политическаго и судебнаго.

[2]) То же подтверждаетъ собою, конечно, начавшееся здѣсь съ 20-хъ годовъ V в. издаваніе и составленіе образцовыхъ или примѣрныхъ рѣчей или ихъ примѣрныхъ диспозицій, вступленій и заключеній (ср. ἔλεοι Θрасимаха) и вообще риторическихъ руководствъ и пособій, а также появленіе политическихъ συγγράμματα писанныхъ въ формѣ рѣчей (λόγοι συμβουλευτικοί).

демагоговъ и ихъ вдохновителей—«софистовъ»[1]), противъ сочиняющихъ за деньги обвинительныя и защитительныя рѣчи «логографовъ»[2]) и противъ разучивающихъ наизусть эти покупныя рѣчи[3]), противъ сутяжниковъ, кляузниковъ и ябедниковъ[4]), наполняются вылазками противъ народа, который имѣетъ такую же власть, какъ тираннъ, но которому, какъ тиранну, льстятъ, котораго обманываютъ, чтобы на его счетъ поживиться, котораго говорящій съ нимъ можетъ направить или увлечь, куда угодно[5]), наполняются вылазками противъ судей, власть которыхъ тоже не хуже царской, а то и Зевсовой, и которыхъ представшіе предъ ними стараются задобрить или привести въ пріятное (и благопріятное) настроеніе своими или самыми униженными, или возможно интересными рѣчами[6]).

---

[1]) Ср. изображеніе демагога въ платоновомъ Горгіи (pass.).—У Аристофана демагогъ рисуется вообще лишеннымъ какого-бы то ни было образованія (ср. Equ. 185 sqq.: ἡ δημαγωγία γὰρ οὐ πρὸς μουσικοῦ, ἀλλ' εἰς ἀμαθῆ καὶ βδελυρόν); это именно тѣ οἱ ἐν σοφοῖς φαῦλοι, которые оказываются παρ' ὄχλῳ μουσικώτεροι λέγειν, у Еврипида (Hipp. 969 sq.); нѣсколько иначе эти οἱ φαυλότεροι τῶν ἀνθρώπων представляются өукидидовскому Клеону: они πρὸς τοὺς ξυνετωτέρους ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖον ἄμεινον οἰκοῦσι τὰς πόλεις, ἀδυνατώτεροι τοῦ καλῶς εἰπόντος μέμψασθαι λόγον, κριταὶ ὄντες ἀπὸ τοῦ ἴσου μᾶλλον ἢ ἀγωνισταί (III, 37).—Вообще же у Еврипида демагогъ рисуется уже прошедшимъ риторическую или „софистическую“ школу (ср. *Nestle*, Euripides, 206 ff. 289 ff.).

[2]) Ср. особенно Arist. Av. 1694 sqq., гдѣ разсказывается о живущемъ ἐν Φαναῖσι πρὸς τῇ Κλεψύδρᾳ племени (πανοῦργον γένος) 'Εγγλωττογαστόρων (ср. Ἐγχειρογάστορες), которые жнутъ и сѣютъ и собираютъ плоды (τρυγῶσι συκάζουσί τε) языками; варварское это племя, горгіи и филиппы (или, какъ предлагаетъ читать Robert, *Herm.* XXXVIII 158 f., καὶ φίλιπποι Γοργίου, ср. Vesp. 421: ἀπώλεσαν Φίλιππον ἐν δίκῃ τὸν Γοργίου).

[3]) Ср. Ar. Equ. 344 sqq. Vesp. 958 sqq. (*Roemer*, Studien zu Aristophanes, I 102 ff.).

[4]) Ср. Arist. Plut. 30: ἱερόσυλοι καὶ ῥήτορες καὶ συκοφάνται καὶ πονηροί.—Dem. XXV 49 sqq.—Arist. Pax, 505: οὐδὲν γὰρ ἄλλο δρᾶτε πλὴν δικάζετε. Av. 39 sqq.: οἱ μὲν γὰρ οὖν τέττιγες ἕνα μῆν' ἢ δύο ἐπὶ τῶν κραδῶν ᾄδουσ', 'Αθηναῖοι δ'ἀεὶ ἐπὶ τῶν δικῶν ᾄδουσι πάντα τὸν βίον.

[5]) Ср. Arist. Equ. 1112 sqq.: ὦ Δῆμε, καλήν γ'ἔχεις ἀρχήν, ὅτε πάντες ἄνθρωποι δεδίασί σ'ὥσπερ ἄνδρα τύραννον. ἀλλ' εὐπαράγωγος εἶ, θωπευόμενός τε χαίρεις κἀξαπατώμενος, πρὸς τόν τε λέγοντ' ἀεὶ κέχηνας· ὁ νοῦς δέ σου παρὼν ἀποδημεῖ.

[6]) Ср. Arist. Vesp. 546 sqq. Plat. Theaet. 172 E.—Постепенно впрочемъ (и довольно скоро) эти жалобы или насмѣшки теряютъ свою остроту, отчасти, конечно, потому, что пришлось примириться или удалось свыкнуться съ силой или насиліями слова надъ вольной мыслью екклесіастовъ, булевтовъ и геліастовъ, отчасти-же потому, что и вообще вопросы государственнаго управленія утрачиваютъ свое общественное и практическое значеніе: философія все больше забываетъ дорогу на агору (εἰς ἀγορὰν οὐκ ἴσασι τὴν ὁδόν, οὐδὲ ὅπου δικαστήριον ἢ βουλευτήριον, Plat. Theaet. 173 D), комедія изъ политической переходитъ въ комедію интриги (и въ нее же разрѣшается трагедія).

Рука объ руку съ краснорѣчіемъ, получающимъ все большее значеніе во внутренней политической жизни государства (или «гражданской общины»), развивается и краснорѣчіе международныхъ, дипломатическихъ сношеній: въ качествѣ возможнаго — иногда и единственно-возможнаго, или даже необходимаго — средства для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей внѣшней политики, рядомъ съ первобытной, подлинной «махетикой» (т. е. искусствомъ борьбы) становится другая махетика, орудіемъ которой служитъ не мечъ, а «изощренный, какъ мечъ, языкъ», «напряженное, какъ лукъ, слово»[1]): во главѣ отправляемаго къ другому государству посольства государство старается поставить умѣющаго владѣть мыслью и словомъ; разсказываютъ, что въ качествѣ пословъ — одинъ отъ леонтинцевъ, другой — отъ кеосцевъ — явились въ Аѳины знаменитые софисты Горгій и Продикъ[2]); мы знаемъ, что изъ аттическихъ ораторовъ вошедшихъ въ канонъ «десяти» отправляли посольскія службы всѣ имѣвшіе аѳинское гражданство, за исключеніемъ только — имѣвшаго дарованія, но не имѣвшаго данныхъ для политической дѣятельности — Исократа[3]).

Потомъ, правда, когда еллинскія государства попадаютъ въ зависимость отъ царей — Александра Великаго и его діадоховъ и епигоновъ, а послѣ и народа или сената римскаго и императоровъ римскихъ,

---

[1]) Ср. Plat. Resp. 411 C sqq.: μισολόγος γίγνεται καὶ ἄμουσος, καὶ πειθοῖ μὲν διὰ λόγων οὐδὲν ἔτι χρῆται, βίᾳ δὲ καὶ ἀγριότητι ὥσπερ θηρίον. Arist. rhet. 1355 a: ἄτοπον εἰ τῷ σώματι μὲν αἰσχρὸν μὴ δύνασθαι βοηθεῖν ἑαυτῷ, λόγῳ δ'οὐκ αἰσχρόν· ὃ μᾶλλον ἴδιόν ἐστιν ἀνθρώπου τῆς τοῦ σώματος χρείας. Въ Σοφιστής Платона, 225 A ἡ μαχητικὴ распадается на τὸ σώματι πρὸς σώματα и τὸ λόγοις πρὸς λόγους γιγνόμενον.

[2]) Plat. Hipp. maj. 282 C. Тимэй у Dion. Lys. 3, и Diod. XII, 53. Paus. VI 17, 8 (гдѣ Горгія въ Аѳины сопровождаетъ даже Тисій).

[3]) О посольской службѣ Антифонта, Андокида, Эсхина, Демосѳена, Ликурга, Гиперида см. у *Kirchner*, Prosopographia Attica, или у *Blass*, Att. Beredsamkeit.² Исократъ говоритъ (V 81) о себѣ: ἐγὼ γὰρ πρὸς τὸ πολιτεύεσθαι πάντων ἀφυέστατος ἐγενόμην τῶν πολιτῶν, οὔτε γὰρ φωνὴν ἔσχον ἱκανὴν οὔτε τόλμαν δυναμένην ὄχλῳ χρῆσθαι; неизвѣстно, насколько надежно извѣстіе, что онъ σὺν Τιμοθέῳ πολλὰς πόλεις ἐπῆλθε, συντιθεὶς τὰς πρὸς 'Αθηναίους ὑπὸ Τιμοθέου πεμπομένας ἐπιστολάς, v. X or. 837 c (ср. Philod. II 178 Sdh.). — Характерны разсказы о посольствѣ, посланномъ въ 155 г. въ Римъ аѳинянами, о посольствѣ, во главѣ котораго были поставлены представители трехъ процвѣтавшихъ тогда въ Аѳинахъ философскихъ школъ — академикъ Карнеадъ, стоикъ Діогенъ, перипатетикъ Критолай (см. *С. А. Жебелевъ*, Изъ исторіи Аѳинъ, 193 сл.). — Philostr. v. s., I, 21, о Скопеліанѣ: βασίλειοι δὲ αὐτοῦ πρεσβεῖαι πολλαί, καὶ γάρ τις καὶ ἀγαθὴ τύχη συνηκολούθει τῷ πρεσβεύοντι (то же о другихъ софистахъ — I 24. 25; II 5). — Въ болѣе-позднихъ надписяхъ очень часто отмѣчаются посольскія услуги, а иногда и содержаніе посольскихъ рѣчей (ср., напр., Ditt². 259. 276. 281. 303. Mich. 205. 252. 431.).

падаетъ, становясь все менѣе содержательной, политическая жизнь еллиновъ, а съ нею вмѣстѣ падаетъ и политическое краснорѣчіе, и болѣе-поздніе писатели греческіе основывались конечно на горькомъ опытѣ своего времени, когда говорили, что только въ свободномъ, а не въ порабощенномъ народѣ рождается любовь къ слову, что вмѣстѣ съ демократіей поднимаются и вмѣстѣ съ нею погибаютъ великіе ораторы[1]). Но если политическое краснорѣчіе, столь пышно расцвѣтшее особенно въ Аѳинахъ V и IV вѣка, достигнувъ въ рѣчахъ Демосѳена своего кульминаціоннаго пункта, послѣ начинаетъ падать, все больше спеціализуясь на рѣчахъ, произносимыхъ не на вѣчѣ или въ совѣтѣ, и даже не въ сенатѣ римскомъ, а предъ царями, предъ намѣстниками римскаго народа, потомъ предъ римскими императорами и ихъ намѣстниками, если и самыя эти—больше дипломатичныя, нежели дипломатическія,—рѣчи становятся все рѣже дѣловыми и все чаще просто привѣтственными, поздравительными или благодарственными, и во всякомъ случаѣ хвалебными[2]),—то краснорѣчіе судебное казалось болѣе

---

[1]) π. ὕψους 44, 2 sqq.: ἐκείνῳ τῷ θρυλουμένῳ, ὡς ἡ δημοκρατία τῶν μεγάλων ἀγαθὴ τιθηνός, ᾗ μόνῃ σχεδὸν καὶ συνήκμασαν οἱ περὶ λόγους δεινοὶ καὶ συναπέθανον... δοῦλον μηδένα γίνεσθαι ῥήτορα. Это (отчасти быть-можетъ восходящее къ Аристотелю, ср. Arist. Metaph. 981 b) τὸ θρυλούμενον представлено для насъ гл. обр. Цицерономъ (Cic. Br. 46: in impeditis ac regum dominatione devinctis nasci cupiditas dicendi non solet. pacis est comes otiique socia et iam bene constitutae civitatis quasi alumna—τιθηνός?—quaedam eloquentia; cp. de or., I 39: haec una res in omni libero populo maximeque in pacatis tranquillisque civitatibus praecipue semper floruit semperque dominata est). Изъ Цицерона же (Brut. 36 sqq.; de or. II 95) мы узнаемъ, что паденіе еллинской (аттической) политической елоквенціи (ставшей больше suavis, нежели gravis) связывалось обыкновенно съ именемъ Димитрія Фалерейца. Ср. *Norden*, A. K., 126 ff.

[2]) Въ какомъ направленіи шло и до чего въ этомъ направленіи дошло—все больше сближаясь съ эпидейктическимъ—политическое краснорѣчіе еллиновъ, лучше всего показываетъ трактатъ (II) конца III в. по Р. Х. περὶ ἐπιδεικτικῶν [Менандра], (Bursian, *Abh. d. bayr. Ak.*, XVI 3 ff.), гдѣ даются подробныя схемы для рѣчей къ императорамъ и къ правителямъ провинцій—для λόγοι βασιλικοί (панегирики, λ. χαριστήριοι и εὐχαριστήριοι), στεφανωτικοί (при поднесеніи императору золотого вѣнка,—не больше 150—200 ἐπῶν, т. е. строкъ), πρεσβευτικοί (взывавшихъ къ φιλανθρωπία и μεγαλοψυχία императора), προσφωνητικοί и ἐπιβατήριοι (привѣтствовавшихъ правителя провинціи при вступленіи его въ должность или при посѣщеніи имъ города), προπεμπτικοί (произносившихся при оставленіи правителемъ поста), κλητικοί (приглашавшихъ правителя почтить своимъ присутствіемъ πανήγυρις или своимъ посѣщеніемъ городъ). Прекрасное въ своемъ родѣ руководство [Менандра] развивало не новыя, а уже давно сложившіяся правила. Какъ-бы по [Менандру] составлены были, напр., не только рѣчи Діона Хрисостома (I) и Аристида (IX), не только панегирикъ Августу Цезарю въ Энеидѣ, VI, 791 sqq. (ср. Norden *Rh. Mus.* LIV 466 ff.), но уже ἐγκώμιον къ Евагору Исократа и

способнымъ выдержать эти превратности политическихъ судебъ. Плутархъ, правда, предостерегалъ еллиновъ отъ той сносящей головы сѣкиры, о которой говорилось въ стихѣ какой-то греческой трагедіи, и которая украшала собою и fasces римскаго намѣстника[1]); но конечно въ мирное, спокойное время чрезвычайно-рѣдки были случаи военно-административной расправы; зато «домашнее» римское судопроизводство не осталось и безъ—косвеннаго по крайней мѣрѣ—вліянія и на даль-

---

вѣроятно ἐγκώμιον εἰς Ἱππόλοχον (Arist. rhet. 1368 a), а также тѣ ἐγκώμια къ тиранну или царю, о которыхъ упоминаетъ Платонъ Theaet. 174 D sqq. (ср. *Rohde*, Kl. Schr. I 256 ff.); въ концѣ концовъ οἱ ἀνδρὸς ἀρετὴν διὰ λόγων ἐγκωμιάζοντες восходили (ср. Isocr. Euag. 8 sqq.) къ οἱ ἐν ταῖς ᾠδαῖς καὶ τοῖς μέτροις ἐγκωμιάζοντες (какъ Пиндаръ), а эти ᾠδαί, въ свою очередь, сближались съ гимнами въ честь боговъ и героевъ; недаромъ и [Менандръ] совѣтуетъ произносящему βασιλικόν высказывать сожалѣніе объ отсутствіи у него краснорѣчія Гомера, Орфея или даже Музъ; ὥσπερ το κρεῖττον—говоритъ онъ—ὕμνοις καὶ ἀρεταῖς ἱλασκόμεθα, οὕτω καὶ βασιλέα λόγοις.—Посольства къ императору, при пріемѣ которыхъ (иногда аудіенція давалась имъ въ сенатѣ,—какъ, впрочемъ, и сенатомъ) произносились λογοι βασιλικοί, посылались еллинскими-еллинизованными государствами вообще, повидимому, часто, но сравнительно-рѣдко по какому-нибудь опредѣленному дѣлу, а обыкновенно или съ поздравленіями—особенно по поводу принятія императоромъ власти, съ сообщеніемъ о постановленныхъ ему почестяхъ, для поднесенія золотого вѣнка и разныхъ даровъ, для выраженія соболѣзнованія, для принесенія благодарности, съ привѣтствіемъ по случаю вступленія его на сосѣднюю или болѣе или менѣе близкую территорію, для доведенія до его свѣдѣнія о томъ, что граждане πολεως или сограждане τοῦ κοινοῦ остались довольны службой у нихъ проконсула или прокуратора или пожертвованіями и услугами какого-либо мѣстнаго дѣятеля, желавшаго стать σεβαστόγνωστος, и т. п. (ср. *И. Г. Турцевичъ*, Обращенія къ императору въ первые три вѣка р. имп., *Изв. Ист.-Ф. Инст. Кн. Безб.*, т. XVIII и XIX). Данныя наши объ этихъ посольствахъ къ императорамъ имѣютъ очень значительное сходство съ—столь многочисленными (преимущественно епиграфическими)—данными о посольствахъ къ царямъ еллинистической эпохи (ср., напр., надписи приведенныя у Ditt.[2] 168 sqq.); между прочимъ,—какъ императорамъ, такъ и царямъ часто вручаются послами ψηφίσματα τειμητικά, которыя становятся все цвѣтистѣе, т. е. все приближаются къ λόγοι (βασιλικοί).—О рѣчахъ къ проконсулу говоритъ Ульпіанъ (de officio proconsulis, Dig. I, 16, 7), что проконсулъ pati debet commendari sibi civitatem laudesque suas non gravate audire, cum honori suo provinciales id vindicent; изъ надписей (напр., Ditt.[2] 186. 193. 220. 221) можно видѣть, что и въ еллинистическую эпоху греческія государства считали за честь возглашать laudes разнымъ поставленнымъ ὑπὸ τοῦ βασιλέως стратегамъ.

[1]) Plut. praec. r. p. ger., 17; цитуемый здѣсь стихъ трагедіи (fr. tr. ad. 340 N.) гласилъ: δεινὸς κολαστὴς πέλεκυς αὐχένος τομεύς.—[Менандръ], π. ἐπιδ., 71 B., рекомендовалъ проводить въ епилогѣ привѣтственной рѣчи правителю провинціи м. пр. такую мысль: ἀναθῶμεν τοῦτο το ξίφος μὴ Ἄρει μηδὲ Δείμῳ μηδὲ Φόβῳ, ἀλλὰ Δίκῃ καὶ Θέμιδι καὶ Ἀθηνᾷ ἀνάθημα καθαρὸν φόνων....

нѣйшую разработку судопроизводства у эллиновъ[1]), а все осложнявшіяся жизненныя условія и людскія отношенія также содѣйствовали не уменьшенію, а увеличенію судебныхъ дѣлъ, а стало-быть и судебныхъ рѣчей[2]). При столь сравнительно благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ судебное краснорѣчіе могло бы даже, казалось, возвышаться на счетъ падавшаго краснорѣчія политическаго.

Но и на счетъ политическаго, и на счетъ судебнаго краснорѣчія возвысился другой родъ краснорѣчія—тотъ родъ краснорѣчія, который, въ отличіе отъ политическаго и судебнаго краснорѣчія, отъ γένος συμβουλευτικόν (или πολιτικόν) и γένος δικανικόν, назывался обыкновенно у еллинскихъ теоретиковъ риторики γένος ἐπιδεικτικόν[3]),—отъ словъ:

---

[1]) Границы, въ какихъ подлежалъ-бы разсмотрѣнію вопросъ о римскихъ вліяніяхъ на греческое судопроизводство, устанавливаются у *Mitteis*, Reichsrecht u. Volksrecht in d. östl. Prov. d. röm. Kaiserreichs, 81 ff.; ср. *Gilson*, L' Étude du droit romain, 174 ss.—Не безъ римскихъ вліяній (ср. Strab. 539) опредѣлилась (особенно въ Азіи)—отчасти на почвѣ древней „эксегетики" (ср. ἐξηγητὴς τῶν Λυκουργείων CIG 1364, νομοδεῖκται Ditt[2]. 653, 114, νομοφύλακες) и случайной ἐμπειρία νομική (Philod. de vit. X 18; ср. Alex. fr. 39 K.) профессія νομικοί (обыкновенно вмѣстѣ и ῥήτορες); ср. CIG 2787 sq. 3504 (ῥήτορα καὶ νομικόν). J. of. Hell. St. XI 249 (ἐπῶν καὶ ἰαμβῶν ποιητὴν καὶ λόγων ἐγκωμιαστικῶν συγγραφέα, νομικὸν ἐν τοῖς ἀρίστοις). BCH XXIV 373 (iurisprudens—νομικός). Arch.-ep. M. a. Ö. XI 32 (νομικὸς τὴν ἐπιστήμην).—Различіе между греческимъ и римскимъ процессомъ, что касается преній сторонъ, рисуется въ разсказѣ Либанія, v. soph. 483 B., о разборѣ проконсуломъ, въ 311 г., дѣла о побоищѣ между двумя школами софистовъ. Стороны, по греческому обычаю (ср. *Schoemann-Lipsius*, Att. Proz. 920 f.), распредѣлили свои рѣчи такъ, что одну рѣчь долженъ былъ держать ученикъ, другую учитель: когда ученикъ произнесъ рѣчь, и учитель хотѣлъ начать свою, то проконсулъ перебилъ его словами: 'Αλλ' οὐ τοῦτο γε 'Ρωμαῖοι δοκιμάζουσιν, ἀλλ' ὁ τὴν πρώτην εἰπὼν κατηγορίαν κινδυνευέτω καὶ περὶ τῆς δευτέρας; когда же и другой учитель просилъ у проконсула слова, тотъ воскликнулъ: 'Αλλ' οὐδεὶς ὑμῶν γ' ἐρεῖ τῶν ἐσκεμμένων διδασκάλων οὐδὲ κροτήσει τις τῶν μαθητῶν τὸν λέγοντα, ἀλλ' εἴσεσθέ γε αὐτίκα ἡλίκον ἐστὶ καὶ οἷον τὸ παρὰ 'Ρωμαίοις δίκαιον.

[2]) Еще во II—III ст. по Р. Х. самые видные софисты выступали и въ качествѣ судебныхъ ораторовъ. Philostr. v. s. I 21, 4 (τὸν Σμυρναῖον Νικήτην, μελετήσαντα μὲν ἐπιφανῶς, πολλῷ δὲ μεῖζον ἐν δικαστηρίοις πνεύσαντα); I 21, 10. 22, 6. 25, 3, и пр.; ср. I 23, 4: δικανικοῦ μὲν σοφιστικώτερος σοφιστοῦ δὲ δικανικώτερος. Софиста Геліодора, явившагося къ императору посломъ, императоръ назначилъ адвокатомъ фиска, ὡς ἐπιτηδειότερον δικαστηρίοις καὶ δίκαις, Philostr. II 32. Знаменитаго софиста Лолліана совѣтъ и народъ аѳинскій почтилъ (статуей), какъ ἀμφότερον ῥητῆρα δικῶν μελέτησί τε ἄριστον, CIA III 625.—Само собою разумѣется, что всегда оставались въ силѣ и извѣстныя слова Горація (epist. II 3, 368 sqq.) объ actor causarum mediocris.

[3]) Это—пользовавшееся наибольшимъ успѣхомъ у античныхъ теоретиковъ риторики—дѣленіе краснорѣчія на γένη ведетъ свое начало только отъ Аристотеля (rhet. I 3, 1358 a sq.; ср. Cic. de inv. I 7). Въ платоновомъ Софистѣ 222 C πιθανουργική

ἐπιδείκνυσθαι, ἐπίδειξις[1]), которыми обозначалось выступленіе предъ публикой какого-либо исполнителя—и пѣвца, и актера, и музыканта, и скомороха, но также и оратора, или лектора, особенно-же «софи-

---

τέχνη распадается на δικανικὴ καὶ δημηγορικὴ καὶ προσομιλιτική. Исократъ говоритъ лишь о теоретическомъ выдѣленіи изъ всѣхъ рѣчей—рѣчей судебныхъ (XIII 19: τοὺς δικανικοὺς λόγους ἢ τοὺς ἄλλους ἅπαντας). Анаксименъ въ своихъ τέχναι ῥητορικαί (о немъ и о нихъ ср. Brzoska у *Pauly-Wissowa*, I 2086 ff.) устанавливаетъ (1, 1) лишь δύο γένη τῶν πολιτικῶν λόγων, τὸ μὲν δημηγορικόν, τὸ δὲ δικανικόν, но между εἴδη τούτων ἑπτά у него называются не только προτρεπτικόν, ἀποτρεπτικόν, κατηγορικόν, ἀπολογητικόν, но и ἐγκωμιαστικόν, ψεκτικόν и еще ἐξεταστικόν, причемъ однако эти послѣднія εἴδη, примѣняемыя и ἐν ταῖς δημηγορίαις, особенно примѣнимы, по его словамъ (35, 1), οὐκ ἀγῶνος (т. е. ἀγ. πολιτικοῦ, въ томъ числѣ и δικαστηρίου; ср. ἀγών и ἀγωνάρχυ въ значеніи ἀγορά и ἀγορανόμοι у беотійцевъ), ἀλλ' ἐπιδείξεως ἕνεκα. Такъ и у Philod. II 97 Sdh. противопоставляются ἡ ἐπιδεικτικὴ и ἡ ἐπὶ τῶν ἀληθινῶν ἀγώνων (ср. также Arist. rhet. 1413 b sq., гдѣ λέξις ἀγωνιστική, т. е. δημηγορικὴ и δικανική, различается отъ λέξις γραφική, или ἐπιδεικτική, какъ γραφικωτάτη). У Филодема чаще всего представлено дѣленіе краснорѣчія на три μέρη—πολιτικὸν (или συμβουλευτικόν), δικανικόν и πανηγυρικόν (ср. Suppl. 45 sq. Sdh. и pass.) Иногда политическое и судебное краснорѣчіе противопоставлялось епидейктическому роду какъ γένος πρακτικόν (Quint. III 4, 14; ср. Syr. I 2 R.). Въ Προλ. τ. στ. VII 2 W. λόγος (προφορικός) дѣлится на πρακτικός (συμβουλευτικὸς καὶ δικανικός) и θεωρητικός (θέσις,—т. е. διάσκεψις λογικὴ τέλος ἔχουσα τὴν θεωρίαν,—ἐγκώμιον, ψόγος).—Всѣ подобныя подраздѣленія краснорѣчія (другіе сюда относящіеся тексты см. у Volkmann, Rhetorik[2] 19 ff.), какъ и распредѣленія между ними отдѣльныхъ рѣчей были, конечно,—какъ на это указывали и сами античные теоретики (ср. Anaxim. rhet. 35 Arist. rhet. 1358 b. Quint. III 4)—лишь болѣе или менѣе условными.

[1]) Нѣтъ, кажется, препятствій къ тому, чтобы предполагать, что названіе γένος ἐπιδεικτικόν (обыкновенно передававшееся на лат. яз. genus demonstrativum, хотя Квинтиліану, III 4, 13, казалось, что оно имѣетъ non tam demonstrātionis vim, quam ostentationis), иногда замѣнявшееся (конечно на правахъ pars pro toto, ср. Quint. l. c.) названіями ἐγκωμιαστικόν или πανηγυρικόν (отчего, вѣроятно, это послѣднее слово сблизилось по значенію съ первымъ), сводилось не столько уже къ ἐπιδεικνύναι, сколько къ ἐπιδείκνυσθαι, ἐπιδείξεις ποιεῖσθαι. Ср. Philod. II 135 Sdh.: ἐν μὲν ταῖς πανηγύρεσι καὶ ταῖς ἐπιδείξεσιν καὶ τοῖς συγγράμμασιν οὐκ ἄρυθμός ἐστιν, ἐν δὲ τοῖς δικαστηρίοις καὶ ταῖς ἐκκλησίαις οὐδεὶς αὐτῷ προσέχει (ibid. I 32. II 256: ἐν ταῖς πανηγύρεσι καὶ δείξεσι τῶν σοφιστῶν). Быть-можетъ не внѣ связи съ этимъ кругомъ представленій стоитъ и—замѣняющій собою γένος ἐπιδεικτικόν—λόγος θεωρητικός Пролегоменъ W. VII 2, т. е. ἐπισκεπτικὸς πράγματος μετ' αἰτίας (ср. εἶδος ἐξεταστικόν Анаксимена?): Аристотель говоритъ, что каждый изъ устанавливаемыхъ имъ трехъ родовъ краснорѣчія имѣетъ свое τέλος, и именно πρὸς ἀκροατήν; слушатель непремѣнно или θεωρός или κριτής, слушатель эпидейктической рѣчи не столько κριτής (т. е. περὶ τῶν μελλόντων, какъ екклесіастъ, или περὶ τῶν γεγενημένων, какъ дикастъ), сколько θεωρός; спорное въ своемъ чтеніи: ὁ δὲ (περὶ) τῆς δυνάμεως (ὁ) θεωρός можетъ-быть разъясняется филодемовымъ [ἔχει προκείμ]ενον ὁ δικανικὸς χαρακτὴρ αὐτὰ τὰ πράγματα ἐμφανίζειν ἀλλ' οὐ δύναμιν ἐπιδείκνυσθαι, II 137 Sdh.; ср. Alex. (ὁ τ. N.) у Sp. *Rh. gr.* III, 1: τὸ δὲ ἐγκωμίων εἶδος οὔτε αὐθέντας ἔχει οὔτε κριτάς, ἀλλὰ μόνον ἀκροατάς, ὅθεν καὶ ἐπιδεικτικὸν τὸ τοιοῦτο καλεῖται. У Сопатра, Prol. Arist. p. 757, такъ опредѣляется этотъ видъ риторики: мѣсто—θέατρον, слуша-

ста[1]), а этимъ словомъ: софистъ, σοφιστής, первоначально обозначались всякіе вообще «искусники», въ томъ числѣ и бродячіе скоморохи[2]);

тель—ἐπαινέτης, цѣль—καλόν. Ср. Thuc. III 38, 4 sqq.: εἰώθατε θεαταὶ μὲν τῶν λόγων γίγνεσθαι, ἀκροαταὶ δὲ τῶν ἔργων... σοφιστῶν θεαταῖς ἐοικότες.—Мимоходомъ замѣтимъ, что наряду съ именемъ Ἐπίδειξις (Ditt.² 530. CIA II 609 c; Keil въ изданномъ имъ Anonymus Argentinensis, l. 13, читаетъ: [ὄνομα ἦν Φαίακο]ς ῥήτορος τριήρει Ἐπίδε[ιξις], ср. S. 45 ff.) встрѣчается какъ имя тріеры и Θέαμα (Ἐφ. ἀρχ 1901, 81).—Не безынтересны попытки древнихъ ученыхъ (ср. Poll. IX 11. 36. Et. M. 311, 26. Hermog. prog. I 35 W.) объяснить терминъ ἐγκώμιον или изъ κῶμα, или изъ κῶμαι—ἄμφοδα, ἀγυιαί (ср. τὰς τῶν κυρίων θεῶν κωμασίας καὶ πανηγύρεις надписей и папирусовъ: *Herm.* XX 468 ff. *Philol.* LIII 91).

[1]) Такъ у Θеофраста, Char. V 10 (см. выше, стр. 6, прим. 3).—Ἐπεδείξαντο τῷ θεῷ, Ditt². 692. BCH XIV 396 (Ditt². 663: ἐπιδείξεις ἐποιήσαντο τῷ θεῷ διὰ τᾶς μουσικᾶς τέχνας).—Οἱ ἐπιδεικνύμενοι [Xenoph.] Hier. I 13.—Ср. Plat. Resp. 493 D: ἐπιδεικνύμενος ἢ ποίησιν ἤ τινα ἄλλην δημιουργίαν ἢ πόλει διακονίαν.—Ἐπιδείκνυσθαι ποιήματα (Plat. Resp. 398 A), λόγους (Plat. Conv. 194 B). Ср. Mich 66: ἐπεδείξατο μετὰ κιθάρας τὰ Τιμοθέου.

[2]) „Софисты", какъ общеизвѣстный типъ представителей и учителей мудрости и краснорѣчія, вырисовываются предъ нами въ діалогахъ Платона (одинъ изъ коихъ носитъ даже заглавіе Σοφιστής, какъ и Аристотель писалъ περὶ σοφιστικῶν ἐλέγχων), вырисовываются однако лишь на почвѣ борьбы съ ними и противопоставленія ихъ истиннымъ σοφοί, т. е. φιλόσοφοι. И послѣ не разъ заявляло себя это противопоставленіе (о чемъ намъ придется упомянуть ниже), и однако имя σοφιστής продолжало не только сближаться, или даже отожествляться съ σοφός или съ φιλόσοφος, но и разсматриваться какъ σεμνότατον καὶ πάντιμον ὄνομα (Luc. rhet. pr. 1), особенно въ эпоху такъ называемой (и обыкновенно слишкомъ уже рѣзко изолируемой отъ предшествующаго развитія краснорѣчія), „второй софистики". (Ср. *Zeller*, Philos. d. Gr. II⁵ 1074²; Radermacher, *Rh. M.* LII 17 ff. *Arnim*, Dio v. Pr., 4 ff. 132 ff.). Названіе σοφισταί опредѣлилось быть-можетъ даже раньше, нежели σοφοί, не говоря уже о φιλόσοφοι. Оно обозначало собою, повидимому, людей искусныхъ, ловкихъ (виртуозовъ) въ сферѣ—возможно-широко понимаемой, отожествляемой съ σόφισμα—σοφίας (ср. надпись VI в., принадлежащую, вѣроятно, самому врачу, а не его паціентамъ: μνεμα τόδ' Αἰνέο σοφίας ἰατρο ἀρίστο, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XII 2), ср. χειρόσοφοι, σοφοτεχνήιες ἄνδρες (Kaib. *Ep. gr.* 841, 3; σοφιστῶν ἐπικαλουμένων μηχαναί Plat. Leg. 908 D). Софистами оказывались и спеціалисты τῆς γυμναστικῆς (ср. Pind. Ol. XIII 20), также μάγειροι (правда, у комиковъ —ср. Athen. 379 a sqq.,—но комизмъ въ данномъ случаѣ имѣлъ свои предѣлы и свои реальныя основанія—въ томъ, что μάγειροι, такъ часто упоминаемые въ надписяхъ сакральнаго характера, „имѣли δημιουργικὰς τιμάς", Athen. 660 a sqq. 170 d sqq.; ср. Herod. VI 60), врачи, ваятели (ср. Pind. Ol. XIII 21 sq.), прежде же всего спеціалисты τῆς μουσικῆς, т. е. поэзіи и музыки, и притомъ не столько, повидимому, въ качествѣ творцовъ, сколько въ качествѣ исполнителей (можетъ-быть отчасти этотъ смыслъ имѣютъ и слова рѣчи Алкидаманта, 2,-ср. 12,-о неискусныхъ, подобно τοῖς ἰδιώταις въ говореніи рѣчей, занимающихся писаніемъ сочиненій въ формѣ рѣчей софистахъ,—что было бы правильнѣе называть ихъ не σοφισταί, а ποιηταί); ср. Pind. Ol. XIII 19 sqq. Isthm. V [IV] 26 sqq., также σοφιστῶν σμῆνος въ Αὐλῳδοί Іофонта (fr. 1) и въ Ἀρχίλοχοι Кратина (fr. 2), особенно же Athen. 632 b, гдѣ говорится, что древняя σοφία еллиновъ была τῇ μουσικῇ μάλιστα δεδομένη, почему изъ боговъ Аполлона, изъ

поэтому-то софистъ Протагоръ въ діалогѣ Платона «утверждаетъ, что софистика -искусство очень древнее, только раньше посвящавшіе ей себя прикрывались—или поэзіей, какъ Гомеръ, Гесіодъ или Симонидъ, или мистическими дѣйствами и вѣщаніями (χρησμῳδίαι), какъ Орфей и Мусей съ ихъ послѣдователями, а иные искусствомъ гимнастическимъ или мусическимъ,—все это были плащи, прикрывавшіе собою одно искусство,—софистику»[1]). Эти плащи и отбросили въ сторону Протагоръ и современные ему «софисты»: они гордятся тѣмъ, что они софисты; они и являются—практическими и теоретическими—представителями эпидейктическаго краснорѣчія.

Если еллинское политическое и судебное краснорѣчіе развилось изъ гомеровской или гесіодовской ἀγορητύς, то краснорѣчіе эпидейктическое развилось изъ той пѣсни, какую гомеровскіе или гесіодовскіе пѣвцы (ἀοιδοί) поютъ—иногда на агорѣ[2]), обыкновенно-же за царскимъ

полубоговъ Орфея (ср. [Eur.] Rhes. 924) считали за μουσικώτατον καὶ σοφώτατον, и всѣхъ примѣнявшихъ эту τέχνη звали софистами, какъ и Эсхилъ говоритъ: εἴτ' οὖν σοφιστὴς καλὰ παραπαίων χέλυν (fr. 314 N.). Тотъ же Аѳиней 621 f сообщаетъ, что скомороховъ звали въ разныхъ мѣстахъ различно, чаще же всего σοφισταί (ср. Tiele, *N. Jahrbb. f. d. kl. Alt.* IX 410 ff.). Нерѣдко и потомъ софистъ оказывался въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ γόης, или съ μιμητής, также съ φαρμακεύς (Plat. Conv. 203 D. Polit. 291 C. 303 C. Dem. XVIII 276; ср. Plat. Leg. 908 D), какъ и вообще дѣятельность софистовъ (то въ похвалу, то въ порицаніе) любили характеризовать, какъ τὸ κηλεῖν, θέλγειν τοὺς ἀνθρώπους (такъ говорится у Платона Phaedr. 267 C sq. о Ѳрасимахѣ, а Филостратъ, ep. 73, 1, пишетъ, что древніе софисты, какъ Орфей и Θάμυρος—ср. Il. II 596,—θέλγοντες обходили малые и большіе города). Еще Аристофанъ, Nub. 331 sqq., различаетъ среди софистовъ Θουριομάντεις, ἰατροτέχνας, σφραγιδονυχαργοκομήτας (можетъ-быть представителей вырождавшейся въ κομμωτικήν—ср. Plat. Gorg. 465 B—гимнастики?), κυκλίων τε χορῶν ᾀσματοκάμπτας, ἄνδρας μετεωροφένακας (ср. 360: μετεωροσοφισταί, т. е. и Сократъ, какъ и Продикъ). Вообще „софисты“ выступаютъ какъ бы на смѣну гомеровскимъ δημιοεργοί (Od. XVII 382 sqq.; ср. Plat. Resp. 397 E sq.); оттого-то у Ксенофонта, Conv. I 5, Сократъ противопоставляетъ Каллію,—переплатившему за σοφία много денегъ (Протагору и Горгію и Продику и многимъ другимъ),—себя и своихъ, какъ αὐτουργούς τινας τῆς φιλοσοφίας. И если Платонъ такъ настойчиво порицалъ современныхъ ему софистовъ за то, что они были ἔμποροι ἢ κάπηλοι τῶν ἀγωγίμων, то и въ этомъ они примыкали къ древнимъ „софистамъ“, или къ деміоергамъ.—Вѣроятно, не внѣ всякаго отношенія къ σοφισταί, какъ названію скомороховъ (также хора сатировъ у Іофонта), стояло и обычное потомъ названіе актеровъ—τεχνῖται.

[1]) Plat. Prot. 316 D sq.—Въ число софистовъ, прикрывавшихся мусикіей, у Плутарха (Per. 4) помѣщается и игравшій видную роль въ исторіи краснорѣчія и въ исторіи „демагогіи“, какъ наставникъ Перикла, Дамонъ (сообщенія о немъ Платона и др. указаны у *Busolt* Gr. G. III, 1, 247 ff., и *Kirchner*, Prosop. Att. I 206 f).

[2]) Ср. Od. VIII 254 sqq.

пированьемъ-почестнымъ-столомъ. Это—пѣвцы уже выдѣлившіеся въ особое состояніе, или сословіе, наряду съ другими носителями тогдашней духовной культуры, какъ вѣщатели или врачи или строители[1]). Сначала подъ музыку или съ музыкой, потомъ безъ музыки эти пѣвцы сначала поютъ, потомъ сказываютъ свои пѣсни, свои словеса, свои ἔπη—о томъ, что̀ было. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это пѣсни о томъ, что̀ есть, и что будетъ[2]). Когда мыслили еще не понятіями, а только образами, когда и абстрактное могли мыслить только конкретно, когда μῦθος—миѳъ, конкретный разсказъ,—служилъ единственно-доступной формой и мышленія, и его словеснаго выраженія,—тогда эпическая пѣсня если не обнимала, то представляла собою почти всю философію или науку, всю мудрость, всѣ знанія[3]). Конечно, у еллиновъ раздавались не однѣ эпическія пѣсни: поютъ они и за работой, за дѣломъ, и отъ бездѣлья, и до̀ма, и въ полѣ, и въ лагерѣ, поютъ на свадьбахъ или похоронахъ,

---

[1]) Ср. Od. XVII 382 sqq., гдѣ вѣщатель, врачъ, τέκτων δούρων, пѣвецъ мыслятся странствующими и называются деміоергами; къ числу деміоерговъ относятся, XIX 135, и κήρυκες и, конечно, χαλκεῖς или κεραμεῖς, которые у Гесіода называются рядомъ съ τέκτονες и съ пѣвцами (op. 25 sq.), какъ и κιθαρισταί (theog. 95), а также—не упоминаемые у Гомера—μάγειροι (аѳинскіе βουτύποι, аргосскіе bomagiri, у Varr. r. r. II 5, 4; ср. выше стр. 42, прим. 2); сюда же относятся и δημιοεργοί Геродота (IV 194. VII 31),—очевидно смѣшавшаго занимавшихся, по Гекатею (Steph. B. Ζυγαντίς), пчеловодствомъ съ тѣми δημιουργοί-μάγειροι, свидѣтельства о коихъ собраны у Аѳинея 172 a sqq.,—а также упоминаемые Геродотомъ (VI 60) κήρυκες, αὐληταί и μάγειροι лакедемонянъ. Эти „деміурги" очень часто отмѣчаются въ надписяхъ, или какъ получающіе извѣстныя части жертвъ (ср. Ditt.[2] 616: ἰατροῖς—αὐλητᾷ—χαλκέων καὶ κεραμέων ἑκατέροις. 938: ἀοιδοῖς), или какъ члены жреческихъ и вообще сакральныхъ коллегій (ср., напр., Inschr. v. Olymp. 58 ff. IGS. III 486 sq. GDI III 4440 ff.).—Ср. также характерное видоизмѣненіе гомеровскихъ (Od. XVII, 384 sqq.) четырехъ группъ деміоерговъ у Солона, 13, 49 sqq. (гдѣ м. пр. одареннымъ отъ Музъ приписывается знаніе σοφίης μέτρου).—О судьбѣ сословія пѣвцовъ, какъ она отразилась въ гомеровскихъ поэмахъ, см. Fries, *Rh. M.* LVII 265 ff.., гдѣ впрочемъ (какъ и въ *Beitr. z. alt. G.* III 372 ff.) преувеличиваются восточныя вліянія, тогда какъ гораздо поучительнѣе невосточныя (въ томъ числѣ русскія) параллели (ср., напр., *Веселовскій*, Три главы, 137 сл.).

[2]) Τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα, Hes. theog. 32. 38. Въ Иліадѣ такимъ всевѣдѣніемъ обладаетъ не пѣвецъ, а вѣщатель (Калхантъ), I 70.

[3]) Ср. Plat. Tim. 29 D. 40 D. Crit. 107 A sqq. Resp. 376 E sqq. Polit. 271 A sqq. Phaedr. 274 C sqq. Phileb 16 C.—*Wilamowitz* Euripides Herakles I[2] 96 ff. *K. O. Müller*, Proleg. zu e. wissensch. Mythologie, 111 ff. *Grote*, History of Greece, I, ch. XVI sq. *Burckhardt*, Gr. Kulturg. I[2] 15 ff II 19 ff. III 303 ff. *Bender*, Mythologie u. Metaphysik, I 19 ff. *Rohde*, Gr. R.[2] 12 ff. Psyche I[2] 38 f. II 222 f. *Hirzel*, D. Dialog, I 260 ff.—Ср. *Dilthey*, Einl. in d. Geistesw. I 167 ff.

поютъ при богослуженіяхъ и на пирахъ и праздникахъ[1]),—поютъ или причитываютъ, сказываютъ; и всѣ ихъ пѣсни и сказы приносятъ имъ и удовольствіе, и пользу, или поученіе: какъ никакой другой народъ, умѣютъ они всегда соединять пріятное съ полезнымъ. Но изъ всѣхъ этихъ пѣсенъ и сказовъ именно тѣмъ и выдѣляются эпическія пѣсни, что ихъ полезность, поучительность рѣшительно перевѣшиваетъ собою доставляемое ими удовольствіе: оттого-то онѣ сравнительно-легко порываютъ съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ и потомъ уже не поются, а сказываются, или рецитируются; оттого-то сохраненіе, разработка, исполненіе главнымъ-образомъ этихъ пѣсней становится предметомъ спеціализаціи, и оттого-то на нихъ главнымъ-образомъ спеціализуются странствующіе пѣвцы. Эти пѣвцы творятъ и новыя пѣсни, но продолжаютъ творить и старыя, т. е. переработывать и разработывать ихъ и въ ихъ формѣ, и въ ихъ содержаніи[2]). Надъ этой толпой пѣвцовъ-поэтовъ (φῦλον ἀοιδῶν), «какъ орлы надъ воронами», возвышаются отдѣльные пѣвцы-поэты, особливые избранники бога или музъ, создатели пѣсней, «слава которыхъ достигала широкаго неба»[3]): они уже не «нисходятъ въ преисподнюю (ἐς εὐρώεντα δόμον κρυεροῦ Ἀΐδαο) безъ имени, νώνυμνοι»,—они становятся даже національными героями, о нихъ, о ихъ состязаніяхъ между собою, если не съ Аполлономъ или Музами, складываются легенды[4]), распространяемыя потомъ—тѣми изъ пѣвцовъ, или сказителей, которые переходятъ уже на положеніе лишь вѣрныхъ исполнителей этихъ всѣми славимыхъ пѣсней,—которымъ вдохновенія—какъ платоновскому Іону—хватаетъ лишь на то, чтобы съ чувствомъ и толкомъ передать чужія пѣсни, да и то не всякія, потому что эти «рапсоды» спеціализуются—по большей части на Гомерѣ,—не желая знать ничего внѣ своей спеціальности[5]), такъ что эта ограниченность, или просто «глупость» рапсодовъ обращается даже

---

[1]) Ср. *Christ*, Gesch. d. gr. Litt.[3] 142 ff.; *Bücher*, Arbeit u. Rhythmus[3], 39 f. 49 f. 58, 75. 87. 95. 202 ff. 308 ff. 357 ff.

[2]) Ср. Od. I 351 sq.: τὴν γὰρ ἀοιδὴν μᾶλλον ἐπικλείουσ' ἄνθρωποι, ἥ τις ἀκουόντεσσι νεωτάτη ἀμφιπέληται.—*Cauer*, Grundfragen d. Homerkritik, 174 ff. *Pöhlmann*, Aus Altertum u. Gegenwart, 56 ff.

[3]) Ср. Od. VIII 62 sqq. 479 sqq. XXII 345 sqq. (αὐτοδίδακτος δ' εἰμί, θεὸς δέ μοι ἐν φρεσὶν οἴμας παντοίας ἐνέφυσεν).

[4]) Crusius, *Philologus*, LIV, 712 ff.

[5]) Plat. Ion 531 A sqq.

въ пословицу[1]). Только немногіе изъ рапсодовъ умѣютъ еще присоединить къ передаваемой ими пѣснѣ разсказъ о поэтѣ и толкованіе поэмы, введеніе и комментарій[2]),—являясь въ этомъ отношеніи—чрезъ посредство античныхъ «критиковъ» или «грамматиковъ»—прототипомъ современныхъ профессоровъ классической филологіи.

Долго еще держится эпосъ, долго еще исполняется онъ рапсодами на многихъ общенародныхъ празднествахъ[3]), служа также предметомъ или средствомъ обученія въ школахъ[4]). Но онъ держится потомъ больше уже по традиціи, по привычкѣ, перестаетъ развиваться, перестаетъ жить полной жизнью,—потому что перестаетъ удовлетворять умственнымъ

[1]) Одинъ изъ собесѣдниковъ ксенофонтова Συμπόσιον'а (III 6) на вопросъ другого: „знаешь-ли ты племя (ἔθνος) глупѣе рапсодовъ?“ отвѣчаетъ категорическимъ „нѣтъ“. Ср. Memor. IV 2, 10: τοὺς γάρ τοι ῥαψῳδοὺς οἶδα τὰ μὲν ἔπη ἀκριβοῦντας, αὐτοὺς δὲ πάνυ ἠλιθίους ὄντας. Ту же ходячую мысль заключали въ себѣ, конечно, и слова Анаксарха о μωρίῃ пѣвцовъ, не совсѣмъ точно переданныя у Clem. Al. Str. I 337 P. и Stob. Il. 34, 19.

[2]) Ср. Crusius, *Philol.*, LIV, 713 ff. E. Meyer, *Hermes* XXVII 377 ff. *E. Meyer*, Forsch. z. ält. gr. G. II 236.—Что ὁμηρικοί съ ихъ ὁμηρικὰ ζητήματα, рано ставшіе предметомъ насмѣшекъ за свое педантство (ср. Aristot. Metaph. 1093 a: ὅμοιοι δὴ καὶ οὗτοι τοῖς ἀρχαίοις Ὁμηρικοῖς, οἳ μικρὰς ὁμοιότητας ὁρῶσι, μεγάλας δὲ παρορῶσιν), примкнули къ рапсодамъ, яснѣе всего видно изъ словъ Исократа, XII, 18: ἀπαντήσαντες γάρ τινές μοι τῶν ἐπιτηδείων ἔλεγον, ὡς ἐν τῷ Λυκείῳ συγκαθεζόμενοι τρεῖς ἢ τετταρες τῶν ἀγελαίων σοφιστῶν, τῶν καὶ πάντα φασκόντων εἰδέναι καὶ ταχέως πανταχοῦ γιγνομένων, διαλέγοιντο περί τε τῶν ἄλλων ποιητῶν καὶ τῆς Ἡσιόδου καὶ τῆς Ὁμήρου ποιήσεως, οὐδὲν μὲν παρ' αὐτῶν λέγοντες, τὰ δ' ἐκείνων ῥαψῳδοῦντες καὶ τῶν πρότερον ἄλλοις τισὶν εἰρημένων τὰ χαριέστατα μνημονεύοντες. Ср. Xenoph. Conv. III. 5 sq. IV 6 sq.

[3]) Ср. Herod. V 67. Plut. Ion 530 A sq. Lyc. 102. Athen. 275 b. 538 e. 620 b. sqq. [Plut.] de mus. 6. CIGS I 414 sqq. 3195 sq. GDI 2563 sqq. Mich. 890 ss. Гераклитъ игралъ, конечно, словомъ ῥαψῳδός, когда говорилъ (fr. 42 D.), что Гомера слѣдовало-бы ἐκ τῶν ἀγώνων ἐκβάλλεσθαι καὶ ῥαπίζεσθαι. Ῥαψῳδία не на всѣхъ, однако, празднествахъ, гдѣ она исполнялась, была предметомъ состязаній: ср., напр., Ditt[2]. 522.

[4]) Эпосъ, прежде всего, конечно, гомеровскій (ср. Xenophan. fr. 10 D.: ἐξ ἀρχῆς καθ' Ὅμηρον ἐπεὶ μεμαθήκασι πάντες), или отрывки изъ него, вмѣстѣ съ гимнами, служилъ обыкновенно и для обученія грамотѣ, пониманію прочитаннаго, выразительному чтенію, также для цѣлей мусическаго и филологическаго образованія и дабы τὰς τῶν νεωτέρων ψυχὰς πρὸς ἀνδρείαν ἐγείρειν καὶ παροξύνειν φαντασίας. Среди наставниковъ въ школахъ называются, наряду съ ὑποκριταί, и ῥαψῳδοί (Dio Chr. XIII 17 A. Luc. Anach. 21), среди состязательныхъ испытаній—испытанія не только ἀναγνώσεως, но и ῥαψῳδίας (Mich. 913. Ditt.[3] 524). Въ Еретріи гимнасіархъ βουλόμενος τοὺς νέους ὠφελεῖν παρέσχεν ἐκ τοῦ ἰδίου ὁμηρικὸν φιλόλογον, *Am. J. of. Arch.* XI, 188. Въ аристофановыхъ Δαιταλεῖς (fr. 197 K.) интересъ къ гомеровскимъ глоссамъ подается уже въ пользу—болѣе практичнаго—интереса къ устарѣлымъ словамъ въ законахъ Солона.—Ср. Plat. Prot. 325 E sq. Resp. 377 A sqq. Xen. conv. III 5. Isocr. IV 159. Strab. 15. 19 sq. Plut. Philop. 4. Alc. 7. Dio Chr. XI 4. XIII 17 sqq. Luc. Anach. 21.

запросамъ еллиновъ. Перестаетъ-же онъ отвѣчать этимъ запросамъ, когда расшатывается миѳическое мышленіе и міровоззрѣніе, когда старое, традиціонное окончательно оказывается уже не пригоднымъ, когда начинаютъ усиленно искать новаго, когда прежнія формы практической и духовной жизни оказываются тѣсными и не достаточно гибкими и пестрыми для ея—все расширяющагося и все осложняющагося—содержанія. Въ этомъ напряженномъ исканіи новыхъ формъ и новыхъ путей, одни бросаются въ водоворотъ жизненныхъ утѣхъ и наслажденій, другіе предаются мрачному отчаянію, ожидая лишь смерти, какъ избавленія отъ земныхъ золъ; тогда-то такъ распространяются мистическіе и вакхическіе культы съ ихъ—нерѣдко изступленными—мистеріями или оргіями; тогда ходятъ по Елладѣ пророки съ ихъ предвѣщаніями, заклинаніями и чудесами[1]). Когда миновалъ этотъ кризисъ, улеглось возбужденіе, когда Еллада приняла боевое крещеніе и очищеніе, стряхнувъ съ себя нахлынувшихъ на нее, и съ Востока, и съ Запада, варваровъ, когда жизнь опять потекла хоть и быстрымъ, но уже не столь бурнымъ потокомъ, когда началась болѣе спокойная и пристальная пере-

---

[1]) *Rohde*, Psyche, II² 1 ff. *Gruppe*, Gr. Mythol. u. Religionsg. 1016 ff. *Gomperz*, Gr. Denker, I 100 ff. *Maass*, Orpheus, 129 ff.—Эти странствовавшіе тогда „по всей землѣ“ пророки (ἔνθεοι μάντεις, φοιβόλαμπτοι, νυμφόληπτοι, χρησμολόγοι, καθαρταί), вѣщатели не только περὶ τῶν ἐσομένων, но и περὶ τῶν γεγονότων μὲν ἀδήλων δέ (Arist. rhet. 1418 a), въ своей дѣятельности сближавшіеся и съ μάντεις (вродѣ гомеровскаго Калханта), и съ поэтами (особенно такими, какъ Терпандръ, Θαλήτας, Алкманъ, ср. *Diels* Sibyll. Blätter, 91; ср. Орфей, Мусэй, Епименидъ, Ономакритъ, Ласъ), и съ врачами (ср. ἰατρομάντεις), и съ философами (особенно съ „софистомъ“—такъ у Геродота, который этимъ именемъ обозначаетъ и проповѣдниковъ-истолкователей культа Діониса,—Пиѳагоромъ, но также и съ Ксенофаномъ), предшественники позднѣйшихъ—обыкновенно уже не странствовавшихъ (какъ Σϑόρις, CIA II 10. 25; IV 2, 35 c), а осѣдлыхъ—μάντεις, χρησμολόγοι (ср. о нихъ *Rh. M.*, LIII 498 ff.) и ἐξηγηταί, являются вмѣстѣ съ тѣмъ—наряду съ рапсодами—предшественниками и софистовъ κατ' ἐξοχήν. Любопытно, что и Эпименидъ—такъ, по крайней мѣрѣ, у Plut., an seni res p. ger. s., 1—съ его полувѣковымъ сномъ, послѣ котораго онъ, ἀγύμναστος и ἄτεχνος, искалъ демагогіи, вовлеченъ былъ въ исторію краснорѣчія, какъ и представлявшіе (трезвостію свой мысли) нѣкоторую противоположность пророкамъ οἱ ἑπτὰ σοφισταί (или σοφοί), которые—какъ говорится въ изданномъ въ *Hermes* XXIX 119 f. Ineditum Vaticanum—искали славы не δεινότητι λόγων, а только ἀποφθέγμασιν, слывшими зато какъ χρησμῶν πιστότερα; по Дикэарху—сообщается дальше—даже и эти краткія изреченія не принадлежали семи мудрецамъ, потому что οἱ πάλαι не философствовали λόγῳ,—σοφία была тогда только ἐπιτήδευσις ἔργων καλῶν, и лишь потомъ появилась λόγων ὀχλικῶν τέχνη (ср. Plat. Hipp. maj. 281 C sqq.).—Много позже, въ эпоху „синкретизма“ и „романтизма“, опять являются подобные этимъ древнимъ пророки (таковъ былъ и Аполлоній изъ Тіаны—по крайней мѣрѣ какъ его рисуетъ Филостратъ).

оцѣнка цѣнностей, переоцѣнка словъ и понятій[1]), тогда оказалось, что живое эпическое творчество уже потеряло всякую способность къ дальнѣйшему естественному развитію[2]), и аристофановскій[3]) возгласъ: μή 'μοί γε μύθους ἀλλὰ τῶν ἀνθρωπίνων (не сказки сказывай небылыя, а говори человѣческія рѣчи о человѣческихъ дѣлахъ!) сталъ звучать теперь все внушительнѣе; иные прибавляли, что миѳы хороши для дѣтей или для необразованныхъ, потому что имъ только нужно преподносить истину подъ покровомъ красивой лжи, красиваго измышленія[4]).

---

[1]) καὶ τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαιώσει—по выраженію Ѳукидида, III, 82, 4.

[2]) Объ этомъ упадкѣ эпоса—когда παραφανείσης τῆς τραγῳδίας поэты ἀντὶ τῶν ἐπῶν τραγῳδοδιδάσκαλοι ἐγένοντο, ибо драматическія σχήματα стали μείζονα καὶ ἐντιμότερα,—Arist. poet. 1449 a; но, конечно эпосъ разрѣшался не только въ драматическую, но и въ диѳирамбическую и вообще въ мелическую поэзію, прежде же всего въ историческую и философскую ритмическую прозу. Авторъ эпической Персеиды к. V в. Χοιρίλος указываетъ на то, что πάντα δέδασται (ἔχουσι δὲ πείρατα τέχναι), и негдѣ уже νεοζυγὲς ἅρμα πελάσσαι (fr. 1 K.); ἀπίτω μοῦσα παλαιά—восклицаетъ Тимоѳей (fr. 21 W.). Дальнѣйшее развитіе эпической поэзіи, разумѣется, подавляли своимъ величіемъ и гомеровскія поэмы. Только въ т. наз. александрійскую эпоху съ ея не то романтическими, не то классицистическими тенденціями опять сочиняются эпосы, но уже чисто-искусственнаго, даже научнаго характера.—Ἐπῶν ποιηταί наряду съ рапсодами упоминаются, въ III и сл. стол., между побѣдителями на нѣкоторыхъ мусическихъ агонахъ (такъ въ беотійскихъ Оропѣ, Ѳеспіяхъ, Орхоменѣ, ср. CIGS I 416 sqq. 1760 sq. 3195 sq. Mich. 891; ср. Ditt.² 693). —Само собою разумѣется, что всегда существовали—позднѣе даже, когда археологія вошла въ моду, увеличиваясь въ своемъ числѣ и прочнѣе организуясь—и мѣстные знатоки старины, разказчики мѣстныхъ, особенно культовыхъ легендъ,—ἐξηγηταί (ср. *Gurlitt*, Ueb. Pausanias, 124 ff.). Любопытный образчикъ офиціальной (жреческой) кодификаціи такихъ легендъ объ ἰάματα Аполлона и Асклапія имѣемъ въ епидаврійскихъ надписяхъ III в. (IGP I 951 sq., ср. Ditt.² 802 sq).

[3]) Aristoph. Vesp. 1179.

[4]) Plat. Resp. 376 E sqq. Strab. 19 sq. Hermog. prog. W. I 1.—Столько-же характерное, сколько ненадежное преданіе (Diog. L. IX 18) разсказываетъ намъ объ одномъ бѣдномъ рапсодѣ, странствовавшемъ въ VI—V в. по Елладѣ; для толпы онъ сказывалъ пѣсни о богахъ, о герояхъ, о предкахъ, но для избранныхъ у него были иныя пѣсни; онъ поучалъ, что мудрость выше силы, что людьми мудрыми государство должно дорожить больше, нежели своими кулачными бойцами, борцами, скороходами, отъ которыхъ не прибудетъ въ государствѣ законности и порядка; онъ поучалъ, что людямъ не дано знать истины, но что они должны неустанно искать ея, стремиться къ ней; но съ особенной силой этотъ рапсодъ—не кто иной, конечно, какъ Ксенофанъ,—возставалъ противъ суевѣрія и противъ тѣхъ—часто безнравственныхъ—образовъ боговъ, какіе измышлены были древними эпическими поэтами, противъ πλάσματα τῶν προτέρων (ср. *Diels*, Die Fragmente d. Vorsokratiker, 38 ff.). Извѣстно, какимъ успѣхомъ пользовался этотъ послѣдній пунктъ ученія Ксенофана,—въ частности у Платона, который не только усвоилъ его себѣ, но и хотѣлъ усвоить его „государству“,—

Утраченную эпосомъ способность къ дальнѣйшему развитію не утратили другіе виды поэзіи—мелосъ и особенно драма. И эта поэзія поучала, конечно, и вѣрную и по отношенію къ ней мысль, что «поэты то же для взрослыхъ, что для дѣтей учитель», комикъ Аристофанъ влагаетъ въ уста трагика Эсхила[1]). Но, все осложняясь въ своемъ развитіи, все дальше уходя отъ эпической простоты и спокойствія, поэзія эта все менѣе оказывалась пригодной для прямого, непосредственнаго поученія, или назиданія. Чтобы смѣнить собою, въ его учительской миссіи, склонявшійся къ упадку эпосъ, и выступило тогда—подерживаемое политическимъ и судебнымъ краснорѣчіемъ—краснорѣчіе эпидейктическое.

Къ концу V вѣка до Р. Х. относится та встрѣча Сократа (разумѣется, въ Аѳинахъ) съ софистомъ Гиппіемъ, которая такими живыми чертами изображена въ платоновскомъ діалогѣ Ἱππίας μείζων[2]). Гиппію не часто доводится бывать въ Аѳинахъ: его родина Элида постоянно обращается къ нему первому, когда ей нужно вести переговоры съ какимъ-либо государствомъ. Гиппію мало той славы, какую—всюду, гдѣ онъ выступаетъ въ качествѣ посла,—создаютъ ему его посольскія рѣчи. Онъ

такъ что и друзьямъ, и врагамъ Платона пришлось разбирать—ὅσα τε ἐγκωμιάζων γέγραφεν τὴν Ὁμήρου ποίησιν καὶ ὅσα ἐπαιτιώμενος ἔφθεγκται (Procl. in Pl. r. p. I 70 Kr.).

[1]) Aristoph. Ran. 1054 sq.: τοῖς μὲν παιδαρίοισιν ἔστιν διδάσκαλος ὅστις φράζει, τοῖς ἡβῶσιν δὲ ποιηταί. Ср. 1008 sqq.—Горгію приписана у Плутарха (de aud. p. 1; de gl. Ath. 5) мысль, что трагедія представляетъ собою ἀπάτην, ἣν ὅ τε ἀπατήσας δικαιότερος τοῦ μὴ ἀπατήσαντος καὶ ὁ ἀπατηθεὶς σοφώτερος τοῦ μὴ ἀπατηθέντος; подобную мысль встрѣчаемъ и въ писанныхъ ок. 400 г. Διαλέξεις (или Δισσοὶ λογοι); но тамъ (дважды) приводится и другая мысль—что τοὶ ποιηταὶ οὐ ποτ' ἀλάθειαν, ἀλλὰ ποτὶ τὰς ἁδονὰς ποιέοντι (p. 583 sq. Diels). Насколько стремится поэзія къ διδασκαλία (хотя-бы μεθ' ἡδονῆς), насколько къ ψυχαγωγία,—объ этомъ много спорили древніе литературные критики; но въ этомъ спорѣ (ср. особенно Strab. 15 sqq.) всегда изолированное мѣсто отводилось „миѳамъ" или эпосу (т. е. прежде всего Гомеру), который какъ бы служилъ посредникомъ между λόγος и ποίημα. Ср. *Kaibel*, D. Proleg. π. κωμωιδιας, 15 ff. (также *v. Scala*, D. Studien d. Polybios, I 63 ff. 128 ff.).

[2]) Plat. Hipp. maj. 281 A sqq.—Для насъ, къ счастью, не имѣетъ въ данномъ случаѣ существеннаго значенія вопросъ о принадлежности этого діалога самому Платону, большинствомъ голосовъ (такъ и *Horneffer*, De Hippia maiore qui fertur Platonis, 1895, и *Bruns*, D. liter. Porträt d. Gr., 346 ff.) рѣшаемый не въ пользу діалога. *Dümmler*, Akademika, 52 ff. 232 ff., стоявшій за принадлежность діалога Платону, тщетно старался доказать, что „подъ маской Гиппія Платонъ осмѣивалъ здѣсь Исократа"; гораздо проще предположить, что въ діалогѣ рисуется типъ софиста (V—IV в.), при чемъ Гиппій взятъ какъ наиболѣе яркій представитель этого типа.—Данныя античной литературы о Гиппіи элейцѣ (ср. *Diels*, D. Fragm. d. Vorsokratiker, 545 ff.) требовали бы критическаго пересмотра болѣе тщательнаго, нежели имѣющіеся теперь (ср. *Apelt*, Beitr. z. Gesch. d. gr. Philos., 367 ff. *Dümmler* l. l. и Kl. Schr. II 182 ff.).

выступаетъ и въ качествѣ публичнаго лектора, поучая и мудрости, и добродѣтели, добывая себѣ не только славу, но и деньги. Онъ можетъ держать рѣчь о чемъ угодно—о доблести и добродѣтели, о законахъ, о свѣтилахъ небесныхъ, о геометріи, объ исчисленіяхъ, о звукахъ и слогахъ, ритмахъ и гармоніяхъ[1]). Когда нужно было угодить слушателямъ такимъ, какъ лакедемоняне[2]), которые едва умѣли даже считать, для которыхъ вся этика заключалась въ ихъ изстари-переданныхъ и бережно-хранимыхъ законахъ, тогда Гиппій принимался изучать миѳическую исторію—о герояхъ и людяхъ сѣдой старины, о томъ, какъ основаны были города и государства, словомъ всю древность[3]): такія чтенія охотнѣе всего слушали лакедемоняне, дивясь тому, что существуютъ знающіе такъ много люди,—слушали съ тѣмъ любопытствомъ, съ какимъ дѣти слушаютъ старушечьи сказки. Они, конечно, не допустили бы, чтобы ихъ «гость» (ξένος) преподносилъ имъ или ихъ дѣтямъ уроки добродѣтели и нравственности отъ своего лица; но когда тѣ же самыя поученія краснорѣчивый гость преподносилъ имъ въ формѣ разсказа о томъ, какъ Несторъ послѣ взятія Трои наставлялъ молодого Неоптолема на путь славы[4]), то такая рѣчь могла расчитывать на успѣхъ и у лаке-

---

[1]) τὰ μαθήματα εἰς ἀρετήν (284 A; ср. 286 A), τὰ περὶ τὰ ἄστρα τε καὶ τὰ οὐράνια πάθη, περὶ γεωμετρίας, περὶ λογισμῶν, περί τε γραμμάτων δυνάμεως καὶ συλλαβῶν καὶ ῥυθμῶν καὶ ἁρμονιῶν (285 C sq.). И въ Hipp. min. 366 C sqq. Гиппій рисуется какъ знатокъ и λογισμῶν καὶ λογιστικῆς, и геометріи, и астрономіи, и ритмовъ, гармоній и γραμμάτων ὀρθότητος, и всѣхъ вообще искусствъ. Πολυμαθής называетъ Сократъ Гиппія у Xenoph. Mem. IV 4, 6.—О полимаѳіи софистовъ вообще ср. Plat. Soph. 232 A sqq.

[2]) Точнѣе—такимъ, какими—не совсѣмъ безъ основаній конечно—слыли и рисовались въ (аѳинской) литературѣ лакедемоняне.

[3]) περὶ τῶν γενῶν τῶν τε ἡρώων καὶ των ἀνθρώπων, καὶ τῶν κατοικίσεων, ὡς τὸ ἀρχαῖον ἐκτίσθησαν αἱ πόλεις, καὶ συλλήβδην πάσης τῆς ἀρχαιολογίας ἥδιστα ἀκροῶνται, ὥστ' ἔγωγε δι' αὐτοὺς ἠνάγκασμαι ἐκμεμαθηκέναι πάντα τὰ τοιαῦτα (285 D sq.).—Любопытно сопоставить съ этой характеристикой содержанія публичныхъ лекцій Гиппія по исторіи заявленіе Исократа, что онъ не намѣренъ сочинять τῶν λόγων τοὺς μυθώδεις οὐδὲ τοὺς τερατείας καὶ ψευδολογίας μεστούς, οἷς οἱ πολλοὶ μᾶλλον χαίρουσιν ἢ τοῖς περὶ τῆς αὐτῶν σωτηρίας λεγομένοις, οὐδὲ τοὺς τὰς παλαιὰς πράξεις καὶ τοὺς πολέμους τοὺς Ἑλληνικοὺς ἐξηγουμένους (XII 1), а также заявленія Ѳукидида, что τὸ μὴ μυθῶδες расчитаннаго не ἐς τὸ παραχρῆμα ἀκούειν его изложенія ἐς ἀκρόασιν покажется, конечно, ἀτερπέστερον (I 22), и—подражающаго Ѳукидиду—Полибія, что его πραγματεία имѣетъ αὐστηρόν τι, не заинтересуетъ πολλούς· τὸν μὲν γὰρ φιλήκοον ὁ γενεαλογικὸς τρόπος ἐπισπᾶται, τὸν δὲ πολυπράγμονα καὶ περιττὸν ὁ περὶ τὰς ἀποικίας καὶ κτίσεις καὶ συγγενείας, καθά που καὶ παρ' Ἐφόρῳ λέγεται (IX 1).

[4]) Близкой по своему характеру къ этой рѣчи Гиппія была рѣчь Продика περὶ τῆς ἀρετῆς, или о томъ, какъ (подобно Париду софокловой Κρίσις) Гераклъ, переходя ἐκ παίδων εἰς ἥβην, дѣлалъ выборъ между Ἀρετή и Κακία, или Εὐδαιμονία (Xenoph. Mem. II 1, 21 sqq. Sch. Ar. nub. 361. Plat. Conv. 177 B; ср. *Wilamowitz* Herakles I² 101 f.);

демонянъ—какъ и у аѳинянъ, способныхъ уже различить въ ней форму и содержаніе, схватить основной ея смыслъ, основную ея идею. Эту рѣчь Гиппій и предполагаетъ повторить и въ Аѳинахъ[1]),—добавивъ къ ней еще много такого, что заслуживаетъ вниманія,—и приглашаетъ на нее Сократа, прося его привести съ собой и другихъ, способныхъ оцѣнить оратора по достоинству.

Предъ нами нѣсколько переходящій, правда, въ шаржъ, но въ общемъ живо очерченный типъ публичнаго оратора или лектора, съ конца V вѣка получающій право гражданства въ культурной жизни еллинскаго міра. Какъ выступали передъ публикой рапсоды съ своими словесами, съ своими ἔπη, такъ выступаютъ теперь, все больше оттѣсняя и вытѣсняя ихъ, и «софисты» съ своими рѣчами, съ своими λόγοι. Отъ рапсодовъ переняли они и заботу о своей внѣшности, быть-можетъ даже свое одѣяніе[2]).

здѣсь представленъ былъ т. о. обычный и вообще эпидейктическому краснорѣчію мотивъ συγκρίσεως (ср. *Hense*, Die Synkrisis in d. ant. Litteratur. 1893).—Заключавшія въ себѣ діалогъ (обыкновенно миѳическихъ лицъ, чаще всего—учителя и ученика) рѣчи встрѣчаются и у представителей т. наз. „второй софистики", особенно у Діона Хрисостома (ср. *Hirzel*, D. Dialog, II 84 ff. 269 ff. *Arnim*, Dio v. Prusa, 160 ff. 251 ff. *Schmid*, Atticismus, I 177 f. IV 346 ff.). Формальной своей стороной подобныя рѣчи примыкали, кажется, не столько къ собственнымъ діалогамъ (какъ діалоги Платона) или драматическимъ ἀγῶνες λόγων, сколько къ миѳическимъ (эпическимъ) разсказамъ и къ мимамъ-такимъ, какъ мимы Софрона (которые, съ другой стороны, не остались безъ воздѣйствія и на литературную форму діалога, ср. *Reich*, Mimus I 356 ff.); мимоходомъ замѣтимъ, что мимы своей этологіей представляли интересъ и для риторики съ ея ἠθοποιία (какъ и Характеры Ѳеофраста быть-можетъ задуманы были какъ „посвященное практикѣ Parergon къ работамъ Ѳеофраста о риторикѣ", Immisch, *Rh. Mus.* LVII 193 ff.); въ свою очередь и мимы интересовались краснорѣчіемъ,—какъ показываетъ ῥητορεύων Βουλίας Софрона и особенно пародія на судебное краснорѣчіе во второмъ миміамбѣ Геронда. Ср. *Reich*, 315 ff.—Ср. *Norden*, A. K. I 129 f.

[1]) Гиппій предполагаетъ произнести свою рѣчь ἐν τῷ Φειδοστράτου διδασκαλείῳ, по приглашенію Евдика с. Апеманта (онъ же выступаетъ и въ Hipp. min. 363 A. 373 A, быть-можетъ также—въ качествѣ политическаго оратора—въ ψήφισμα 410/9 г., Ditt.[2] 50).—Точно также и Продикъ часто воспроизводилъ свою рѣчь о Гераклѣ; по крайней мѣрѣ Сократъ говоритъ у Ксенофонта, Mem. II 1, 21: Πρόδικος ἐν τῷ συγγράμματι τῷ περὶ Ἡρακλέους, ὅπερ δὴ καὶ πλείστοις ἐπιδείκνυται.—Этотъ обычай произносить разъ составленную рѣчь въ нѣсколькихъ городахъ существовалъ и въ эпоху „второй софистики" (ср. *v. Arnim*, Dio v. Pr., 169 ff.).

[2]) О рапсодахъ—Plat. Ion 530 B: τὸ σῶμα κεκοσμῆσθαι ἀεὶ πρέπον ὑμῶν (sc. τῶν ῥαψῳδῶν) εἶναι τῇ τέχνῃ καὶ ὡς καλλίστοις φαίνεσθαι; ср. Nic. Dam. fr. 62 M. (ἁλουργῆ ἀμπεχόμενος) и Eust. ad. Il. 1. О древнихъ софистахъ—Plat. Hipp. min. 368 B sq. (едва ли однако слѣдуетъ—какъ то дѣлаютъ и древніе, и новые ученые, ср. Cic. de or. III 127; *Gompers* Gr. D. I 376 f.,—всецѣло принимать на вѣру показаніе этого діалога, будто Гиппій хвалился однажды, что весь его праздничный нарядъ, въ какомъ онъ

Они обыкновенно такъ же странствуютъ, какъ и рапсоды[1]), и такъ же, какъ и тѣ, стараются попасть въ тотъ или другой городъ, когда тамъ совершается празднество во славу мѣстнаго божества, и стало быть собирается много народу, своего и чужого[2]). «Мудрецы, мудрые и для себя», эти «разносчики мудрости» знаютъ, чѣмъ кому угодить,—чтобы

явился въ Олимпію,—одежда, обувь и украшенія—его собственной работы: здѣсь имѣлась въ виду, вѣроятно, не столько разносторонность этого πλείστας τέχνας πάντων σοφωτάτου ἀνθρώπων,—которою Гиппій можетъ-быть и обладалъ въ такой же мѣрѣ, какъ и остроумно сравниваемый съ нимъ у *Gomperz* l. c. Л. Б. Альберти,—сколько его хвастливость и щеголеватость; ср. Hipp. maj. 281 A. 291 A). О позднихъ софистахъ—Luc. rhet. pr. 15, 16. Philostr. v. s. I 25. II 3. 10. Plut. Anton. 80; обычнымъ ихъ одѣяніемъ былъ τρίβων φοινικοῦς, ср. Olymp. 28 (FHG IV 63); Greg. Naz. or. IV, 117. У Эліана v. h. XII 32 читаемъ, что Емпедоклъ ἁλουργεῖ ἐχρήσατο, а Гиппій и Горгій выступали ἐν πορφυραῖς ἐσθῆσιν; и возможно, что одѣяніе свое (πορφυρίς носили, впрочемъ тогда и должностныя лица, ср. Dio Chr. XXXIV 29 sq., Luc. Herm. 86, также надп. BCH XXIV 361, и *Lumbroso*, l' Egitto² 180) поздніе софисты заимствовали отъ древнихъ, а древніе—отъ рапсодовъ или отъ киѳародовъ; быть можетъ вѣрно въ существенномъ и замѣчаніе Артемидора Oneir. II 3, что имѣть ἁλουργίδα ἐσθῆτα приличествовало только ἱερεῦσι καὶ θυμελικοῖς καὶ σκηνικοῖς καὶ τοῖς περὶ τοὺς Διόνυσον τεχνίταις (ср. Amelung у *Pauly-Wissowa* III 2325 ff.). О сакральномъ значеніи краснаго одѣянія ср. *Rohde*, Psyche I² 226 f. и *Samter*, Familienfeste d. Gr. u. R., 47 ff.—Быть-можетъ и ῥάβδος рапсодовъ „переживаетъ“ въ той βακτηρία, о которой говоритъ въ своей лекціи Евдемъ родосскій (p. 73 Spengel), или которой дважды или трижды стучитъ, прежде чѣмъ начать рѣчь, киникъ Дидимъ по прозванію Πλανητιάδης у Plut. de def. or. 7.

[1]) Ср. Plat. Tim. 19 E: τὸ τῶν σοφιστῶν γένος... πλανητὸν ὂν κατὰ πόλεις.

[2]) Такъ въ Hipp. min. 368 D Гиппій является въ Олимпію ποιήματα ἔχων καὶ ἔπη καὶ τραγῳδίας καὶ διθυράμβους καὶ καταλογάδην πολλοὺς λόγους καὶ παντοδαποὺς συγκειμένους. Между рѣчами Горгія цитуется и Ὀλυμπικός (Arist. rh. 1414 b. Clem. Str. I, 346 P. Phil. v. s. I 9); ср. Ὀλυμπιακός Лисія (or. 33). Для болѣе поздняго времени очень характерны разсказы и показанія Діона Хрисостома, VIII 5 sqq. и IX 1 sqq., о Діогенѣ на Исѳміяхъ и объ Исѳміяхъ, и Лукіана, Herod. 1 sqq., о Геродотѣ и софистахъ (но также и о живописцѣ Аетіонѣ) на Олимпіяхъ и объ Олимпіяхъ; само это сочиненіе Лукіана (Ἡρόδοτος ἢ Ἀετίων)—προλαλιά, съ которой онъ выступаетъ на празднествѣ „лучшаго изъ городовъ Македоніи, гдѣ собирается цвѣтъ гражданъ каждаго изъ этихъ городовъ“. Анекдотъ объ ораторѣ, выдававшемъ за импровизацію скомпилированную имъ изъ разныхъ сочиненій рѣчь о Пиѳагорѣ, причемъ слушатели громко называли имена тѣхъ авторовъ, которымъ принадлежали отдѣльныя мѣста рѣчи, локализуется у Лукіана, Pseudol. 5 sq., также въ Олимпіи. Діонъ живо рисуетъ, какъ въ Коринѳѣ во время Исѳмій собирались (при немъ, какъ и при Діогенѣ) и софисты, и писатели (читавшіе свои ἀναίσθητα συγγράμματα), и поэты, и скоморохи, и предсказатели, и риторы, и купцы (VIII 5).—На этой почвѣ сложился, конечно, и знакомый намъ (ср. выше. стр. 41 пр. 1) особый—„панегирическій“—видъ рѣчей, сближавшійся или отожествлявшійся съ „енкоміастическимъ“ (ср. Πανηγυρικός Исократа, Παναθηναϊκοί Исократа и Аристида), сдѣлавшійся даже (какъ будетъ упомянуто ниже) предметомъ мусическихъ агоновъ нѣкоторыхъ πανηγύρεις.

«собрать языкомъ» болѣе обильную «жатву»[1]); но не всегда, конечно, деньги для нихъ дороже чести, дороже почета или славы, дороже сознанія своей высокой просвѣтительной миссіи[2]). Они умѣютъ заставить слушать себя даже такихъ слушателей, которые, казалось, едва могли считать или читать[3]). Гдѣ любознательность, гдѣ любопытство, гдѣ «любословіе» поддерживаютъ эту новую моду, которая постепенно обращается въ привычку. Число публичныхъ ораторовъ растетъ— особенно по мѣрѣ того, какъ новыя страны пріобщаются къ еллинской культурѣ[4]),—

---

[1]) Эврипидовъ стихъ: μισῶ σοφιστήν, ὅστις οὐχ αὑτῷ σοφός (fr. 897 N.[2]) въ Hipp. maj. 283 B примѣняется къ корыстолюбію софистовъ. Въ платоновомъ Софистѣ 321 D sq. софистъ опредѣляется какъ 1) νέων καὶ πλουσίων ἔμμισθος θηρευτής, 2) ἔμπορός τις περὶ τὰ τῆς ψυχῆς μαθήματα, 3) περὶ τὰ αὐτὰ κάπηλος, 4) αὐτοπώλης περὶ τὰ μαθήματα, 5) τῆς ἀγωνιστικῆς περὶ λόγους τις ἀθλητής и 6) (хотя это и ἀμφισβητήσιμον) μαθήμασι περὶ ψυχὴν καθαρτής. По Аристотелю soph. el. 165 a софистъ—χρηματιστὴς ἀπὸ φαινομένης σοφίας. Измѣряющими свою мудрость и свою славу количествомъ заработанныхъ денегъ, торговцами, развозящими κατὰ τὰς πόλεις τὰ μαθήματα (или-же царями, которымъ δωροφοροῦσι всѣ желающіе стать столь же мудрыми, какъ они)—такъ постоянно рисуются софисты у Платона (ср. Protag. 311 D sqq. Gorg. 519 C sqq. Phaedr. 266 C. Meno 90 D sqq. Hipp. maj. 281 B sqq.) и у Ксенофонта (Mem. I 2, 6 sq. 5, 6. 6, 11 sqq.), также у Исократа (XIII 3 sqq.). Тѣми же (т. е., вѣроятно, заимствованными у Платона) чертами рисуются и поздніе софисты; см. напр., Dio Cass. LXXI 35, 2 (παμπληθεῖς φιλοσοφεῖν ἐπλάττοντο ἵν' ὑπ' αὐτοῦ πλουτίζωνται). Max. T. diss. XXXIII 8. Dio Chr. XXXII 10; ср. Themist. XXIII p. 351. Характеренъ для времени своего возникновенія (к. IV в.?) разсказъ о томъ, что Геродотъ за чтеніе отрывковъ изъ своей исторіи получилъ отъ Аѳинянъ 10 талантовъ (Plut. de Her. mal. 26).

[2]) Такъ по Hipp. maj. 283 B sqq. Гиппій безъ всякаго расчета на гонораръ читаетъ свои лекціи въ Лакедемонѣ. Исторіографъ изъ Трозана, читавшій рядъ публичныхъ лекцій въ Дельфахъ (во 2-й полов. II в.) получилъ παρὰ τᾶς πόλιος προξενίαν προμαντείαν προδικίαν ἀτέλειαν πάντων προεδρίαν ἐμ πᾶσι τοῖς ἀγώνοις и прочее, что надлежитъ отъ государства и отъ бога προξένοις καὶ εὐεργέταις (GDI 2724).—„Царь рѣчей", „языкъ Еллиновъ", Иродъ Аттикъ самъ платилъ другимъ софистамъ μισθὸν τῆς ἀκροάσεως въ громадныхъ размѣрахъ (Philostr. v. s. I 21. 25).

[3]) Такъ по Hipp. maj. 282 E. 284 B Гиппій читаетъ лекціи не только въ Лакедемонѣ, а и въ „совсѣмъ маленькомъ мѣстечкѣ" Сициліи—въ Иникѣ, гдѣ зарабатываетъ больше 20 минъ.

[4]) Замѣчательно, что уже Горгій „возстановившій, говорятъ, пренебреженную и почти забытую людьми μελέτην λόγων" (Paus. VI 17, 8), не только основывается, но и основываетъ „школу" софистовъ—въ Ѳессаліи, славившейся больше всего искусствомъ верховой ѣзды (гдѣ славнымъ считалось—не постыднымъ, не δούλων ἔργον, какъ въ Сициліи,—укрощеніе коней или быковъ, Διαλ. p. 583 Diels), и тамъ же выступаетъ со своею рѣчью и Ѳрасимахъ (ср. выше, стр. 34), такъ что у Платона (Meno 71 A) Сократъ говоритъ, что σοφία ушла изъ Аѳинъ въ Ѳессалію.—Особенно благодарную почву нашло себѣ еллинское краснорѣчіе съ к. IV в. въ М. Азіи, гдѣ изъ соединенія мѣстныхъ (отчасти „варварскихъ") зачатковъ краснорѣчія съ поверхностными заимствованіями

потому что эта культура, вѣдь, и захватывается тѣми странами въ тотъ моментъ ея развитія, когда на ея поверхности замѣтно выдвигается публичное краснорѣчіе. Все устойчивѣе организуются—не только въ болѣе, но и въ менѣе культурныхъ центрахъ—эти публичныя декламаціи и лекціи[1]). Все усиливающійся спросъ на нихъ увеличиваетъ и

изъ краснорѣчія собственной Еллады (т. е. аттическаго) расцвѣло своеобразное „азійское“—преимущественно эпидейктическое—краснорѣчіе (плодомъ его была и т. наз. „вторая софистика“). Эта „азійская муза изъ нѣдръ Азіи пришла скоро и въ (собственную) Елладу и всюду—даже въ самыхъ просвѣщенныхъ городахъ—стала вытѣснять древнюю, аттическую музу, ἡ ἀμαθὴς τὴν φιλόσοφον καὶ ἡ μαινομένη τὴν σώφρονα“ (Dion. de rh. ant. 1), чѣмъ вызвала противъ себя (II—I в.) реакцію „аттикистовъ“ (ср. выше, стр. 34). Отдѣльные—общіе и частные—моменты этой болѣе поздней исторіи еллинскаго краснорѣчія, поскольку она совпадала или сближалась съ исторіей художественной прозы, или поскольку она находила себѣ теоретическое выраженіе (въ риторическихъ руководствахъ или въ сужденіяхъ о риторическомъ искусствѣ), все больше уясняются въ новой научной литературѣ (особенно, конечно, въ книгѣ Norden'a, гдѣ, м. пр., отмѣтимъ указаніе на возможность von der bildenden Kunst auf die redende zu schliessen, S. 150, A. 1; ср. S. 8)—и уясняются именно въ смыслѣ устойчивости, плавности, постепенности развитія (plus ça change, plus c'est la même chose—Wilamowitz, *Hermes* XXXV, 13); внѣшняя-же, практическая исторія краснорѣчія (въ собственномъ смыслѣ этого слова) сравнительно мало затрогивается этими новыми работами (послѣ Rohde); но, конечно, и здѣсь разъединеніе, разграниченіе (отчасти на почвѣ случайнаго въ своей неравномѣрности состава нашихъ источниковъ) должно уступить больше мѣста сближенію, указанію переходовъ между отдѣльными моментами развитія—прежде всего, конечно, между древней и „второй“ софистикой.—О судьбахъ еллинскаго краснорѣчія въ Римѣ и о воздѣйствіяхъ его на теорію и практику римскаго краснорѣчія ср. Prolegomena въ изданіи *Marx*, Inc. auct. de r. d. ad C. Herennium l. IV, p. 133 sqq.

[1]) Болѣе или менѣе случайныя во времена Сократа и Платона, публичныя декламаціи и лекціи становятся необходимой принадлежностью общественной жизни во времена Діона Хрисостома, Плутарха, Лукіана, Филострата, Евнапія; и потому-то произведенія этихъ и другихъ писателей тѣхъ временъ (напр. Эпиктетовы) переполнены больше намеками, нежели детальными указаніями на обычную обстановку тогдашнихъ декламацій. Намеки эти не разъ уже (начиная съ сохраняющаго доселѣ значеніе труда *Cresollius S. J.*, Theatrum veterum rhetorum oratorum declamatorum, 1620) соединялись въ цѣльныя и достаточно яркія картины (лучше всего, конечно,—у *Rohde*, Gr. R.[2] 312 ff.; ср. *Hatch*, Griechentum u. Christentum, 68 ff. *Mommsen* R. G. V[4] 335 ff.).—Расчитанныя на болѣе или менѣе широкую публику (не на однихъ νέοι, или учениковъ) декламаціи и лекціи, какъ и рецитаціи, исполнялись и въ частныхъ домахъ—друзей литературы, позднѣе и самихъ софистовъ (ср. Lucian. Hermot. 11), въ зданіяхъ типа λέσχαι (ср. выше, стр. 6), на агорахъ, въ булевтеріяхъ, чаще же всего въ θέατρα или ᾠδεῖα (гдѣ они были) и въ γυμνάσια. Въ Элидѣ Павсаній (VI 23, 7) отмѣчаетъ находившееся ἐν τῷ γυμνασίῳ т. е. внутри ἐλάσσονος γυμνασίου περιβόλου) βουλευτήριον Элейцевъ, называвшееся Λαλίχμιον,—καὶ ἐπιδείξεις ἐνταῦθα λόγων τε αὐτοσχεδίων καὶ συγγραμμάτων ποιοῦνται παντοίων. У делосскихъ Аѳинянъ ἀκροάσεις исполнялись ἐν τῷ ἐκκλησιαστηρίῳ καὶ ἐν τῷ θεάτρῳ (BCH XIII 250). Въ одной аттической комедіи IV—III в. гово-

ихъ производство, и, въ свою очередь, все усиливающееся предложеніе поддерживаетъ собою и увеличеніе спроса. И даже развитіе или распространеніе письменности оказывается безсильнымъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ сдержать или задержать этотъ процессъ распространенія, если не развитія эпидейктическаго краснорѣчія[1]).

рилось: τί ταῦτα ληρεῖς, φλήναφῶν ἄνω κάτω Λύκειον, Ἀκαδήμειαν, Ὠιδείου πύλας, λήρους σοφιστῶν; (Athen. 336 e sq., ср. Kock CAF II 306); мы знаемъ, что въ Аѳинахъ представители различныхъ философскихъ школъ и пріѣзжіе ораторы или лекторы выступали въ ᾠδεῖα или въ Πτολεμαῖον (ср. CIA. II 471, 19 sq. Cic. de fin. V 1), потомъ и въ Ἀγριππεῖον, какъ названо было τὸ ἐν τῷ Κεραμεικῷ θέατρον (Philostr. v. s. II 5, 3. 8, 2); ср. *Wachsmuth*, D. Stadt Athen, I 634 ff. *Curtius* Stadtg. v. Athen, S. LXXXII ff. Въ надписи Ditt.[2] 521 читаемъ, что аѳинскіе ефебы 101 г. до Р. Х. ἐσχόλασαν τοῖς φιλοσόφοις... παρετύγχανον δὲ καὶ ταῖς ἀκροάσεσιν ἁπάσαις (ср. CIA II 471, 19 sq.). Ἄρισκος(?) ѲеоФрастовыхъ Характеровъ предлагаетъ философамъ и софистамъ для ихъ ἐπιδείξεις свою „палэстру" (ср. выше, стр. 6, пр. 3).

[1]) Письменность могла, впрочемъ, оказывать даже извѣстныя услуги устному краснорѣчію. Само собою разумѣется, что для развитія краснорѣчія были гораздо болѣе полезны, нежели вредны, риторическіе учебники, руководства и пособія и примѣрныя или образцовыя писанныя или записанныя рѣчи. Иные ораторы могли произносить свои рѣчи только по писанному, такъ что ἐπίδειξις сводилась здѣсь къ ἀνάγνωσις, какъ и вообще, мы видѣли (ср. выше, стр. 14 сл.; 22, пр. 2), рѣчи не только въ способахъ ихъ публикаціи, но иногда и въ способахъ ихъ изложенія сближались съ другими видами литературныхъ произведеній. Нерѣдко, конечно, написанныя рѣчи (какъ и стихи) декламировались ихъ авторами и напамять (какъ выучивались наизусть и писанныя на заказъ логографами судебныя рѣчи, ср. выше стр. 36), и этимъ прежде всего обусловливалось значеніе μνήμης и даже примѣненіе мнемоники для цѣлей риторики (ср. Alcidam. π. σοφ. 18 sqq.; τὸ μνημονικόν приписывалось уже Гиппію, Hipp. maj. 285 E. Hipp. min. 368 D; дальнѣйшія свидѣтельства указаны у *Volkmann*, Rhetorik[2] 563 ff.). Впослѣдствіи большой популярностью пользовались анекдоты о томъ, какъ ораторы выдавали заранѣе сочиненныя ими рѣчи за импровизаціи (ср. Luc. Pseudol. 5 sq. Phil. v. s. II 5). Восхваленію αὐτοσχεδιαστῶν λόγων на счетъ λόγων γραπτῶν посвящено сочиненіе Алкидаманта „о софистахъ или о пишущихъ τοὺς γραπτοὺς λόγους"; и кажется, что такъ много (и такъ безуспѣшно) обсуждавшіяся въ послѣднее время (литература указана у Gercke, *Rh. Mus.* LIV 404 ff.) замѣчанія Исократа (XIII 9 sqq., гдѣ γράμματα обозначаютъ собою не συγγράμματα, но и не грамоту или грамотность, а письменность) подчеркивали лишь тривіальность выставленной у Алкиданта, какъ и въ платоновомъ „Фэдрѣ" (275 C sqq.), мысли, что ὁ γεγραμμένος λόγος — ἀκίνητος (Alc. 28, ср. Is. XIII 12), и предостерегали отъ злоупотребленій ею и прежде всего отъ приниженія подъ ея вліяніемъ не только τῶν ἐξαμαρτανόντων, но за одно и всѣхъ вообще пишущихъ рѣчи, хотя бы то были рѣчи περὶ μεγίστων, не περὶ μικρῶν, не περὶ τῶν ἰδίων συμβολαίων (ср. Isocr. IV 8 sqq. X 1 sqq. XII 1 sqq. XV 1 sqq.). Исократъ тѣмъ выше долженъ былъ цѣнить γραπτοὺς λόγους, что его φύσις не заключала въ себѣ необходимыхъ для желающаго ἀγορεύειν свойствъ (φωνῆς θ' ἱκανῆς καὶ τόλμης), такъ что онъ обратился ἐπὶ τὸ φιλοσοφεῖν καὶ πονεῖν καὶ γράφειν (XII 7 sqq. V 81 sq.); ироническое изображеніе именно такого типа оратора даетъ Алкидамантъ, 9 sqq. Вопросъ объ относительномъ достоинствѣ αὐτοσχεδίων λόγων и λόγων γραπτῶν (γεγραμμένων), или

Какъ раньше съ поэзіей—съ эпосомъ, мелосомъ, драмой,—такъ теперь съ эпидейктическимъ краснорѣчіемъ пришлось считаться даже сакральнополитическимъ установленіямъ. Такъ, надгробныя рѣчи, вообще смѣнявшія собою надгробныя пѣсни или причитанія[1]), въ Аѳинахъ сдѣ-

---

φροντισμάτων, и вообще, и въ примѣненіи къ отдѣльнымъ (политическому, судебному и эпидейктическому) видамъ краснорѣчія, а также къ риторическому обученію, и послѣ Алкидаманта нерѣдко обсуждался въ греческой литературѣ (ср. Philod. I 193 sqq. II 248 sqq. S.). Въ противоположность Исократу (который сталъ даже предметомъ насмѣшекъ за свое ἐν πολλῷ χρόνῳ γράψαι и μεταγράψαι, ср. π. ὕψ. IV 2. Plut. de gl. Ath. 8. Dion. de comp. v. 25) обыкновенно софисты и γράφουσιν, и σχεδιάζουσιν свои эпидейктическія рѣчи, περαίνουσι διά τε γραφῆς καὶ χωρὶς γραφῆς (ср. Philod. I 123. II 251). Горгій и другіе древніе софисты и пишутъ тщательно-отдѣланныя рѣчи, и могутъ на любой поставленный имъ вопросъ или тему отвѣтить длинною, короткою или средней длины рѣчью (Plat. Gorg. 447 C sqq. Phaedr. 267 B; ср. *Navarre*, Rhét. gr. av. Arist. 37 ss.); у позднихъ софистовъ это искусство импровизировать на заданную тему (чѣмъ издавна любили блеснуть и поэты, ср. *Welcker*, Kl. Schr. II, S. XC ff. *Rohde*, Kl. Schr. I, 103 f.) обратилось даже въ спортъ (ср. тексты, указанные у *Rohde* Gr. R.[2] 332 ff.). Діону Хрисостому доступны были и φροντίσματα, и αὐτοσχέδιοι λόγοι (*Arnim*, Dio v. Pr. 180 f.); благодаря Асклепію импровизаціи (ἀπὸ στόματος παντελῶς) оказались, къ его удивленію, доступными и Элію Аристиду, какъ онъ самъ заявляетъ въ панегирикѣ Кизику (XVI p. 236 J.), что̀ могло и не быть лишь риторической фразой (ср. характеристику Аристида у *Baumgart*, Ael. Aristides, 135 f.), хотя φύσις Аристида была скорѣе исократовская—οὐ τῶν ἐμούντων, ἀλλὰ τῶν ἀκριβούντων (Philostr. v. s. II 9).

[1]) „Пѣнье“, котораго „не бѣ лзѣ слышати во плачи, велицѣ вопли“ надъ усопшимъ, постепенно выдѣляется изъ этого—нерѣдко въ Греціи (какъ и въ древней и петровской Руси, ср. *Барсовъ*, Причитанья Сѣв. края, I, стр. III сл.) преслѣдуемаго государствомъ (напр. законами Солона, Plut. Sol. 21, Іуліетовъ, Ditt.[2] 877, дельфійскихъ Лабіадовъ, ibid. 438; ср. впрочемъ уже Il. XXIV 237 sqq.) „плача съ великимъ кричаніемъ“, столь склоннаго (ср. Стоглавъ, 4, 23) переходить въ „скаканіе“, или вообще въ изступленіе. Любопытно, что если въ Иліадѣ ἀοιδοὶ θρήνων ἔξαρχοι στονόεσσαν ἀοιδὴν ἐθρήνεον, ἐπὶ δὲ στενάχοντο γυναῖκες (XXIV 720 sqq.), то у Лукіана выступаетъ θρήνων σοφιστής, которымъ какъ συναγωνιστῇ καὶ χορηγῷ τῆς ἀνοίας καταχρῶνται ὁποῖ ἂν ἐκεῖνος ἐξάρχῃ πρὸς τὸ μέλος ἐπαιάζοντες (de luctu, 20). Явившіеся, въ свою очередь, если не на смѣну, то въ замѣнъ заключавшихъ въ себѣ ὀδυρμὸν σὺν ἐγκωμίῳ τοῦ τελευτήσαντος (Аристоклъ у Ammon. 54 V.) надгробныхъ пѣсней (ср. θρῆνοι Симонида и Пиндара), λόγοι ἐπιτάφιοι чаще всего переходили въ похвальныя слова, въ ἐγκώμια (какъ и Исократово ἐγκώμιον Евагору писано было какъ будто бы въ качествѣ λόγου ἐπιταφίου, ср. 1 sqq.), иногда же въ—обращавшіеся къ оплакивавшимъ почившаго—λόγοι προτρεπτικοί или παραμυθητικοί ([Dionys.] rhet. 7. [Menand.] π. ἐπιδ. 118 sqq. B.). Не внѣ всякой связи съ этими λόγοι παραμυθητικοί стояли, конечно, ψηφίσματα παραμυθητικά, разсылавшіяся (начиная еще съ III в. до Р. X.) нѣкоторыми государствами родственникамъ почившихъ, удостоивавшихся δημοσίας ταφῆς (надписи, сюда относящіяся, указаны у Buresch, *Rh. Mus.* XLIX 424 ff. и *Rhode* Psyche II[2] 338 ff.). Эти λόγοι παραμυθητικοί (каковыми были и XI и XII рѣчи Аристида) входили въ составъ обширной, въ своихъ зачаткахъ восходившей ко временамъ софистовъ Продика и Антифонта (ср. *Dümmler*, Kl. Schr. I 177 ff.) устной и письменной парамиѳетической литературы, однимъ изъ продуктовъ

лались необходимой принадлежностью національнаго погребенія павшихъ въ бою за отечество, позднѣе и ежегоднаго праздества, посвящавшагося ихъ памяти: это были слова въ похвалу не только погребенныхъ, но и въ похвалу государства, которое произвело на свѣтъ такихъ доблестныхъ гражданъ, какими были погребенные, и которое доблестью такихъ гражданъ, какъ погребенные, содѣлалось достойнымъ всяческаго прославленія[1]). Конечно, прославленіе государства, особенно въ его мнои-

---

которой было и приписанное Плутарху утѣшеніе къ Аполлонію (*Buresch*, Consolationum a Graecis Romanisque scr. historia crit., 1887; ср. „грамоту утѣшеную“, которой напрасно ждалъ Владиміръ Мономахъ, егда убиша дѣтя его, отъ Олега Святославича).—Сужденіе Діонисія, A. R., V 17, о надгробныхъ рѣчахъ у еллиновъ (и у римлянъ) слѣдуетъ, кажется, понимать такъ, что до временъ Діонисія произнесеніе надгробныхъ рѣчей въ Елладѣ не было еще общераспространеннымъ обычаемъ.—Болѣе характерно, нежели надежно, позднее извѣстіе о томъ, что четыре видныхъ оратора διηγωνίσαντο περὶ λόγων εἰς τὸ ἐπιτάφιον Мавсола, царя галикарнасскаго (Gell. X 18. Suid. s. Θεοδέκτης и Ἰσοκράτης; ср. *Welcker*, Gr. Trag. 1079 ff),—подобно тому, какъ поэтъ гесіодовыхъ Ἔργα 651 sqq. ѣздилъ въ Халкиду ἐπ' ἄεθλα Амфидаманта, объявленныя его сыновьями, и побѣдивъ ὕμνῳ получилъ τρίποδ' ὠτώεντα.

¹) Кто былъ „присоединившій рѣчь“ къ „изстари установленному“ обычаю національнаго погребенія праха павшихъ въ бою внѣ Аттики аѳинянъ (Thuc. II 34 sq.), мы не знаемъ; иные склонны были думать, что то былъ Солонъ (Анаксименъ у Plut. Publ. 9. Sch. Thuc. II 35, 1), другіе относили это присоединеніе рѣчи ко временамъ Мараѳона или Артемисія, Саламина, Платэй (Dion. Ant. R. V 17, 4. Diod. XI 33). Не яснымъ остается и то, когда и какъ это торжественное преданіе землѣ τῶν ἐκ πολέμων θαπτομένων разрѣшилось въ ежегодно совершавшееся, подъ завѣдываніемъ полемарха, поминовеніе погребенныхъ δημοσίᾳ воиновъ, къ которымъ присоединили и Гармодія и Аристогейтона,—въ ἀγὼν ἐπιτάφιος, потомъ въ Ἐπιτάφια (или въ τὰ Θήσεια καὶ Ἐπιτάφια),—и съ какихъ поръ „надгробную рѣчь“ сталъ произносить не гражданинъ, избираемый для сего ὑπὸ τῆς πόλεως (по Plat. Menex. 234 B—совѣтомъ),—ὃς ἂν γνώμῃ τε δοκῇ μὴ ἀξύνετος εἶναι καὶ ἀξιώματι προήκῃ (Thuc. II 34, 6),—а полемархъ, обыкновенно произносившій уже рѣчь сочиненную „софистомъ“ ([Men.] π. ἐπιδ. 123 B.), такъ что потомъ и ἐπιτάφιος Гимерія (or. II) названъ былъ не ἐπιτάφιος, а πολεμαρχικός. Ср. *Mommsen*, Feste d. St. Athen, 298 ff.—*E. Meyer*, Forsch. z. ält. gr. G., II 219 f., полагаетъ, что надгробная рѣчь въ Аѳинахъ была „всецѣло мѣстнымъ продуктомъ“, и что „форма ея (или схема) стала традиціонной задолго до Горгія и Платона“; Hauvette, *Mélanges H. Weil*, 159 ss., дѣлаетъ не невѣроятнымъ, что уже Ἐλευσίνιοι Эсхила (какъ несомнѣнно Ἱκέτιδες Еврипида) предполагали существованіе эпитафія, и что установителемъ его былъ Кимонъ (такъ—прибавимъ—подтвердилось бы предположеніе Dümmler'a, Kl. Schr. II 435, что горгіеву похвалу Кимону Плутархъ, Cim. 10, приводитъ изъ горгіева эпитафія, а можетъ-быть разъяснились бы и начальныя слова эпитафія Перикла у Ѳукидида).—Насколько близка къ оригиналу передача у Ѳукидида эпитафія, произнесеннаго Перикломъ „зимой“ перваго года пелопоннесской войны,—рѣшить, конечно, невозможно; въ цитатѣ аристотелевой Риторики изъ „эпитафія Перикла“ (1365 a, ср. 1411 a; та же мысль у Геродота. VII 162,—въ устахъ Гелона) E. Meyer (l. c. 221) склоненъ видѣть цитату изъ другого эпитафія Перикла (439 г.).

ческой исторіи, и вообще легко становилось предметомъ «похвалъ», такъ-называемыхъ ἐγκώμια, и въ надписяхъ мы очень часто читаемъ о томъ, какъ государство чествуетъ пришлаго поэта (или даже поэтессу) за похвальную пѣснь въ честь его боговъ и героевъ[1]); такого рода «по-

Не разъ цитуется (ср. Sauppe, Or. Att. II 166 sqq.) и эпитафій Архина; больше заманчиво, нежели надежно, отожествленіе этого эпитафія Архина съ эпитафіемъ Горгія (ib. 130 sqq.), будто-бы писаннымъ для Архина (*Dümmler*, Kl. Schr., II 436 ff.); но, разумѣется, самимъ Горгіемъ не могъ быть произнесенъ его эпитафій ни при ταφαί, ни при ἀγὼν ἐπιτάφιος (если—что вѣроятно—этотъ агонъ тогда уже организовался); онъ былъ составленъ, надо думать, какъ образецъ для аѳинскихъ эпитафіевъ; и возможно, что на него именно отвѣчалъ Платонъ эпитафіемъ Аспасіи въ „Менексенѣ" (ср. *Dümmler*, Akad., 20 ff. Wendland, *Hermes*, XXV, 171 ff.).—Эпитафіи дошли до насъ между рѣчами Лисія (II, τοῖς Κορινθίων βοηθοῖς) и Демосѳена (LX); первый почти несомнѣнно не принадлежитъ самому Лисію, хотя и близокъ къ нему и по времени, и по стилю, и по мыслямъ (ср. *R. Nitzsche*, Üb. d. gr. Grabreden d. kl. Zeit, I, 6 ff., гдѣ указана и литература вопроса), второй несомнѣнно не принадлежитъ Демосѳену (ср. *Blass*, A. B., III, 1², 404), который по избранію народа говорилъ въ 338 г. рѣчь надъ павшими въ войнѣ съ Филиппомъ (Dem. XVIII 285 sqq.). Зато извѣстенъ намъ (правда, въ не совсѣмъ полномъ и цѣльномъ видѣ) эпитафій, произнесенный въ 322 г. (послѣ ламійской войны) Гиперидомъ.—Показаніе Цицерона, orat. 151, объ обычаѣ аѳинянъ ежегодно, въ опредѣленный день, воздавать хвалу убитымъ въ сраженіяхъ не иначе, какъ populari oratione Платона (изъ „Менексена") не заслуживаетъ того довѣрія, какое до сихъ поръ еще ему удѣляется.—Схоліастъ къ Arist. Panath. p. 6 замѣчаетъ, что Ѳукидидъ, Демосѳенъ и др. епитафіемъ пользовались лишь какъ болѣе удобной формой для τὸ τῆς πόλεως καὶ χώρας ἐγκώμιον, и въ основаніи этого замѣчанія лежитъ, конечно, совершенно вѣрное наблюденіе; особенно характерно въ этомъ отношеніи близкое сходство между Панегирикомъ Исократа и эпитафіемъ „Лисія", вѣроятно появившимся въ свѣтъ (вопреки *Blass* I² 443) послѣ Панегирика.—*E. Meyer* l. c. вѣрно подчеркиваетъ традиціонность—установившейся изстари, не установленной Горгіемъ—формы аѳинскаго эпитафія и вліяніе его на общій характеръ аѳинской исторической традиціи (въ частности „стереотипной аттической Sagengeschichte"), наряду, впрочемъ, съ трагедіей, эпиграммой, живописью и скульптурой и—мы прибавили-бы—другими рѣчами (ср. кромѣ рѣчей Исократа—Dem. III 21 sqq. [Dem.] XIII 21 sq. Lyc. c. Leocr. 61 sqq., остатки рѣчей ефебовъ CIA III 52 sq., какъ, конечно, и ихъ ἐγκώμια CIA III 1096, 1129, 1147 sq., также Δηλιακοί Ликурга и Гиперида); стереотипность аттической исторіи, какъ эта исторія представлялась въ эпитафіяхъ или панегирикахъ (ср. *Gutschmid*, Kl. Schr. V 163 ff.), нашла себѣ отраженіе не только у многихъ греческихъ и римскихъ писателей, историковъ и не-историковъ, не только въ рѣчахъ Аристида (Παναθηναικός, ὑπὲρ τῶν τεττάρων и др.), но, напр., и въ постановленіи Амфиктіоновъ въ честь аѳинскихъ технитовъ, BCH XXIV 94 ss.

[1]) Такъ ἁ πόλις τῶν Δελφῶν въ III—II стол. чествуетъ проксеніей поэтовъ за гимнъ, или за пэанъ и ποθόδιον Аполлону Пиѳійскому (GDI 2721. Ditt.² 662), какъ и исполнявшихъ изъ ἀρχαίων ποητᾶν ἃ ἦν πρέποντα ποτί τε τὸν θεὸν καὶ τὰν πόλιν (Ditt. 663. GDI 2800). Въ к. III в. ἁ πόλις τῶν Λαμιέων даетъ проксенію и политію (ей и ея потомству) поэтессѣ (ποιήτρια ἐπέων) изъ Смирны, за ея ἐπιδείξεις τῶν ἰδίωμ ποιημάτων ἐν οἷς περί τε τοῦ ἔθνεος τῶν Αἰτωλῶν καὶ τῶμ προγόνων τοῦ δάμου ἀξίως ἐπεμνάσθη (Mich. 296).

хвалы» государствамъ стали теперь составляться и въ прозѣ[1]). На нѣко-

Ок. полов. II в. совѣтъ и народъ аѳинянъ живущихъ на Делосѣ чествуетъ Амфикла за его ἀκροάσεις и за προσόδιον εἰς τὴν πόλιν, въ коемъ онъ ὕμνησεν и боговъ τοὺς τὴν νῆσον κατέχοντας, и народъ аѳинскій (Ditt.[2] 721; того же Амфикла за ἀκροάσεις чествуютъ и Оропійцы, Mich. 206; ср. BCH XIII 250). Делосцы увѣнчиваютъ лавровымъ вѣнкомъ „поэта" изъ Андроса, за то, что онъ πεπραγμάτευται περί τε τὸ ἱερὸν καὶ τὴν πόλιν τῶν Δηλίων καὶ τοὺς μύθους τοὺς ἐπιχωρίους γέγραφεν (Ditt. 492). Во II ст. Кносійцы объявляютъ проксеномъ и гражданиномъ своей πόλεος Діоскурида грамматика тарсейца за то, что онъ составилъ ἐγκώμιον κατὰ τὸν ποιητάν (т. е. по Гомеру) въ честь критскаго ἔθνιος, и прислалъ въ Кносъ для исполненія этого энкомія своего ученика, поэта эпическаго и мелическаго (Ditt. 722). Посланные Теосцами (во II в.) на Критъ въ качествѣ пословъ Геродотъ и Менеклъ полюбились Кносійцамъ и Пріансійцамъ тѣмъ, что могли διαλέγειν о мѣстной исторіи, а одинъ изъ нихъ, Менеклъ, исполнялъ (ἐπεδείξατο) подъ киѳару произведенія Тимоѳея и Поліида и мѣстныхъ древнихъ поэтовъ и εἰσένεγκε κύκλον ἱστορημέναν о Критѣ и критскихъ богахъ и герояхъ, сдѣлавъ сводъ изъ многихъ поэтовъ и исторіографовъ; Кносійцы хвалятъ государство Теосцевъ за то, что оно послало такихъ мужей, а Пріансійцы—за то, что оно такъ много заботится περὶ παιδείας (Mich. 65. 66).

[1]) Итоги—стройно, въ разъ намѣченныхъ (или намѣтившихся) предѣлахъ совершавшемуся—развитію этихъ—тѣсно примыкавшихъ къ метрическимъ (вродѣ упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи)—прозаическихъ ἐγκώμια πόλεων подводятся въ трактатѣ (I) Менандра, 46 sqq. B. Государство (или городъ, его собою представлявшій) восхвалялось въ своемъ положеніи и природѣ (κατὰ θέσιν καὶ φύσιν); въ этомъ пунктѣ похвала πόλεως сближалась съ похвалой χώρας (44 sqq.), и могла заключать въ себѣ похвалу гаваней, бухты, акрополя. Далѣе государство восхвалялось ἀπὸ γένους—въ своемъ происхожденіи: восхвалялся его основатель, былъ ли то богъ или герой или (для позднѣе основанныхъ городовъ) человѣкъ—полководецъ или царь, причемъ похвала городу переходила тутъ въ похвалу божественнаго, обожествленнаго или и не-обожествленнаго οἰκιστής; восхвалялись наряду съ οἰκισταί и οἱ οἰκήσαντες, въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ тому или другому племени, изъ коихъ каждое имѣло, конечно, свои достоинства,—какъ свои достоинства могли имѣть—и потому затрогивались восхваленіями—и болѣе раннее или болѣе позднее время основанія государства, и различные способы его возникновенія (было ли оно колоніей, возникло-ли путемъ синойкизма, было-ли оно основано сразу какъ городъ, или представлявшій его городъ выросъ изъ села или селъ, и т. п.), а также различныя αἰτίαι οἰκισμῶν πόλεων—ἢ θεῖαι ἢ ἡρωϊκαὶ ἢ ἀνθρώπιναι. Государства подлежали восхваленію и ἀπὸ ἐπιτηδεύσεων—со стороны своего государственнаго устройства (не всегда одного и того же, но смѣнявшагося во времени), со стороны процвѣтанія знаній или наукъ (астрологія, геометрія, μουσική, γραμματική, философія), искусствъ (τέχναι—βάναυσοι и ἐλευθέριοι, какъ скульптура, живопись, медицина) и δυνάμεις (ῥητορικὴ καὶ ἀθλητικὴ καὶ ὅσα τοιαῦτα), а также ἀπὸ ἐνεργημάτων, со стороны нравовъ, нравственности, нравственныхъ качествъ гражданъ, при чемъ, напр., мужество гражданъ могло прославляться при помощи историческихъ примѣровъ (т. е. примѣровъ особенно яркаго его проявленія).—Какъ замѣчаетъ Менандръ, эти τῶν πόλεων ἐγκώμια могли произноситься или безъ всякаго спеціальнаго повода, или же во время праздниковъ или πανηγύρεις, когда, напр., соберутся на гимническій или мусическій агонъ; на этой почвѣ происходило сближеніе—перешедшее

торыхъ празднествахъ такія похвальныя слова сдѣлались даже предметомъ состязаній[1]): такъ рѣчь, вслѣдъ за пѣсней и драмой, нашла себѣ доступъ и въ праздничные мусическіе агоны.

потомъ даже въ отожествленіе—рѣчей въ похвалу государства, его боговъ, героевъ, благодѣтелей (особенно царей, позднѣе императоровъ) съ рѣчами собственно панегирическими (Men. 67 B.; ср. [Dion.] rhet. 1 sq.), которыя тоже не могли не заключать въ себѣ наряду съ прославленіемъ боговъ, героевъ, царей (или императоровъ), въ честь которыхъ устраивалась πανήγυρις, и восхваленіе устраивавшаго πανήγυριν государства (въ сущности и аѳинскіе эпитафіи были однимъ изъ видовъ такихъ πανηγυρικοὶ λόγοι); а такъ какъ въ эпоху имперіи панегирики все чаще или все больше переходили въ похвалу императору, то и похвальныя слова императорамъ—а потомъ и вообще похвальныя слова—стали зваться панегириками.—На отмѣченное Менандромъ (p. 46 B.) сходство похвалъ городамъ и людямъ обращено вниманіе еще у Quint. III 7, 26; отдѣльныя теоретическія замѣчанія, имѣющія въ виду τοὺς βουλομένους ἐγκωμιάσαι τινὰ τῶν πόλεων даетъ уже Исократъ, XII 39 sqq.—Къ сожалѣнію, кромѣ рѣчей Исократа и Аристида (ср. и рѣчь его къ священному источнику Асклепія), упоминаемыхъ и у Менандра, намъ даже по имени извѣстны слишкомъ немногія изъ похвалъ πόλεων (цитуется, напр., у Arist. rh. 1416 a τὸ Γοργίου ἐγκώμιον εἰς τοὺς Ἠλείους; вѣроятно такимъ ἐγκώμιον была и цитуемая у Павсанія, IX 29, 2,—ср. 38, 10,—ἡ ἐς Ὀρχομενίους συγγραφή, или λόγος, Каллиппа коринѳянина); но нѣтъ сомнѣнія, что такія ἐγκώμια произносились часто (и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще), и, съ своими τόποι κοινοί, оказывали очень значительное вліяніе на литературу, въ особенности историческую. Быть-можетъ, въ частности, и трактованіе θέσεως и φύσεως государства (ср. гиппократовское περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων) въ трагедіи (Soph. Oed. C. 702 sqq. c. schol.; Eurip. Med. 824 sqq.), въ Законахъ Платона (ср.—какъ бы по Менандру составленное—ἐγκώμιον Атлантиды въ „Тимэѣ", 22 B sqq., и въ „Критіи", 110 D sqq.) и въ Политикѣ Аристотеля, или у историковъ (отдѣльные примѣры указаны у *Pöhlmann*, Hellen. Anschauungen üb. d. Zusammenhang zw. Natur u. Geschichte, 38 ff.) стояло въ нѣкоторой связи съ этими ἐγκώμια πόλεων, какъ касаются этихъ θέσις καὶ φύσις и рѣчи, напр., Демарата у Геродота (VII 102) и Перикла у Ѳукидида; быть-можетъ также и сочиненіе II в. до Р. Х. (Гераклида κριτικοῦ?) περὶ πόλεων, выдержки изъ коего дошли до насъ съ именемъ Дикэарха, также стояло не внѣ связи съ ἐγκώμια πόλεων (какъ и ѳеофрастовы πολιτικὰ τὰ πρὸς τοὺς καιρούς?).—Эти ἐγκώμια πόλεων могли входить и въ посольскія рѣчи,—причемъ посламъ приходилось хвалить иногда и то государство, предъ совѣтомъ или народомъ котораго они говорили (какъ потомъ царей или императоровъ), обыкновенно же то государство, интересы котораго они представляли (ср., напр., изложенія рѣчей пословъ магнесійскихъ к. III в.—Ditt.[2] 256 sqq.).—Какъ partem (pro toto) энкомія можемъ мы разсматривать то сочиненіе о явленіяхъ τᾶς Παρθένου, которое φιλ[οπόνως? συγ]γράψας ἀνέγνω въ Ольвіи нѣкій Сирискъ (IOSPE I 184, ср. IV p. 277 sq.). Ср. также θεολογίαν, ἣν ἤρξατο ἐκ φιλοτειμίας ποιεῖν ὁ ἱερασάμενος, для исполненія на празднествѣ Іобакховъ, II—III ст. по Р. Х. (Ditt. 737, 115).

[1]) Такъ въ надписи IV в. къ списку побѣдителей на мусическихъ агонахъ великихъ Ἀμφιαράια въ Оропѣ присоединяется и σοφιστής (Παυσίμαχος Ἀθηναῖος), какъ въ болѣе позднихъ надписяхъ (I и сл. в.)—наряду съ ἐγκωμίῳ ἐπικῷ—ἐγκωμίῳ λογικῷ, или καταλογάδην (IGS I 414 sqq.); то же и въ ларисской надписи II в. по Р. Х. (Ditt[2]. 671).—Рѣчь, впрочемъ, повидимому съ большимъ трудомъ находила себѣ доступъ въ

Но и внѣ этого конкурса рѣчь оратора нерѣдко раздавалась предъ собравшимся на празднество сонмищемъ, затрогивая иногда вопросы объ отношеніяхъ еллинскихъ государствъ другъ къ другу или къ «варварамъ», къ царю персовъ или македонянъ, или къ римлянамъ[1]). И вообще публичныя рѣчи часто были поученіями на разныя политическія или этическія темы; не рѣдко, кажется, онѣ были и публичными лекціями — по всѣмъ рѣшительно отраслямъ знаній, особенно-же по тому предмету, который всегда, во всѣ времена — къ счастью для него, или къ несчастью — казался и наиболѣе интереснымъ, и наиболѣе доступнымъ, — по исторіи[2]).

самые агоны, хотя и стала обычной принадлежностью συνόδου ἐν ἀγῶνι (Men. 67 B.), и хотя ораторы очень любили развивать въ этомъ направленіи извѣстную мысль Ксенофана о томъ, что ῥώμης ἀμείνων σοφίη (fr. 2 D.); ср., напр., Панегирикъ Исократа, 1 sqq. (также Euag. 1 sqq.), VIII и IX рѣчи Діона Хрисостома (о Діогенѣ) и προλαλιά Лукіана о Геродотѣ.—По Лукіану, Herod. 1, Геродотъ декламируетъ въ Олимпіи свою исторію со ступеней опистодома; по Филострату, v. s. I 9, 4, Горгій произноситъ свой Πυθικός ἀπο τοῦ βωμοῦ: въ послѣднемъ случаѣ имѣлась въ виду, вѣроятно, θυμέλη (ср. статью Dörpfeld'a *Hermes* XXXVII 249 ff., гдѣ намѣчаются важныя и для исторіи софистическихъ ἐπιδείξεις перспективы).

[1]) Таковы были, вѣроятно, многія олимпійскія рѣчи, начиная съ рѣчи Горгія (ср. Phil. v. s. I 9, 4; Arist. rh. 1414 b; Clem. Str. 346 P.); такъ задуманъ былъ и Πανηγυρικός и Παναθηναικός Исократа.—Изъ одной—къ сожалѣнію плохо сохранившейся—дельфійской надписи 2-й полов. II в. до Р. Х. (GDI 2724) узнаемъ, что какой-то исторіаграфъ изъ Трозана знакомилъ дельфійцевъ со своими πεπραγματευμένα, клонившимися какъ-то εἰς Ῥωμαίους τοὺς κοινοὺς τῶν Ἑλλάνω[ν σωτῆρας?]; правда, мы не знаемъ, считать-ли „праздничными" тѣ πλ]είονας ἁμέρας, какія исторіаграфъ не то употребилъ на [ἀκροάσεις], не то [ἐπέδωκε τῷ θεῷ καὶ τοῖς Ἕλλησι] (ср. ib. 2799. 2727. Ditt[2]. 717); но несомнѣнно, что отношенія къ римлянамъ затрогивались и въ πανηγυρικοὶ λόγοι (особенно поскольку они переходили въ λ. προτρεπτικοί)—еще до времени имперіи (о времени имперіи ср. Men. 66 sq. B.).

[2]) Интересъ ко всѣмъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія (и спеціально—къ исторіи, особенно миѳической) краснорѣчіе наслѣдовало отъ эпоса; но теперь еще дальше, чѣмъ въ эпосѣ, шло, конечно, раздѣленіе между—слитыми воедино въ „миѳѣ"—содержаніемъ и формою знанія, и самая форма знанія становилась такимъ же предметомъ познаванія, какъ и его содержаніе, а рядомъ съ теоретическими знаніями завоевывали себѣ мѣсто и—подлежавшія теоретизированію—знанія практическія: такую σοφίαν, сливавшуюся съ σοφίσματα, соединявшую въ себѣ и ἐπιστήμας, и τέχνας (конечно и δυνάμεις), и стало представлять собою краснорѣчіе „софистовъ",—наслѣдовавшихъ отъ эпическихъ пѣвцовъ и желаніе угодить ἀκουόντεσσι—чтобы добыть себѣ побольше и славы, и денегъ,—и вѣру въ силу слова (λόγου), которое можетъ и малое сдѣлать великимъ, какъ великое малымъ, старое представить новымъ и новое старымъ и убѣдить въ томъ, что кажущееся есть истинное (Plat. Phaedr. 267 A), а можетъ-быть и презрѣніе (въ глубинѣ души) къ толпѣ—къ πλῆθος ἄπειρον τῶν ὄντων (ср. Isocr. XV 268). Эта σοφία софистовъ все больше оказывалась φαινομένη ἀλλ' οὐκ οὖσα по мѣрѣ того какъ въ развитіи науки

Рядомъ съ этими торжественными или серьезными рѣчами упоминаются, въ V—IV в., и *παίγνια*[1]): такъ называетъ Горгій свою рѣчь

все больше заявляли себя ἀκρίβεια и περιττολογία, и соотвѣтственно этому все дальше шла спеціализація (такъ что впослѣдствіи выступали и такіе ораторы, которые брались произнести экспромптомъ рѣчь на предложенную кѣмъ-либо изъ публики тему—лишь въ предѣлахъ своей спеціальности, напр. грамматики или врачи, ср. *Lehrs*, Aristarch[2] 217 f. *Rohde*, Kl. Schr. II 449 f.); но принципіально порвать со своей πολυμαθίη (ср. о ней и Philod. I 204 sqq. II 57 sq.) софисты не могли уже потому, что они успѣли взять на себя, наряду съ популяризаціей знаній, и образованіе τῶν νέων.—Исторія, такъ часто примѣнявшаяся въ публичныхъ рѣчахъ или лекціяхъ въ качествѣ средства (т. е. одного изъ средствъ) изложенія или изображенія, нерѣдко становилась и ихъ предметомъ (ср. выше стр. 50, пр. 3, и приведенную въ предыдущемъ примѣчаніи надпись о читавшемъ въ Дельфахъ публичныя лекціи исторіографѣ).—Трудно рѣшить, сколько правды въ разсказахъ о томъ, что Геродотъ читалъ свою исторію и въ Аѳинахъ (вызвавъ слезы присутствовавшаго при этой ἐπίδειξις отрока Ѳукидида), и въ Олимпіи, и въ Коринѳѣ и Ѳивахъ (Plut. de Her. mal. 26. 31. Luc. Her. 1. [Dio Chr.] XXXVII, 103. Marcell, 54; ср. разсказъ объ увѣнчаніи золотымъ вѣнкомъ ob historici stili praestantiam атѳидографа Клидема, Tertull. de an. 52); но и потомъ историки часто рецитировали свои произведенія (ср. Luc. de hist. conscr. 14 sqq. Athen. 432 b).—Тѣсныя отношенія между исторіей,—особенно поскольку она стремилась назидать (въ этомъ отношеніи любопытна надпись Филиппа, II в. по Р. Х., IG Pel. I 1153), или быть „философіей въ примѣрахъ“ ([Dion.] rhet. 11, 2; ср. Dion. A. R. V 56. 75),—и риторикой очень часто дѣлались предметомъ теоретическихъ обсужденій и даже опредѣленій, не всегда правда, удававшихся древнимъ (впрочемъ и новымъ) ученымъ, гл. обр., кажется, вслѣдствіе неустойчивости значенія термина ἱστορία (ср. *Volkmann*, Rhetorik,[2] 18 ff., также *Usener*, Dion. Hal. l. de imit. rel., 117 sqq. *Kaibel*, D. Proleg. π. κωμ., 18 ff. *Peter*, D. geschichtl. Litteratur üb. d. röm. Kaiserzeit, I 10 ff. II 184 ff.).

[1]) Терминъ παίγνιον не получилъ, впрочемъ, права гражданства въ теоріяхъ риторики, и возможно даже, что единственное наше свидѣтельство въ этомъ смыслѣ—показаніе [источника] Свиды, что Θρασύμαχος... ἔγραψε συμβουλευτικούς τέχνην ῥητορικὴν π α ί γ ν ι α ἀφορμὰς ῥητορικάς, давая именно такое обозначеніе одной изъ группъ сочиненій Ѳрасимаха, опиралось лишь на слова, которыми Горгій заканчивалъ свою „похвалу Елены“: ἐβουλήθην γράψαι τον λόγον Ἑλένης μὲν ἐγκώμιον, ἐμον δε παίγνιον (подобно тому, какъ наши сказители заканчивали иногда свою „славу“, или „старинку“ словами: То старина, то и дѣянье, Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье, Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье, и т. п.). Установить, какой смыслъ имѣло у Горгія слово παίγνιον, могло бы только длинное изслѣдованіе, которому пришлось бы, вѣроятно, считаться и съ вопросомъ объ исконномъ значеніи противопоставленнаго здѣсь этому слову слова ἐγκώμιον, и съ примѣненіемъ термина παίγνιον къ μῖμοι. Названіе ἐγκώμιον быть-можетъ не даромъ древніе ученые (ср. Theon. prog. I 35 W. Hermog. prog. I 227 W. Poll. IX 36. Et. M. 311, 26) объясняли тѣмъ, что ἐγκώμιον пѣлось первоначально ἐν κώμαις, т. е. на перекресткахъ, и такъ, что пѣлось оно ἐπὶ νίκαις, при чемъ дальнѣйшія ихъ разъясненія (исходившія, м. пр., и изъ сближенія ἐγκώμιον съ κωμῳδία) имѣютъ, кажется, въ виду присоединявшіяся тутъ же къ этимъ восхваленіямъ σκώμματα (παιγνία ἢ ἀκολασία, Dem. de eloc. 173; ср. Herod. II 173: κατέσκωπτε τούς συμπότας καί ἦν μάταιός τε καὶ παιγνιήμων. Stesich. fr. 50 B. Eur. Bacch. 160. Arist. Lys. 700. Apol-

въ похвалу и вмѣстѣ въ защиту прекрасной Елены; такъ могли назы-

---

lod. I 9, 26: τοὺς ἀριστέας ἔσκωπτον μετὰ παιγνίας), выражавшіяся и въ ποιήματα αὐτοσχέδια: что triumphus любилъ lusus, въ частности carmina ludicra (Mart. VII, 8) и у еллиновъ, какъ у римлянъ, прямо отмѣчаетъ Діонисій, A. R. VII 72 (ср. Crusius, *Philol.* LVII 502 f.; о существованіи этого обычая и въ Англіи и въ Венгріи—*Bruchmann*, Poetik, 27). Такъ въ сосѣдствѣ съ ἐγκώμια оказывались παίγνια; ср. Polyb. XVI 21, 12: πυνθανόμενος τὸν γινόμενον ἐκ πάντων ἔπαινον ὑπὲρ αὐτοῦ... ἔτι δὲ τὰς ἐπιγραφὰς καὶ τὰ διὰ τῶν ἀκροαμάτων εἰς αὐτὸν ᾀδόμενα παίγνια καθ' ὅλην τὴν πόλιν. Какъ видно и изъ этихъ словъ Полибія (о Тлеполемѣ), ψόγος не былъ обязательнымъ въ παίγνια, или обязательнымъ былъ во всякомъ случаѣ безобидный ψόγος; впрочемъ на этотъ счетъ у еллиновъ была своя мѣра дозволеннаго и не дозволеннаго,—о нихъ вообще можно было сказать то, что̀ сказалъ Плутархъ о народѣ аѳинскомъ: τῶν λόγων τοὺς παιγνιώδεις καὶ γελοίους ἀσπάζεται καὶ προτιμᾷ, τοῖς μὲν ἐπαινοῦσιν αὐτὸν μάλιστα χαίρει, τοῖς δὲ σκώπτουσιν ἥκιστα δυσχεραίνει (pr. ger. reip. 3). Такъ оказалось даже возможнымъ противопоставлять τὸ παιγνιῶδες и τὸ καταγέλαστον (ср. Plut. Arist. et Men. comp. 4); но прежде всего и больше всего представлявшееся этими παίγνια τὸ παιγνιῶδες противополагалось разсудочному (τὸ φρόνιμον, Xen. Hell. II 3, 56; ср. Herod. II 173), важному или торжественному (σεμνότατον, ср. Eust. 202, 10), серьезному или дѣловитому (σπουδαῖον, Plat. Leg. 796 B. 816 E. Pol. 288 C. Isocr. X 11. Dem. de eloc. 120), при чемъ это τὸ παιγνιῶδες могло заключаться или въ содержаніи, или въ формѣ, или въ не-соотвѣтствіи формы содержанію (ср. Dem. de eloc. 120, объ одномъ энкоміи софиста Поликрата: ἔπαιζε γάρ, οὐκ ἐσπούδαζε, καὶ αὐτὸς τῆς γραφῆς ὁ ὄγκος παίγνιόν ἐστιν). Различіе между ἐγκώμιον и παίγνιον, какъ и вообще между παίγνιον и не-παίγνιον, становилось, т. о., относительнымъ и субъективнымъ; какъ серьезно задуманное и торжественно произнесенное ἐγκώμιον (напр. царю или тиранну) слушателю-философу могло показаться забавнымъ (Plat. Theaet. 174 D sqq.), такъ и самое составленіе энкомія (въ зависимости отъ того, кому или какъ онъ составлялся) могло служить предметомъ забавы для составителя, т. е. или отдыхомъ отъ труда, или трудомъ, замѣняющимъ отдыхъ,—не говоря уже о томъ, что авторъ могъ выдавать стоившее ему много труда за написанное имъ въ видѣ развлеченія, или же могъ желать цѣною своего труда доставить развлеченіе слушающей или читающей публикѣ; такъ въ содержаніи παιγνίας ἀκολασίαν могла заслонять собою εἰρωνεία (которую находитъ Аристотель, rhet. 1408 b, у Горгія—быть-можетъ опираясь на его „ἐμὸν δὲ παίγνιον“, и въ „Фэдрѣ“ Платона—быть-можетъ опираясь на его „οὐκοῦν ἤδη πεπαίσθω μετρίως ἡμῖν τὰ περὶ λόγων“, 278 B; кстати: и свое выступленіе съ эпитафіемъ Аспасіи въ „Менексенѣ“ Платонъ—опять-таки μετ' εἰρωνείας—называетъ παίζειν). Въ такомъ кругѣ или рядѣ представленій приходится искать и объясненія заключительнымъ словамъ „Елены“ Горгія и вмѣстѣ тому, что если уже не терминъ, то понятіе παίγνιον должно было найдти себѣ примѣненіе и въ краснорѣчіи, какъ оно вмѣстѣ съ своимъ терминомъ нашло себѣ примѣненіе въ поэзіи (ср. παίγνιον Филита у Stob. Fl. 81, 4, τὰ νομευτικὰ παίγνια Ѳеокрита у Ael. n. a. XV 19, τὸ ᾠὸν καὶ ἄλλα παίγνια Симія у Hephaest. 9, или „ἐμὰ παίγνια“ Стратона, Anth. Pal. XII 258). Но нужно имѣть въ виду и то, что παίγνιον не только сопровождало ἐγκώμιον, вмѣстѣ съ которымъ оно и перешло изъ (устной) поэзіи въ (устную) прозу, но и было спеціальностью греческихъ „веселыхъ людей“, или „глумотворцевъ“, т. е. софистовъ-скомороховъ, а въ этой области мы встрѣчаемся потомъ съ дѣленіемъ мимовъ на παίγνια и ὑποθέσεις (Plut. qu. conv. VII 8, 4; ср. *Reich*, Mimus, I 417 ff.), т. е. вѣроятно уже съ выдѣленіемъ изъ παίγνια этихъ ὑποθέσεις, названіе которыхъ было техническимъ терми-

Рядомъ съ этими торжественными или серьезными рѣчами упоминаются, въ V—IV в., и *παίγνια*[1]): такъ называетъ Горгій свою рѣчь

все больше заявляли себя ἀκρίβεια и περιττολογία, и соотвѣтственно этому все дальше шла спеціализація (такъ что впослѣдствіи выступали и такіе ораторы, которые брались произнести экспромптомъ рѣчь на предложенную кѣмъ-либо изъ публики тему—лишь въ предѣлахъ своей спеціальности, напр. грамматики или врачи, ср. *Lehrs*, Aristarch[2] 217 f. *Rohde*, Kl. Schr. II 449 f.); но принципіально порвать со своей πολυμαθίη (ср. о ней и Philod. I 204 sqq. II 57 sq.) софисты не могли уже потому, что они успѣли взять на себя, наряду съ популяризаціей знаній, и образованіе τῶν νέων.—Исторія, такъ часто примѣнявшаяся въ публичныхъ рѣчахъ или лекціяхъ въ качествѣ средства (т. е. одного изъ средствъ) изложенія или изображенія, нерѣдко становилась и ихъ предметомъ (ср. выше стр. 50, пр. 3, и приведенную въ предыдущемъ примѣчаніи надпись о читавшемъ въ Дельфахъ публичныя лекціи историографѣ).—Трудно рѣшить, сколько правды въ разсказахъ о томъ, что Геродотъ читалъ свою исторію и въ Аѳинахъ (вызвавъ слезы присутствовавшаго при этой ἐπίδειξις отрока Ѳукидида), и въ Олимпіи, и въ Коринѳѣ и Ѳивахъ (Plut. de Her. mal. 26. 31. Luc. Her. 1. [Dio Chr.] XXXVII, 103. Marcell, 54; ср. разсказъ объ увѣнчаніи золотымъ вѣнкомъ ob historici stili praestantiam атѳидографа Клидема, Tertull. de an. 52); но и потомъ историки часто рецитировали свои произведенія (ср. Luc. de hist. conscr. 14 sqq. Athen. 432 b).—Тѣсныя отношенія между исторіей,—особенно поскольку она стремилась назидать (въ этомъ отношеніи любопытна надпись Филиппа, II в. по Р. Х., IG Pel. I 1153), или быть „философіей въ примѣрахъ“ ([Dion.] rhet. 11, 2; ср. Dion. A. R. V 56. 75),—и риторикой очень часто дѣлались предметомъ теоретическихъ обсужденій и даже опредѣленій, не всегда правда, удававшихся древнимъ (впрочемъ и новымъ) ученымъ, гл. обр., кажется, вслѣдствіе неустойчивости значенія термина ἱστορία (ср. *Volkmann*, Rhetorik,[2] 18 ff., также *Usener*, Dion. Hal. l. de imit. rel., 117 sqq. *Kaibel*, D. Proleg. π. κωμ., 18 ff. *Peter*, D. geschichtl. Litteratur üb. d. röm. Kaiserzeit, I 10 ff. II 184 ff.).

[1]) Терминъ παίγνιον не получилъ, впрочемъ, права гражданства въ теоріяхъ риторики, и возможно даже, что единственное наше свидѣтельство въ этомъ смыслѣ—показаніе [источника] Свиды, что Θρασύμαχος... ἔγραψε συμβουλευτικούς τεχνην ῥητορικὴν π α ί γ ν ι α ἀφορμὰς ῥητορικάς, давая именно такое обозначеніе одной изъ группъ сочиненій Ѳрасимаха, опиралось лишь на слова̀, которыми Горгій заканчивалъ свою „похвалу Елены“: ἐβουλήθην γράψαι τον λόγον Ἑλένης μὲν ἐγκώμιον, ἐμὸν δὲ παίγνιον (подобно тому, какъ наши сказители заканчивали иногда свою „славу“, или „старинку“ словами: То старина, то и дѣянье, Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье, Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье, и т. п.). Установить, какой смыслъ имѣло у Горгія слово παίγνιον, могло бы только длинное изслѣдованіе, которому пришлось бы, вѣроятно, считаться и съ вопросомъ объ исконномъ значеніи противопоставленнаго здѣсь этому слову слова ἐγκώμιον, и съ примѣненіемъ термина παίγνιον къ μῖμοι. Названіе ἐγκώμιον быть-можетъ не даромъ древніе ученые (ср. Theon. prog. I 35 W. Hermog. prog. I 227 W. Poll. IX 36. Et. M. 311, 26) объясняли тѣмъ, что ἐγκώμιον пѣлось первоначально ἐν κώμαις, т. е. на перекресткахъ, и такъ, что пѣлось оно ἐπὶ νίκαις, при чемъ дальнѣйшія ихъ разъясненія (исходившія, м. пр., и изъ сближенія ἐγκώμιον съ κωμῳδία) имѣютъ, кажется, въ виду присоединявшіяся тутъ же къ этимъ восхваленіямъ σκώμματα (παιγνία ἢ ἀκολασία, Dem. de eloc. 173; ср. Herod. II 173: κατέσκωπτε τοὺς συμπότας καὶ ἦν μάταιός τε καὶ παιγνιήμων. Stesich. fr. 50 B. Eur. Bacch. 160. Arist. Lys. 700. Apol-

въ похвалу и вмѣстѣ въ защиту прекрасной Елены; такъ могли назы-

---

lod. I 9, 26: τοὺς ἀριστέας ἔσκωπτον μετὰ παιγνίας), выражавшіяся и въ ποιήματα αὐτοσχέδια: что triumphus любилъ lusus, въ частности carmina ludicra (Mart. VII, 8) и у еллиновъ, какъ у римлянъ, прямо отмѣчаетъ Діонисій, A. R. VII 72 (ср. Crusius, *Philol.* LVII 502 f.; о существованіи этого обычая и въ Англіи и въ Венгріи—*Bruchmann*, Poetik, 27). Такъ въ сосѣдствѣ съ ἐγκώμια оказывались παίγνια; ср. Polyb. XVI 21, 12: πυνθανόμενος τὸν γινόμενον ἐκ πάντων ἔπαινον ὑπὲρ αὐτοῦ... ἔτι δὲ τὰς ἐπιγραφὰς καὶ τὰ διὰ τῶν ἀκροαμάτων εἰς αὐτὸν ᾀδόμενα παίγνια καθ' ὅλην τὴν πόλιν. Какъ видно и изъ этихъ словъ Полибія (о Тлеполемѣ), ψόγος не былъ обязательнымъ въ παίγνια, или обязательнымъ былъ во всякомъ случаѣ безобидный ψόγος; впрочемъ на этотъ счетъ у еллиновъ была своя мѣра дозволеннаго и не дозволеннаго,—о нихъ вообще можно было сказать то, что̀ сказалъ Плутархъ о народѣ аѳинскомъ: τῶν λόγων τοὺς παιγνιώδεις καὶ γελοίους ἀσπάζεται καὶ προτιμᾷ, τοῖς μὲν ἐπαινοῦσιν αὐτὸν μάλιστα χαίρει, τοῖς δὲ σκώπτουσιν ἥκιστα δυσχεραίνει (pr. ger. reip. 3). Такъ оказалось даже возможнымъ противопоставлять τὸ παιγνιῶδες и τὸ καταγέλαστον (ср. Plut. Arist. et Men. comp. 4); но прежде всего и больше всего представлявшееся этими παίγνια τὸ παιγνιῶδες противополагалось разсудочному (τὸ φρόνιμον, Xen. Hell. II 3, 56; ср. Herod. II 173), важному или торжественному (σεμνότατον, ср. Eust. 202, 10), серьезному или дѣловитому (σπουδαῖον, Plat. Leg. 796 B. 816 E. Pol. 288 C. Isocr. X 11. Dem. de eloc. 120), при чемъ это τὸ παιγνιῶδες могло заключаться или въ содержаніи, или въ формѣ, или въ не-соотвѣтствіи формы содержанію (ср. Dem. de eloc. 120, объ одномъ энкоміи софиста Поликрата: ἔπαιζε γάρ, οὐκ ἐσπούδαζε, καὶ αὐτὸς τῆς γραφῆς ὁ ὄγκος παίγνιόν ἐστιν). Различіе между ἐγκώμιον и παίγνιον, какъ и вообще между παίγνιον и не-παίγνιον, становилось, т. о., относительнымъ и субъективнымъ; какъ серьезно задуманное и торжественно произнесенное ἐγκώμιον (напр. царю или тиранну) слушателю-философу могло показаться забавнымъ (Plat. Theaet. 174 D sqq.), такъ и самое составленіе энкомія (въ зависимости отъ того, кому или какъ онъ составлялся) могло служить предметомъ забавы для составителя, т. е. или отдыхомъ отъ труда, или трудомъ, замѣняющимъ отдыхъ,—не говоря уже о томъ, что авторъ могъ выдавать стоившее ему много труда за написанное имъ въ видѣ развлеченія, или же могъ желать цѣною своего труда доставить развлеченіе слушающей или читающей публикѣ; такъ въ содержаніи παιγνίας ἀκολασίαν могла заслонять собою εἰρωνεία (которую находитъ Аристотель, rhet. 1408 b, у Горгія—быть-можетъ опираясь на его „ἐμὸν δὲ παίγνιον", и въ „Фэдрѣ" Платона—быть-можетъ опираясь на его „οὐκοῦν ἤδη πεπαίσθω μετρίως ἡμῖν τὰ περὶ λόγων", 278 B; кстати: и свое выступленіе съ эпитафіемъ Аспасіи въ „Менексенѣ" Платонъ—опять-таки μετ' εἰρωνείας—называетъ παίζειν). Въ такомъ кругѣ или рядѣ представленій приходится искать и объясненія заключительнымъ словамъ „Елены" Горгія и вмѣстѣ тому, что если уже не терминъ, то понятіе παίγνιον должно было найдти себѣ примѣненіе и въ краснорѣчіи, какъ оно вмѣстѣ съ своимъ терминомъ нашло себѣ примѣненіе въ поэзіи (ср. παίγνιον Филита у Stob. Fl. 81, 4, τὰ νομευτικὰ παίγνια Ѳеокрита у Ael. n. a. XV 19, τὸ ᾠὸν καὶ ἄλλα παίγνια Симія у Hephaest. 9, или „ἐμὰ παίγνια" Стратона, Anth. Pal. XII 258). Но нужно имѣть въ виду и то, что παίγνιον не только сопровождало ἐγκώμιον, вмѣстѣ съ которымъ оно и перешло изъ (устной) поэзіи въ (устную) прозу, но и было спеціальностью греческихъ „веселыхъ людей", или „глумотворцевъ", т. е. софистовъ-скомороховъ, а въ этой области мы встрѣчаемся потомъ съ дѣленіемъ мимовъ на παίγνια и ὑποθέσεις (Plut. qu. conv. VII 8, 4; ср. *Reich*, Mimus, I 417 ff.), т. е. вѣроятно уже съ выдѣленіемъ изъ παίγνια этихъ ὑποθέσεις, названіе которыхъ было техническимъ терми-

ваться и другія рѣчи, иногда порицавшія или обвинявшія, обыкновенно же восхвалявшія или защищавшія разныхъ миѳическихъ или эпическихъ героевъ и героинь; такъ могли называться и рѣчи въ похвалу соли, мышей, мухи и т. п.[1]). Были ли то шутки, выражавшія собою способ-

номъ и риторики; и можетъ-быть здѣсь мы въ правѣ видѣть и другой исходный пунктъ риторическихъ παίγνια. Реально (если не номинально) во всякомъ случаѣ существовали риторическія παίγνια, и надо думать—еще раньше Горгія, хотя мы и не знаемъ, каково было (если не παίγνια) ихъ видовое имя (возможно даже, что его и не было вовсе,—тѣмъ болѣе, что τέχναι ῥητορικαί не имѣли особеннаго расчета заниматься этой группой эпидейктическихъ рѣчей). Позднѣе подобныя рѣчи носили названіе λαλιαί, и—правда, не полную и не отчетливую—теорію τοῦ τῆς λαλιᾶς εἴδους, „особенно полезнаго софисту“, находимъ въ π. ἐπιδ. [Менандра], 83 sqq. B., гдѣ м. пр. отмѣчается, что это εἶδος χαίρει τῇ γλυκύτητι καὶ τῇ τῶν διηγημάτων ἀβρότητι, что διὰ λαλιᾶς ἔξεστιν ἐγκωμιάζειν καὶ ψέγειν (ἢ ἀποσκώπτοντα ἢ κωμῳδεῖν ἐπιχειροῦντα ἢ ψέγοντα). Краткая λαλιά—въ такомъ случаѣ называвшаяся προλαλιά—нерѣдко открывала собою ἐπίδειξιν софиста (нѣсколько такихъ προλαλιαί мы имѣемъ между сочиненіями Лукіана). Хотя [Менандръ] 86 sq. и видѣлъ отличіе λαλιᾶς отъ остальныхъ рѣчей не только въ томъ, что λαλιά могла имѣть любое содержаніе, но и въ томъ, что она не наблюдала или не соблюдала τάξιν οὐδεμίαν ἐκ τέχνης, но различіе ея отъ—извѣстной намъ изъ Филострата—μελέτη едва-ли не сводилось лишь къ тому, что λαλιά больше ἔπαιζε, нежели ἐσπούδαζεν, а μελέτη больше ἐσπούδαζε, нежели ἔπαιζεν, или если ἔπαιζε, то ἔπαιζε σπουδῇ (какъ выражается Ксенофонтъ, Cyr. VI 1, 6), а потому и наши „παίγνια“ могли разрѣшиться, какъ въ λαλιαί, такъ и въ μελέται,—и это тѣмъ болѣе, что тѣ παίγνια скоро оказались какъ нельзя болѣе пригодными и для риторической παιδείας, и не только въ качествѣ учебнаго матеріала, но и въ качествѣ педагогическаго пріема.—Еще въ IV в. по Р. Х. Ѳемистій (XXVI, 315) противопоставляетъ τὸ παιγνιῶδες софистовъ своему σεμνὸν εἶδος τοῦ λέγειν; ср. π. ὕψ. 3, 2 (о Горгіи и др.): ἐνθουσιᾶν ἑαυτοῖς δοκοῦντες οὐ βακχεύουσιν ἀλλὰ παίζουσιν.

[1]) Къ παίγνια (какъ потомъ къ μελέται или λαλιαί) можно было бы относить вообще всѣ рѣчи, не имѣвшія торжественнаго (какъ ἐγκώμια боговъ, героевъ, царей, πόλεων, какъ πανηγυρικοί или ἐπιτάφιοι) и дѣлового (какъ δημηγορικοί, δικανικοί, πρεσβευτικοί, или συμβουλευτικοί, προτρεπτικοί и т. п.) характера или назначенія.—Прежде всего, повидимому, παίγνια примкнули къ ἐγκώμια, и именно къ ἐγκώμια боговъ или „полубоговъ“ (обходя, разумѣется, особенно или особливо чтимыхъ, или мѣстно чтимыхъ). Тутъ они могли работать заодно съ философіей или наукой, „критиковавшей“ (въ общемъ или въ подробностяхъ) миѳологическія и поэтическія πλάσματα τῶν προτέρων; тѣснѣе, однако, въ трактованіи миѳологическихъ образовъ примыкали они къ мимамъ и къ сатирическимъ драмамъ (ср. *Reich*, Mimus, I 239 ff. 541 ff. *Dieterich*, Pulcinella, 55 ff.), къ комедіи (особенно сицилійской), поскольку она сближалась съ будущей ἱλαροτραγῳδία, къ эпической поэзіи, поскольку въ ней (такъ уже Odyss. VIII 266 sqq. или XII 374 sqq.) бывалъ представленъ пародистическій или „реалистически-юмористическій“ элементъ (ср. Βατραχομυομαχία), къ мелической поэзіи, поскольку она carminis onera lyra sustinuit, какова была (Quint. X 1, 62) поэзія Стесихора.—На такой почвѣ и появляются похвалы Еленѣ—Горгія, Исократа, Анаксимена и др., или похвала Бусириду Поликрата, вызвавшая соотвѣтственное сочиненіе Исократа (если, какъ мы знаемъ и изъ разсказа объ „Еленахъ“ Стесихора, Plat. Phaedr. 243 A sq., Елена часто бывала

ность еллиновъ удивительно-легко дѣлать тотъ шагъ, который отдѣляетъ

предметомъ сочувственныхъ или несочувственныхъ изображеній въ поэзіи, то Бусиридъ игралъ видную роль въ сицилійской комедіи и въ сатирической драмѣ).—Объ одномъ авторѣ похвалы Еленѣ (для меня не подлежитъ сомнѣнію, что о Горгіи) говоритъ Исократъ (въ своей „Еленѣ", 14 sq.), что вмѣсто обѣщаннаго ἐγκώμιον онъ далъ ἀπολογίαν (ср. Isocr. Βούσιρις, 4 sq.). И въ самомъ дѣлѣ, очень легокъ былъ переходъ отъ παίγνια въ формѣ рѣчей въ похвалу миѳическихъ лицъ къ παίγνια въ формѣ рѣчей въ ихъ защиту, а потомъ и въ формѣ защитительныхъ или обвинительныхъ рѣчей отъ ихъ имени (таковы были „Паламедъ" Горгія, „Αἴας" и „Одиссей" Антисѳена, „Одиссей" [Алкидаманта]); мѣсто миѳическихъ лицъ скоро въ подобныхъ рѣчахъ (такъ уже—въ антифонтовыхъ тетралогіяхъ) заняли лица фиктивныя.—Какъ ἐγκώμιον совершенно вытѣснило собою въ области этихъ παίγνια ψόγον или μῶμον, такъ и судебныя рѣчи оттѣснили собою рѣчи похвальныя—и именно потому прежде всего, что, какъ похвальныя рѣчи гораздо больше, нежели порицательныя, такъ и судебныя гораздо больше, нежели похвальныя, оказывались пригодными не только „на потѣшенье" ихъ составителямъ и „добрымъ людямъ на послушанье", но и „молодымъ молодцамъ на перениманье": склонность и способность къ παίζειν („игры творить", какъ, повидимому, передается это слово въ знаменитомъ изреченіи Домостроя) какъ нельзя больше пригодилась софистамъ или риторамъ, когда они взяли на себя подготовленіе молодыхъ людей къ жизни и дѣятельности; и извѣстно, какъ прочно утвердились такія—образцовыя, особенно-же пробныя—судебныя рѣчи, а за ними и собственно-политическія, или „совѣщательныя", въ обиходѣ античныхъ риторическихъ школъ, и какъ τὸ παιγνιῶδες перешло на этой почвѣ въ τὸ παιδαριῶδες, σχολή—въ схоластику.—Какъ торжественныя ἐγκώμια съ боговъ или героевъ перенесены были на „людей" (эту заслугу Исократъ, Euag. 8, приписываетъ себѣ; вѣроятно онъ не правъ, хотя показаніе Аристотеля, rhet. 1368 a, объ энкоміи Гиппoлоха такъ же мало ясно, какъ мало надежно его толкованіе у Wilamovitz, *Hermes* XXXV 534 f.), такъ перенесены были на людей и ἐγκώμια-παίγνια, ἀπολογίαι и κατηγορίαι (вродѣ апологій Сократа), сдѣлавшись впрочемъ достояніемъ уже не публичныхъ λόγων, а публицистическихъ συγγραμμάτων и перейдя потомъ, вмѣстѣ съ тѣми торжественно-произносившимися энкоміями, въ біографическую (также въ автобіографическую, или мемуаристическую), потомъ и въ агіографическую литературу.—Ἐγκώμια πόλεων риторическія παίγνια успѣли затронуть собою, кажется, лишь постольку, поскольку въ нихъ могъ быть представленъ ψόγος, т. е. поскольку восхвалявшаяся πόλις превозносилась на счетъ другихъ, съ нею враждовавшихъ или соперничавшихъ.—Естественно, что παίγνια въ видѣ похвалъ (или апологій) миѳическихъ лицъ были больше реалистичны. чѣмъ историчны, и больше теоретичны, чѣмъ реалистичны, что они преслѣдовали не историческую, не индивидуальную, а теоретическую и типическую правду: такъ у Горгія похвала Еленѣ переходитъ въ похвалу слову и въ похвалу любви, у Исократа—въ похвалу красотѣ, и чрезвычайно характерно въ этомъ смыслѣ ироническое напоминаніе Сократа (Plat. Phaedr. 242 B sqq.) о томъ, что Ἔρως, за и противъ котораго говорятся рѣчи, есть сынъ Афродиты и богъ (какъ и вообще, конечно, болѣе чѣмъ характерны для исторіи παίγνια ἐρωτικοί и все что къ нимъ относится въ „Федрѣ" и въ „Пирѣ" Платона). Такъ похвалы богамъ или героямъ, олицетворявшимъ ту или другую добродѣтель, то или иное качество, могли переходить въ похвалы этимъ добродѣтелямъ или качествамъ, и παίγνια сближались т. о. съ этическими разсужденіями или поученіями (ἔχει δὲ κοινὸν εἶδος ὅ ἔπαινος καὶ αἱ συμβουλαί, Arist. rhet. 1367 b), при чемъ конечно, различіе между ними

великое или высокое отъ смѣшного или низкаго—Иліаду отъ Войны

могло быть только относительнымъ, затрогивая собою иногда отдѣльно форму и отдѣльно содержаніе; ср., напр., упомянутыя выше, стр. 50 съ прим. 2, рѣчи Гиппія и Продика и примкнувшую къ нимъ „діатрибу", съ ея склонностью къ персонификаціи отвлеченныхъ понятій (*Norden*, А. К. 129 ff.); что содержаніе было не только субъективнымъ, но и измѣнчивымъ критеріемъ τοῦ σεμνύεσθαι и τοῦ σκώπτειν, τοῦ σπουδάζειν и τοῦ παίζειν, ясно видно, напр., изъ того, что еще Исократъ, X, 8, приравнивалъ къ θαυματοποιίαι рѣчи (киниковъ), доказывавшія, что жизнь нищихъ и изгнанниковъ завиднѣе жизни прочихъ людей.—Все расширяя сферу своего вѣдѣнія (т. е. „игротворенія"), то играя содержаніемъ, то формой, то забавляясь ихъ взаимнымъ несоотвѣтствіемъ, риторическія παίγνια не только стали дѣлать изъ всѣхъ рѣшительно πράγματα ὑποθέσεις своихъ похвалъ (или порицаній), но даже стали предпочитать ὑποθέσεις возможно-болѣе ἀδόξους,—потому что на такихъ ὑποθέσεις наиболѣе выгоднымъ для ораторовъ, наиболѣе занятнымъ для слушателей—и наиболѣе поучительнымъ для учениковъ образомъ могла заявить себя способность τὰ σμικρὰ μεγάλα ποιεῖν, или τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι. Уже во времена Платона и Исократа предметами похвальныхъ словъ оказывались и мыши, и соль, и χύτραι, и ψῆφοι, и βομβυλιοί (Ср. Isocr. X 12. Plat. Conv. 177 C. Arist. rhet. 1401 a sq. Alex. III p. 3 Sp.). Особенно прославился тогда какъ составитель „парадоксальныхъ" энкоміевъ Поликратъ, которому принадлежали энкоміи и εἰς τοὺς μῦς, и εἰς χύτρας и ψήφους, какъ и похвала Бусириду (ср. Philod. I 216 Sdh.) и Обвиненіе Сократа (см. *Blass*, A. B. II² 367 ff.). Какъ узнаемъ изъ Риторики Аристотеля l. c., Поликратъ утверждалъ σπουδαῖον εἶναι μῦν ссылаясь, м. пр., на то, что названіе πασῶν τιμιωτάτης τελετῆς—μυστήρια происходитъ отъ μῦς (при чемъ, быть можетъ, имѣлось въ виду представленіе не о мышахъ какъ „хтоническихъ демонахъ", *Gruppe*, Gr. Myth. 803, а о превращеніи въ мышей, какъ и въ змѣй, погребенныхъ, ср. указанную у Gruppe l. c. литературу), и на то, что мыши помогли въ войнѣ перегрызя вражескія тетивы (это былъ сказочный мотивъ—ср. Herod. II 141,—особенно часто примѣнявшійся къ σμίνθοι Троады, съ ея культомъ τοῦ Σμινθέως Ἀπόλλωνος: Strab. 605, со ссылкой, м. пр., на Каллина. Schol. AD ad Il. I 39; ср. *Gruppe*, Gr. M. 301); такъ и восхвалявшій собаку (киникъ?) вспоминалъ, по Аристотелю, и небесную Собаку, и Пана. Быть-можетъ эти похвалы животнымъ на первыхъ порахъ играли такую же роль въ исторіи перехода отъ миѳа, сказки, эпоса (ср. басню о мышкѣ, Arist. Vesp. 1181 sqq., и Батрахоміомахію) къ наукѣ, какую—мы видѣли—играли παίγνια, восхвалявшія или порицавшія миѳическихъ или эпическихъ героевъ; слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что еллины тоже пережили эпоху тотемизма (какъ и вообще фетишизма), что даже и тогда, когда они научились считать человѣка царемъ природы, пропасть между ними и животными (а также растеніями) имъ долго не казалось болѣе глубокой, чѣмъ пропасть между ними и „варварами" (особенно поучительны въ этомъ отношеніи διαλέξεις софиста II в. по Р. Х. Максима тирскаго). Позднія риторическія руководства предполагаютъ уже какъ особый родъ энкоміевъ энкоміи животныхъ, какъ и растеній (Hermog. prog. 13 sq. W. [Dion.] rhet. 6. Men. 31 B.). Возможно, что не безъ взаимной связи развивались эти энкоміи и сочиненія περὶ ζῴων (αἱ περὶ τὰ ζῷα ἱστορίαι) и περὶ φυτῶν.—Мы знаемъ изъ Платона, что ἅλες удостоились спеціальной похвалы πρὸς ὠφέλειαν, и возможно, что съ этой же точки зрѣнія оказался не только „дороже" прекраснаго (напр., Фидіевой Аѳины), но и прекраснымъ „печной горшокъ, въ которомъ варится пища"; по крайней мѣрѣ, χύτρα (какъ у Xenoph. Mem. III 8, 6—κόφινος κοπροφόρος) играетъ видную роль именно въ разсужденіи о

мышей и лягушекъ, трагедію отъ сатирической драмы или отъ комедіи? Или эти παίγνια произносились въ серьезъ,—только въ нихъ формальное значеніе рѣчи преувеличивалось—доводилось до абсурда—въ ущербъ ея реальной или идейной сторонѣ, и названіе παίγνια было имъ дано въ отличіе отъ рѣчей серьезныхъ не по своей лишь техникѣ, а и по содержанію (или по назначенію)? Или терминъ παίγνια имѣетъ значеніе не шутки, не игрушки, не игры (мыслями и словами), а педагогическаго пріема, и въ этихъ παίγνια слѣдуетъ видѣть риторическія упражненія школьнаго характера? На каждый изъ этихъ вопросовъ былъ данъ утвердительный отвѣтъ[1]); и возможно, что вѣрны всѣ эти отвѣты. Еллинская склонность радоваться разрѣшенію важнаго, серьезнаго въ веселое, забавное, еллинская способность наслаждаться красотою рѣчи и помимо ея прямого назначенія, наслаждаться игрой словами и мыслями не могла не искать себѣ выраженія и въ краснорѣчіи (какъ она нашла

καλόν по отношенію къ χρήσιμον и ὠφέλιμον въ діалогѣ Hipp. maj. 288 D sqq. Не невозможно, впрочемъ, и то что, χύτρα или χύτραι (ее или ихъ восхвалялъ Поликратъ, по Александру l. c., правда, наряду съ ψῆφοι) чрезъ посредство χυτρίδες (ср. Athen. XI 464 b с—о χυτρίδες Ῥοδιακαί) сближались съ βομβυλιοί (ср. Athen. XI 784 d—о βομβυλιός, θηρίκλειον Ῥοδιακόν, восхвалявшемся на счетъ фіалы, поскольку дѣло касалось его ἰδέας, т. е., проще говоря, τρόπου πόσεως, повидимому и ἐν τοῖς Προτρεπτικοῖς Антисөена, ср. Poll. X 68; подобныя темы разрабатывались еще у Критія, fr. 6. 33 sq. Diels). Какъ бы то ни было, нѣтъ необходимости предполагать, что Исократъ имѣлъ въ виду одно лицо, одного автора, когда говорилъ о „принимавшихся хвалить τοὺς βομβυλιοὺς καὶ τοὺς ἅλας καὶ τὰ τοιαῦτα"; тѣмъ меньше надобности спорить (литература вопроса указана у Muenscher, *Rh. M.*, LIV 254 ff.), былъ-ли то Поликратъ, или Антисөенъ. или Алкидамантъ; и Платонъ, упомянувъ о похвалѣ соли, продолжаетъ: καὶ ἄλλα τοιαῦτα συχνὰ ἴδοις ἂν ἐγκεκωμιασμένα.—Діону Хрисостому принадлежали похвалы комара и попугая, и приписывалась похвала волосъ, которой Синезій противопоставилъ потомъ похвалу плѣши; Лукіанъ, чтобы превзойти авторовъ похвалъ μυῶν и комара, написалъ изящную похвалу мухи, μυίας, а также защитительную рѣчь, произнесенную Сигмою въ ея процессѣ съ Тау предъ судомъ семи гласныхъ (Δίκη φωνηέντων). Ср. также похвалу числу сто и смоковницѣ—[Jul.] ep. 27.—Въ общемъ, въ риторическихъ παίγνια (поскольку они не разрѣшались въ этическіе или научные трактаты, въ памфлеты, сатиры и т. п.) все больше выдвигался—особенно на почвѣ широкаго примѣненія ихъ въ школьной практикѣ—элементъ τοῦ σπουδάζειν περὶ τὰ παίγνια, какъ выражается Синезій, Dio p. 316; ὁπόσα οὐχ ὑπὲρ μεγάλων ἐσπούδασται τῷ Δίωνι—говоритъ Филостратъ, v. s. I 7, 1—μὴ μικρὰ ἡγώμεθα ἀλλὰ σοφιστικά, σοφιστοῦ γὰρ τὸ καὶ ὑπὲρ τοιούτων σπουδάζειν; οὐ πάντως καὶ τεθαυμακότες τὴν χύτραν ἢ τὰς ψήφους ἐπαινοῦμεν—поучалъ Александръ,—ἀλλὰ γυμνάζοντες ἑαυτοὺς πιθανοῖς τισὶ λόγοις.—Ср. также предисловіе Фронтона къ его laudes fumi et pulveris, p. 211.

[1]) Ср. *Blass*, A. B. I² 62 ff. 249. II² 372. Maass, *Hermes*, XXII, 575 f. *Norden*, De Minucii Fel. aetate, 26 sq. Gercke *Hermes*, XXXII, 355 f. Tiele, ib. XXXVI, 229 f. 242 f. *Б. Ф. Бурзи*, Школьный вопросъ въ др. Греціи, 29 сл.

себѣ выраженіе въ поэзіи). Такъ могли появиться эти *παίγνια*,—рѣчи расчитанныя на удовлетвореніе не возвышенныхъ, однако же и не низменныхъ—и столь-же законныхъ, какъ возвышенные,—интересовъ слушателей, рѣчи, предлагавшія имъ отдыхъ, не требовавшія отъ нихъ напряжненія. Но тѣмъ больше напряженія (т. е. тѣмъ большей виртуозности) могли эти *παίγνια* требовать отъ самого оратора—для него они могли становиться уже не «забавами» (*παιδιαί*), а «заботами» (*μελέται*). Зато тѣмъ пригоднѣе оказывались эти *παίγνια* въ качествѣ педагогическаго пріема, въ качествѣ средства риторической *παιδείας*, риторическаго обученія, риторической гимнастики ума, *γυμνασίας τῆς ψυχῆς*, по выраженію Исократа[1]). А краснорѣчіе было искусствомъ особенно требовавшимъ этой формальной выучки,—какъ съ другой стороны, оно требовало, конечно, и реальныхъ изученій. Такимъ тѣснымъ и близкимъ было въ еллинской словесности соотношеніе между содержаніемъ и формой, такой важной и видной стала въ еллинской жизни роль краснорѣчія, что риторика сдѣлалась даже у еллиновъ не только главнымъ предметомъ, но и господствующимъ методомъ образованія, какъ раньше этимъ предметомъ и методомъ служила эпическая поэзія.

Какъ у Гомера поютъ былины Ахиллей съ Патроколомъ[2]), а рядомъ выступаетъ сословіе былинныхъ пѣвцовъ или рапсодовъ,—такъ и рѣчи произносятся царями, ѳерситами, Ѳемистокломъ, Перикломъ, демагогами, полководцами[3]), обвинителями, обвиняемыми, но рядомъ съ

---

[1]) Isocr. XV 266. Ср. Crit. fr. 21 D.: ὁ πρῶτος εἰπὼν οὐκ ἀγυμνάστῳ φρενί.

[2]) Il. IX 186 sqq. Ср. *Pöhlmann*, Aus Altertum u. Gegenwart, 60 ff. (къ указаннымъ здѣсь аналогіямъ слѣдуетъ присоединить Эдду, Беовульфа 2105 sqq., также былины о Добрынѣ на свадьбѣ жены).—Il. III 54, Гекторъ Александру: οὐκ ἄν τοι χραίσμῃ κίθαρις (какъ мастерами играть въ гусли яровчаты являются—наряду съ Садкомъ—Ставръ, Соловей Будимировичъ, Чурило Пленковичъ).

[3]) Историки греческіе распространяютъ обыкновенно свою αἵρεσιν καὶ μελέτην кромѣ демегорій и посольскихъ рѣчей и на τὰς παρακλήσεις (Polyb. XII 25 a), на παραινέσεις стратеговъ передъ битвой (особенно характерно показаніе Ѳукидида V 69); военные писатели говорили потомъ, что военачальникомъ можетъ быть лишь ἱκανὸς λέγειν (ср. *Dehner*, Hadriani reliquiae I, 10). Это были λόγοι πολιτικοί, хотя конечно больше προτρεπτικοί, нежели συμβουλευτικοί: вѣдь войско было, въ основѣ своей, πολιτῶν τι πλῆθος (ср. плъкъ, folc, populus) и потому могло разсматриваться (какъ въ Иліадѣ) какъ вѣче (только не οἴκοι, а ἐπὶ στρατιᾶς),—какъ и вообще могла получиться ἀγορά (не τέλειος) и внѣ обычныхъ формальностей (ср. Od. II 28 sqq.), на которой тоже произносились политическія рѣчи; въ высшей степени характеренъ и для исторіи этого вида политическаго краснорѣчія, и для исторіи краснорѣчія вообще разсказъ Аѳинея (Посейдонія) объ Аониіонѣ (211 e sqq.).

ораторами не-профессіональными выступаетъ потомъ и сословіе (или нѣчто вродѣ сословія) ораторовъ, представителей эпидейктическаго краснорѣчія, получающихъ—знакомое уже намъ—названіе софистовъ[1]). По-

[1]) Названіе σοφισταί (ср. выше стр. 42 сл.)—отчасти на почвѣ специализаціи понятія σοφία—сдѣлалось специальнымъ обозначеніемъ представителей мудрости въ соединеніи съ краснорѣчіемъ, или краснорѣчія въ соединеніи съ мудростью и какъ таковое сохранилось нерушимо (ср. Phiod. pass. и упоминанія объ отдѣльныхъ „софистахъ" I в. до Р. Х. у Страбона, 614. 625. 630) до времени „второй софистики" (которую вѣдь и Филостратъ, давшій ей это имя, сближаетъ съ „древней" софистикой). Наряду съ поэтами (въ томъ числѣ и драматическими) или исполнителями ихъ произведеній, но и наряду съ музыкантами, аолетами, скоморохами, ближайшимъ-же образомъ примыкая къ рапсодамъ, заслоняя, смѣняя ихъ, выступали со своими λόγοι, со своими иногда „τερατολογίαι или περιττολογίαι, подобными ταῖς θαυματοποιίαις" (Isocr. X 7. XV 119 Plut. Soph. 234 C sqq.; ср. Apist. polit. 1341 a) и софисты; именно какъ искусство περί τε τὰς ἐπιδείξεις, οἵας αὐτοὶ ποιοῦνται, καὶ τὰς τῶν λόγων διαθέσεις, οἵων αὐτοὶ γράφουσίν τε καὶ σχεδιάζουσιν, опредѣляется софистика у Филодема (I 122; ср. I 50 Sdh.). Софисты рано стали и непосредственно преподавателями мудрости и краснорѣчія, краснорѣчія и мудрости; но, кажется, преподавательская ихъ дѣятельность—какъ бы ни было велико ея значеніе, и какъ бы ни было широко ея примѣненіе—была уже наслоеніемъ, такъ-сказать вторичной формаціей; первичной формаціей, основнымъ мотивомъ были ἐπιδείξεις (*v. Arnim*, Dio v. Pr., 9, полагаетъ, напротивъ, что sie sind in erster Linie als Lehrer aufzufassen); преподавателями дѣлались софисты въ сущности на томъ же основаніи, на какомъ дѣлались ими оплохмахи, μουσικοί, рапсоды, живописцы. Какъ ни выдвигается у Платона и особенно у Исократа „охота софистовъ за богатыми юношами", все же и у нихъ эта „продажа ἀρετῆς" выступаетъ на общемъ фонѣ ввозной или коробейной (καπηλικῆς) торговли софистовъ духовной пищею и питьемъ, на фонѣ ψυχεμπορικῆς, распадавшейся на ἐπιδεικτική и μαθηματοπωλική, причемъ предметомъ такой вывозной и ввозной (ἐκ πόλεως εἰς πόλιν) торговли могли служить вообще μουσική ξυνάπασα καὶ γραφική καὶ θαυματοποιική καὶ πολλὰ ἕτερα τῆς ψυχῆς, τὰ μὲν παραμυθίας, τὰ δὲ καὶ σπουδῆς χάριν ἀχθέντα καὶ πωλούμενα (Plat. Soph. 224 A sqq.).—Такъ объяснилось и разъяснилось бы и существованіе рядомъ съ софистами съ одной стороны риторовъ, съ другой—философовъ (или σοφοί) и рядомъ съ софистикой—съ одной стороны риторики, съ другой философіи (или σοφία). Границы между этими тремя категоріями не были ни отчетливыми, ни устойчивыми, и онѣ обыкновенно и сближались, и смѣшивались не только на практикѣ, но и въ теоріи; въ общемъ разграниченіе ихъ, поскольку уловимы его основанія, сводилось къ тому, что софисты представляли (т. е. имѣли представлять) собою столько же мудрость, сколько и краснорѣчіе, риторы—краснорѣчіе больше, нежели мудрость, и философы—мудрость больше, нежели краснорѣчіе. Именно сознаніе, что не возможно цѣльное сочетаніе, безъ ущерба для той или другой стороны, между мудростью и краснорѣчіемъ, что отношенія между ними могутъ быть скорѣе обратно, нежели прямо пропорціональными, что мудрость не можетъ, а краснорѣчіе не должно быть предметомъ τεχνης,—побуждало философовъ противопоставлять себя софистамъ, которые ἐκ τῶν τεχνῶν ἐκπηδῶσιν εἰς τὴν φιλοσοφίαν (Plat. Resp. 495 A sqq.), и доходить даже до отрицанія, заодно съ софистикой, и риторики (какъ τέχνης); съ этой точки зрѣнія и потомъ софистика рисовалась какъ συνθετόν τι καὶ μικτον ἐν μέσῳ ἀλαζονείας καὶ φιλοσοφίας πλαζόμενον (Luc. Fugit. 10). Названіемъ ῥήτορες обозначались обыкновенно

добно пѣвцамъ, подобно врачамъ, художникамъ, ремесленникамъ, софисты дѣлятся на корпораціи, группирующіяся вокругъ отдѣльныхъ представителей софистическаго искусства,—на «школы» составляющіяся изъ учителя и учениковъ[1]). И внѣшнія, и внутреннія отношенія «сословія» софистовъ

(такъ и въ офиціальномъ языкѣ—ср.,напр., Ditt.[2] 19. 935. Aeschin. I 35. Din. I 71) политическіе, также и судебные ораторы (т. е. представители риторики не политической, а софистической, ср. Philod. I 64. 122 Sdh.); риторами звались обыкновенно и преподаватели риторики (какъ грамматиками—преподаватели „грамматики“); само собою разумѣется, что и въ той, и въ другой роли нерѣдко выступали и софисты, какъ нерѣдко переступали они—навсегда или ненадолго—и ту границу, какая, больше на словахъ (и обыкновенно на платоновскихъ словахъ), чѣмъ на дѣлѣ, отдѣляла ихъ отъ философовъ (Діонъ Хрисостомъ, Лукіанъ, Максимъ тирскій). Филостратъ (v. soph. in.) вѣрно указываетъ на относительность нашихъ трехъ категорій, когда говоритъ, что σοφιστὰς οἱ παλαιοὶ ἐπωνόμαζον οὐ μόνον τῶν ῥητόρων τοὺς ὑπερφανοῦντάς τε καὶ λαμπρους, ἀλλὰ καὶ τῶν φιλοσόφων τοὺς ξὺν εὐροίᾳ ἑρμηνεύοντας. Какъ въ раздѣленіи, такъ и въ смѣшеніи этихъ трехъ категорій весьма важную роль играла, конечно, и борьба отдѣльныхъ школъ—какъ внутри, такъ и внѣ этихъ категорій.—Попытка Платона разграничить эти категоріи и въ его, и въ послѣдующее время имѣла такъ же мало успѣха, какъ и попытка принизить званіе софиста; что оно оставалось попрежнему πάντιμον ὄνομα, объ этомъ говорятъ не только анекдоты о софистахъ, (Philostr. II 31, 1. Eunap. v. Lib. 100 B.), но и офиціальныя надписи, чествующія „софистовъ“ (ср. напр., Ditt[2]. 382. 412 sqq. GDI 3815, также надгр. надп. BCH X 157: Μόδεστος σοφιστὴς εἰς μετὰ τῶν ἑπτὰ σοφῶν μὴ γεμίσας εἴκοσι πέντε ἔτη).

[1]) Какъ было отмѣчено выше (стр. 43 сл., прим.), сословіе (пользуемся этимъ терминомъ за неимѣніемъ лучшаго) „софистовъ“ присоединилось къ другимъ сословіямъ, наслѣдовавшимъ функціи гомеровскихъ деміоерговъ. У Платона софисты часто (ср. Protag. 312 C sq. 328 A. 345 A.) сопоставляются съ ремесленниками, и повидимому (ср. Gorg. 450 B) и сами софисты ничего не имѣли противъ такого сопоставленія,—они подчеркивали только, что ихъ τέχνη—не περὶ χειρουργίας, a περὶ λόγους. Но это различіе было весьма существеннымъ: вѣдь τέχνη περὶ λόγους занималась производствомъ отдѣльныхъ рѣчей, произносившихся отдѣльными софистами, рѣчей, существованіе которыхъ длилось лишь пока длилась ἐπίδειξις (издавая свои рѣчи, софисты, строго говоря, переставали быть софистами—становились συγγραφεῖς); такое производство, естественно, не могло быть кооперативнымъ—по крайней мѣрѣ если говорить о коопераціи въ пространствѣ (потому что коперація во времени могла найдти себѣ примѣненіе и въ этомъ—индивидуалистическомъ въ своихъ способахъ и результатахъ—производствѣ,—поскольку вырабатывались, становясь традиціонными, или даже шаблонными, извѣстные пріемы риторической техники). Поэтому не могло быть рѣчи объ организаціи софистовъ въ профессіональные союзы, на подобіе ремесленныхъ или торговыхъ корпорацій, или на подобіе корпорацій мѣстныхъ врачей ὅσοι δημοσιεύουσιν (какъ въ Аѳинахъ, Mich. 685), или ὑμνῳδῶν, или τῶν περὶ τον Διόνυσον τεχνιτῶν, или γελωτοποιῶν, (Athen. 260 b. 613 d sqq.), или на подобіе александрійскаго Мусэя (тексты, сюда относящіеся, указаны у *Ziebarth*, D. griech. Vereinswesen, 18 ff. 73 ff. 96 ff., и *Rhein. Mus*, LV 501 ff.). Но съ достаточной степенью вѣроятности можемъ мы предположить, что, какъ къ отдѣльнымъ ремесленникамъ, зодчимъ, ваятелямъ, живописцамъ, музыкантамъ, рапсодамъ, врачамъ, такъ и къ отдѣльнымъ софистамъ отдавались въ

были гораздо свободнѣе, нежели въ другихъ профессіяхъ, уже по одному

ученье, и именно съ тѣмъ, чтобы потомъ зарабатывать хлѣбъ въ качествѣ профессіональныхъ софистовъ, молодые люди, такъ что получались отношенія, знакомыя намъ и изъ цеховаго строя—отношенія мастера (или магистра) и учениковъ; только тутъ дѣло обходилось уже безъ той наслѣдственности въ передачѣ ремесла, о которой упоминаетъ Платонъ, когда сравниваетъ софистовъ съ другими деміургами (Prot. 328 a sqq.), и которая долго играла роль, напр., у художниковъ (ср. *Guiraud*, La main-d'oeuvre industr. d. l'anc. Grèce, 65 s.) или врачей (Gal. II 280 K.; ср. *Herzog*, Koische Forsch. 200 ff.). Конечно, число такихъ учениковъ у мастеровъ софистическаго искусства не могло быть значительнымъ, и скоро эти „ученики" растворились въ массѣ другого рода учениковъ, искавшихъ у софистовъ не профессіональнаго, а общаго образованія. Въ этой стадіи своего развитія школы софистовъ сближались со школами философовъ (какъ и вообще софисты только еще начинали различаться отъ философовъ). Самое живое представленіе о такихъ школахъ можно получить изъ Облаковъ Аристофана, 92 sqq., гдѣ выводится на сцену софистъ Сократъ, съ его μαθηταῖς, однимъ изъ посвященныхъ въ таинства, о коихъ οὐ θέμις πλὴν τοῖς μαθηταῖσιν λέγειν, и гдѣ изображается далѣе и самый обрядъ этого посвященія въ софистическія „мистеріи". Конечно, это изображеніе пріурочивается у Аристофана къ Сократу и его школѣ лишь потому, что Аристофанъ, какъ и тогдашняя (423 г.) театральная публика, не выдѣлялъ Сократа изъ среды софистовъ; въ примѣненіи же не къ школѣ Сократа, а къ школамъ софистовъ изображеніе это, вѣроятно, не витало, подобно Сократу „Облаковъ", въ воздушномъ пространствѣ. Недаромъ, надо думать, и у Платона пріемы софистовъ въ отношеніи учениковъ рисуются при помощи образовъ, взятыхъ изъ порядковъ мистерій (Euthyd. 277 D sq. Theaet. 155 E), и особенно любопытно его сближеніе софистовъ именно съ οἱ ἐν τῇ τελετῇ τῶν Κορυβάντων (или что то же, Дактиловъ, Куретовъ, ср. *Kaibel*, Δάκτυλοι Ἰδαῖοι, 1901), сближеніе, которое можетъ быть ведено и дальше — если вспомнить, какъ впослѣдствіи близки были иные порядки и обряды ремесленныхъ цеховъ къ порядкамъ и обрядамъ мистерій (достаточно ознакомиться съ документомъ 1655 г. о суевѣрныхъ и нечестивыхъ обрядахъ, исполнявшихся при пріемѣ подмастерьевъ въ товарищества парижскихъ ремесленниковъ, у *Levasseur*, Hist. d. classes ouvr. en France II 493 ss.; ср. названіе пробной работы - misterya, *Арх. Ю. З. Россіи*, I 248, а также, конечно, „вольныхъ каменьщиковъ"). Другой вопросъ, разумѣется,—насколько устойчивой была эта церимоніальная сторона въ бытѣ софистическихъ школъ: вѣдь софисты не группировались въ профессіональные союзы, и по самому характеру ихъ производства у нихъ не могло быть и „подмастерьевъ"; зато другіе „молодчики" (какъ зовутся подмастерья въ южнорусскихъ цеховыхъ уставахъ)— οἱ νέοι, которыхъ и Сократъ, какъ его обвиняли, совращалъ съ пути истиннаго (Plat. Apol. 24 B sqq. Xen. Ap. 19), экстерны, или вольнослушатели, придали школамъ софистовъ совсѣмъ иной видъ, такъ что „мистеріи", какъ бы ни были онѣ раньше представлены въ этихъ „школахъ", теперь во всякомъ случаѣ должны были отойдти въ область преданій. Въ этой послѣдней области мы дѣйствительно встрѣчаемся съ ними— въ позднихъ разсказахъ о школѣ Пиѳагора, Ἑλλήνων οὐ τοῦ ἀσθενεστάτου σοφιστοῦ, какъ назвалъ его Геродотъ, IV 95 (представленія Геродота о софистахъ вообще очень характерны, ср. I 29 sq. II 49), и πολυμαθίη котораго, быть-можетъ вмѣстѣ съ κακοτεχνίη (описательную передачу этого выраженія указываетъ *Gomperz*, Die Apologie d. Heilkunst, 96 f., въ λόγων οὐ καλῶν τέχνη, [Hippocr.] π. τέχν. 1), порицалъ его современникъ Гераклитъ (fr. 40. 129 Diels). Возможно также и то, что сообщенія о дѣленіи учени-

тому, что это сложившееся позже другихъ «сословіе» не было связано никакими архаическими традиціями. Къ тому же то искусство, какое разработывалось въ школахъ софистовъ,—краснорѣчіе—было всегда и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становилось необходимымъ для всѣхъ гражданъ. Далеко не всякому гражданину доводилось дѣлаться художникомъ, рапсодомъ, врачомъ, ремесленникомъ; но почти всякому гражданину если не приходилось, то хотѣлось играть роль на вѣчѣ или въ совѣтѣ, и многимъ гражданамъ если не хотѣлось, то приходилось играть роль (роль Обвиненія или Защиты) въ судѣ. Но все сложнѣе и труднѣе дѣлалась и еще одна роль, которую и приходилось, и хотѣлось играть гражданамъ,—роль въ обществѣ: теперь, собираясь на симпосій, «образованные люди бесѣдовали другъ съ другомъ уже своими средствами, не при помощи чужого голоса, голоса флейты,—набивая только цѣну на флейтистокъ или на танцовщицъ и арфистокъ,—и не словами или со словъ поэтовъ, а собственнымъ голосомъ и собственными рѣчами, поочередно высказываясь и выслушивая, взаимно подвергая и подвергаясь испытанію—какимъ кто скажется въ своей рѣчи»[1]), и все заманчивѣе, конечно, становилась побѣда на такого-рода состязаніяхъ, на такихъ ἀγῶνες λόγων[2]). То умственное и эстетическое образованіе, какое

ковъ Пиѳагора не то на Πυθαγόρειοι и Πυθαγορισταί, или ἐσωτερικοί и ἐξωτερικοί, не то на ἀκουσματικοί (или ἀκουστικοί) и μαθηματικοί (Iambl. v. Pyth. 80 sqq. Hippol. ref. haer. I 2. Porph. v. P. 37. Clem. strom. V 9, 60. Gell. 1 8), смѣшивали (имѣя въ виду быть-можетъ и 'Ακούσματα καὶ σύμβολα) два представленія—о профессіональныхъ и не-профессіональныхъ ученикахъ софиста и объ учившихся у него и слушавшихъ его ακροάσεις (т. е. о τὸ περὶ τὰ μαθήματα и ἐπιδεικτική, по классификаціи Платона, Soph. 224 В). Объ организаціи другихъ досократовскихъ „философскихъ" школъ (Ѳалеса, елеатовъ, атомистовъ), также какъ и школы Сократа, говоритъ Diels (*Philos. Aufsätze E. Zeller gewidmet*, 239 ff.), но, къ сожалѣнію, не говорятъ источники; зато источники говорятъ намъ о томъ, что философскія школы получили довольно опредѣленную организацію если не со времени Сократа или Платона, то со времени Аристотеля или Ѳеофраста (ср. *Wilamowitz*, Antigonos v. Kar. 263 ff. Usener, *Preuss. Jahrbb.* LIII 1 ff. *Ziebarth*, Gr. Ver., 69 ff.). Вмѣстѣ съ тѣмъ все больше видоизмѣнялась и организація школъ софистовъ, которая не могла не расходиться съ организаціей школъ философскихъ—уже потому, что въ школахъ софистовъ центръ тяжести лежалъ въ области краснорѣчія, а въ школахъ философовъ—въ области мудрости; въ школахъ софистовъ должно было преобладать обученіе, въ школахъ философовъ—изученіе; первыя организуются поэтому какъ учебныя заведенія, вторыя—какъ ученыя общества.

[1]) Plat. Protag. 347 C sqq.—Ср. Leg. 671 C (τάξιν καὶ τὸ κατὰ μέρος σιγῆς καὶ λόγου καὶ πόσεως καὶ μούσης ὑπομένειν).

[2]) Состязательнымъ рѣчамъ или состязаніямъ въ рѣчахъ издавна, какъ мы знаемъ (ср. стр. 33, пр. 2), обезпечено было мѣсто на судѣ, но также и на вѣчѣ или

могли давать существовавшія тогда государственныя или частныя учи-

---

въ совѣтѣ (ср. κρίσιν τῶν λεγόντων ἐν τεῖ βουλῆι, Ditt.[2] 495)—такъ что иногда политическое, и судебное краснорѣчіе обозначалось, въ отличіе отъ эпидейктическаго, или панегирическаго, какъ агонистическое, или какъ краснорѣчіе ἐπὶ τῶν ἀληθινῶν ἀγώνων (ср. выше стр. 41, прим.), хотя ψόγος рядомъ съ ἔπαινος (ἐγκώμιον), какъ ἀποτροπή рядомъ съ προτροπή и ἀπολογία рядомъ съ κατηγορία, въ теоріяхъ риторики утвердился уже со временъ Анаксимена (rhet. ad. Al. 3. 35) и Аристотеля (rhet. I 3). Постепенно эти ἀγῶνες, или ἅμιλλαι λόγων нашли себѣ мѣсто и на пирахъ, но также, вѣроятно, и вездѣ, гдѣ собирались καλοὶ κἀγαθοὶ καὶ πεπαιδευμένοι,—въ „лесхахъ", въ палэстрахъ или баняхъ (ср. Arist. Nub. 1052), въ разныхъ κύκλοι или ἡμικύκλια, и больше всего, разумѣется, въ ἀκροατήρια софистовъ; видное мѣсто отводилось имъ и въ произведеніяхъ художественной литературы; ср., напр., пренія о монархіи, демархіи и олигархіи у Геродота (III 80 sqq.), о монархіи-тираннидѣ и демократіи-охлократіи, о созерцательной и дѣятельной жизни, о копьѣ и лукѣ и др. у Эврипида (Suppl. 403 sqq. Ant. fr. 183 sqq. N[2]. Herc. 155 sqq. 1255 sqq.; ср. *Nestle*, Euripides, 35 ff.), также агонъ Λόγων Δικαίου и 'Αδίκου у Аристофана (Nub. 889 sqq.; ср. Eccl. 728 sqq.). Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ внѣшнимъ успѣхомъ, какъ и своими формальными (т. е. техническими) успѣхами, λόγοι ἀντικείμενοι ἀλλήλοις чрезвычайно много обязаны были софистамъ; едва ли слѣдуетъ однако все сводить здѣсь къ софистическимъ вліяніямъ: софисты и здѣсь явились столько же возбудителями, сколько выразителями тогдашнихъ движеній въ области λόγος'а, т. е. мысли и слова. Агонистическое начало было однимъ изъ основныхъ принциповъ греческой культуры, и было естественно, что состязанія рѣчами такъ же примкнули къ пирамъ, какъ въ свое время состязанія поэтовъ или состязанія въ поэзіи (или въ разгадываніи загадокъ) примкнули къ народнымъ праздникамъ (ср. *Rohde*, Kl. Schr. I 41 ff. 103 f. *Ohlert*, Rätsel u. Gesellschaftsspiele d. Gr., 5 ff.); было естественно, что въ эпоху усиленной переоцѣнки цѣнностей (Thuc. III 82, 4), на почвѣ исконной склонности эллинскаго ума (и языка) къ дихотоміи (ср. хотя-бы Mimn. 7 B.: δυσηλεγέων δὲ πολιτέων ἄλλος τίς σε κακῶς, ἄλλος ἄμεινον ἐρεῖ), вмѣстѣ съ развитіемъ краснорѣчія, развились и ἀγῶνες λόγων. О живомъ интересѣ къ διssοὶ λογοι—и περὶ ἀγαθῶ καὶ κακῶ, и περὶ καλῶ καὶ αἰσχρῶ, и περὶ δικαίω καὶ ἀδίκω, и περὶ ἀλαθείας καὶ ψεύδεος, и о всѣхъ вообще πράγματα или ὀνόματα—какъ нельзя яснѣе говоритъ намъ—все еще загадочное (ср. *Bergk*, Fünf Abhandlungen, 117 ff. *Rohde*, Kl. Schr. I 327 ff. Trieber, *Herm*. XXVII 210 ff. *Бурзи*, Шк. вопр., 25 сл.)—сочиненіе (быть можетъ не σύγγραμμα, а ὑπόμνημα?), повидимому начала IV в. (быть-можетъ въ послѣднихъ своихъ отдѣлахъ пользовавшееся діалогами Платона, особенно „Протагоромъ"?), со временъ Стефана извѣстное подъ—не подлежащимъ уже измѣненію—названіемъ Διαλέξεις. „Δισσοὶ λόγοι" этого сочиненія,—кажется, еще больше, нежели горгіевы φιλοσόφων λόγων ἅμιλλαι (стоящія у Горгія, Hel. 13, наряду съ οἱ τῶν μετεωρολόγων λόγοι и съ οἱ ἀναγκαῖοι διὰ λόγων ἀγῶνες),—имѣютъ въ виду κατὰ βραχὺ διαλέγεσθαι. И надо думать, что внѣ суда (а также внѣ риторической школы) ἀγῶνες λόγων обыкновенно если не замѣнялись, то смѣнялись діалектическими диспутами или бесѣдами—въ той мѣрѣ, въ какой μακρολογία переходила въ βραχυλογία (ср. Plat. Prot. 335 B sq.), монологъ—въ діалогъ; діалектическіе диспуты, въ свою очередь, переходили въ еристическіе—поскольку заявляла себя φιλονεικία не ради выясненія вопроса, а по отношенію къ собесѣднику (Plat. Gorg. 457 E), забота собесѣдниковъ не о предметѣ спора, а о себѣ,—ὅπως ἃ αὐτοὶ ἔθεντο, ταῦτα δόξει τοῖς παροῦσιν (Phaed. 91 A). Поэтому риторика развивалась рука объ руку съ діалектикой (и эристикой). Опытными въ той и другой (и третьей) рисуются у Пла-

лища—училища для дѣтскаго и отроческаго возрастовъ,—оказывалось уже не достаточнымъ для того, чтобы постоять за себя и въ обществѣ, и въ судѣ и на вѣчѣ[1]). Высшаго общаго образованія приходилось искать

тона или у Ксенофонта софисты—но также и Сократъ (ср. *Hirzel*, Dialog I 69 ff.), а Аристотель въ началѣ своей Риторики говоритъ, что ἡ ῥητορική ἐστιν ἀντίστροφος τῇ διαλεκτικῇ, и что πάντες τρόπον τινὰ μετέχουσιν ἀμφοῖν· πάντες γὰρ μέχρι τινὸς καὶ ἐξετάζειν καὶ ὑπέχειν λόγον καὶ ἀπολογεῖσθαι καὶ κατηγορεῖν ἐγχειροῦσιν.—Своеобразнымъ продуктомъ соединенія риторики съ діалектикой были διατριβαί и διαλέξεις (позднѣе—ὁμιλίαι)—рѣчи, представлявшія собою или заключавшія въ себѣ диспуты или диспутаціи (о восходившихъ къ сократовцамъ и софистамъ начальныхъ моментахъ развитія этого типа рѣчей—„діалоговъ въ формѣ декламацій"—ср. *Norden*, A. K. 129 f.).

[1]) Показанія источниковъ (въ томъ числѣ и археологическихъ) о внѣшней и внутренней организаціи образованія у еллиновъ, особенно до выступленія на этомъ поприщѣ софистовъ, не отличаются отчетливостью, и еще менѣе, конечно, отчетливы разъясненія и обобщенія этихъ показаній въ новой научной литературѣ (ср. *Grasberger*, Erziehung u. Unterricht im kl. Alt. I—III, 1864—81. *Girard*, L'éducation athénienne au V et au IV s. av. J.-C., 1891). Быть-можетъ освѣщенія этимъ показаніямъ источниковъ слѣдуетъ искать въ—опиравшихся, конечно, и на практику—разсужденіяхъ и опредѣленіяхъ Законовъ Платона (особ. кн. II), столько-же поучительныхъ своими теоретическими несовершенствами, сколько и совершенствами. У Платона—какъ обыкновенно и у другихъ (раннихъ и позднихъ) писателей—παιδεία въ основномъ своемъ содержаніи распадается на γυμναστική и μουσική. Оба эти искусства имѣли и практическое назначеніе (одно—содѣйствовать сокрушенію враговъ, другое—умилостивленію боговъ); но прежде всего они коренились въ потребности людей—особенно молодыхъ людей, но не только молодыхъ людей,—не зная до поры до времени или забывъ на время тяготы жизни, двигаться и звучать, съ соблюденіемъ ритма или гармоніи (ср. выше стр. 16),—двигаться и звучать, конечно, въ обществѣ себѣ подобныхъ. Было естественно, что для этихъ движеній и звучаній граждане соединялись въ группы—и прежде всего въ группы по возрасту. Такъ и въ праздничныхъ гимническихъ агонахъ обыкновенно выступали отдѣльно ἄνδρες и παῖδες, ἔφηβοι, νέοι, или παῖδες, ἔνοι ἔφηβοι, νεανίσκοι, или παῖδες (οἱ νεώτεροι и οἱ πρεσβύτεροι) и ἀγένειοι, или ἔφηβοι νεώτεροι, μέσοι, πρεσβύτεροι, или παῖδες τῆς πρώτης, δευτέρας, τρίτης ἡλικίας и т. п. (ср. Ditt³. 668 sqq. Mich. 880 ss.); такъ же по возрастамъ составлялись и праздничные хоры (иногда принимавшіе участіе и въ агонахъ). Само собою разумѣется, что среди ἄνδρες (вѣроятно и среди νέοι; γέροντες, которые иногда въ этой связи ставятся въ надписяхъ рядомъ съ οἱ νέοι—ср. *Ziebarth*, Gr. Ver. 114 ff.,—вѣроятно то же, что πρεσβύτεροι іасосской надписи, Mich. 469, т. е. или безъ νέοι, или вмѣстѣ съ νέοι представляютъ собою категорію ἄνδρες) только поддерживалось, а среди παῖδες или ἔφηβοι—насаждалось гимнастическое образованіе; для этихъ цѣлей и служили ближайшимъ образомъ γυμνάσια наряду съ другими имъ подобными учрежденіями (ср. выше стр. 6); въ своихъ γυμνάσια παῖδες или ефебы и обучались (у παιδοτρίβης, или у опломаха и т. п.) гимнастическому искусству. Соотвѣтственно этому, обученіе мусическому искусству (у киѳариста и т. п.) примкнуло къ χορεία, которая не даромъ отождествляется у Платона (ср. выше, стр. 16 сл.) съ μουσική. Гимнастическое обученіе организовалось раньше, чѣмъ мусическое (которое первоначально имѣло въ виду только празднества), такъ что мусическому обученію (когда оно перестало имѣть въ

въ другомъ мѣстѣ. Навстрѣчу искавшимъ шли—на самомъ дѣлѣ шли (потому что софисты не любили сидѣть на мѣстѣ)—«школы» софистовъ[1]). Практически, но и теорически разработывая эпидейктическое

виду только праздиества) пришлось искать себѣ мѣста уже въ γυμνάσια τῶν παίδων. Когда распространилась письменность, и оцѣнили ея значеніе,—къ γυμναστική и μουσική присоединилась γραμματική, или γραμματιστική, т. е. обученіе грамотѣ, чтенію и письму,—у γραμματιστής или γραμματοδιδάσκαλος (не лишено значенія, что διδάσκαλος такъ долго еще сохраняетъ значеніе χοροδιδάσκαλος, какъ и διδασκαλεῖον—значеніе χορηγεῖον, т. е. мѣста, οὗ ἡ παρασκευὴ τοῦ χοροῦ), которое впослѣдствіи также пристраивается обыкновенно въ γυμνάσια. Тѣмъ, что умственное элементарное образованіе примкнуло къ χορεία, опредѣлилась его дальнѣйшая постановка, какъ ни различны были—смотря по времени или по мѣсту—ея частности или подробности. Оттого въ этомъ образованіи дѣтей всегда заинтересованы были не только родители, но и государство, т. е. гражданство, какъ и дѣленія или группировки гражданства,—такъ что исторія внѣшней организаціи образованія была исторіей комбинированія порядковъ или отношеній складывавшихся на почвѣ этихъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ интересовъ. Оттого образованіе ставится въ тѣсную связь съ воспитаніемъ—и именно съ воспитаніемъ въ соціальныхъ (а не индивидуальныхъ) добродѣтеляхъ (αἰδώς, σωφροσύνη, εὐκοσμία; ср. σωφρονισταί и κοσμηταί аѳинскихъ ефебовъ). Оттого такую роль въ образованіи играетъ собственная μουσική, т. е. музыка, воспитывающая къ столь необходимымъ въ жизни человѣческой —и именно въ соціальной жизни—εὐρυθμία τε καὶ εὐαρμοστία. Оттого уроки κιθαρίσεως давались прежде всего на гимнахъ и пэанахъ, прославлявшихъ мѣстныхъ героевъ и боговъ (ср. Polyb. IV 20 sq.—главы. чрезвычайно поучительныя и для пониманія основнаго характера еллинской школы вообще), и поэтическими произведеніями такого же содержанія или характера стали пользоваться потомъ для своихъ цѣлей и учителя γραμμάτων (Plat. Prot. 325 D sqq.). Этимъ своимъ зачаткамъ въ сущности всегда оставалось вѣрно—какимъ сложнымъ и пестрымъ ни было, или ни становилось его развитіе—элементарное образованіе еллиновъ (особенно ясно показываютъ это наши данныя о γυμνάσια болѣе позднято времени, ср., напр. Ditt[2]. 722 sqq. Mich. 327. 913). Развитіе γραμματικῆς παιδικῆς ἀτελεστέρας въ γραμματική ἐντελής (или въ ἐκ φιλολογίας μαθήματα, по выраженію пріенской надписи, *Arch. Anz.* 1897, 152), не говоря уже о присоединеніи другихъ μαθήματα (вродѣ „ариѳметики“, „геометріи“, „астрономіи“), во всякомъ случаѣ не могло еще зайти сколько-нибудь далеко къ тому времени, когда обнаружили свою силу (и свое значеніе въ общественной жизни) діалектика и риторика.

[1]) Такія странствующія школы софистовъ рисуетъ намъ Платонъ въ своемъ „Протагорѣ“, 315 A sqq. Протагора сопровождаютъ въ Аѳины, кромѣ Антимойра мендейца, самаго извѣстнаго изъ учениковъ Протагора, ὃς ἐπὶ τέχνῃ μανθάνει ὡς σοφιστὴς ἐσόμενος, и другіе ξένοι, которыхъ онъ уводитъ за собой изъ каждой πόλις, чрезъ какую проходитъ, какъ Орфей завораживая голосомъ, въ слѣдъ которому двигаются эти завороженные. Также и Гиппія окружаютъ его ученики—аѳиняне καὶ τῶν ξένων πολῖταί τε αὐτοῦ καὶ ἄλλοι τινές.—И впослѣдствіи χοροί учениковъ и поклонниковъ сопутствуютъ софистамъ въ ихъ поѣздкахъ на гастроли (ср. анекдотъ о софистѣ, который, высадившись въ Родосѣ, нанялъ въ гавани гребцовъ и лодочниковъ, одѣлъ ихъ такъ, что они могли быть приняты за толпу его учениковъ и поклонниковъ, и торжественно

краснорѣчіе, софисты сообщали своимъ ученикамъ и знаніе всего, знанія обо всемъ, и умѣнье пользоваться этими знаніями въ рѣчи (какъ устной, такъ и письменной) или въ бесѣдѣ. Въ любомъ возрастѣ и на любой срокъ, условившись только насчетъ гонорара, можно было поступить на выучку къ софисту—и вовсе не за тѣмъ, или не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться профессіональнымъ ораторомъ[1]). Естественно, что въ школахъ софистовъ все растетъ число такихъ вольнослушателей, что въ угоду имъ софисты учатъ все больше не scholae, a vitae, что, наряду съ эпидейктическимъ, они преподаютъ и разработываютъ и спеціально политическое или судебное краснорѣчіе[2]). Естественно и то, что понемногу школы софистовъ переходятъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому, что ихъ и внѣшняя, и внутренняя организація пріобрѣтаетъ бо́льшую устойчивость, что государства (т. е. гражданства) все чаще принимаютъ на государственный (т. е. общегражданскій) счетъ уплату гонорара профессорамъ риторики или софистики и такимъ путемъ «націонализируютъ» отдѣльныя школы софистовъ, т. е. обращаютъ ихъ въ государственныя школы. Такъ появляются государственные, потомъ муниципальные профессора риторики или софистики[3]). На ихъ обязанность,

---

вступилъ во главѣ этого флота въ залъ, гдѣ должна была имѣть мѣсто его ἐπίδειξις, Diog. L. IV 58).

[1]) Ср. Plat. Prot. 310 D sqq.—Въ „Облакахъ“ Аристофана старикъ Стрепсіадъ сначала убѣждаетъ сына поучиться у софистовъ (ихъ ἀμφοῖν τοῖν λόγοιν), а потомъ самъ рѣшается, помолившись богамъ, учиться у нихъ—ходитъ въ φροντιστήριον софиста—и дѣлается ученикомъ софиста Сократа.

[2]) Характерно, что свои первыя письменныя руководства или пособія по риторикѣ, предназначавшіяся, конечно, не для профессіональныхъ уже учениковъ (ср. Plat. Soph. 232 D: δεδημοσιωμένα που καταβέβληται γεγραμμένα τῷ βουλομένῳ μαθεῖν), софисты (начиная съ Тисія) посвящаютъ именно судебному и политическому краснорѣчію (ср. Gercke, *Hermes*, XXXII 341 ff.). Таково было и содержаніе риторикъ Анаксимена и Аристотеля. Судебныя рѣчи имѣетъ въ виду и писанная на дорійскомъ діалектѣ τέχνη, отрывки коей изданы недавно въ *The Oxyrhynchus Papyri* III, № 410 (pl. IV).

[3]) Что въ императорскую эпоху многіе профессора риторики или софистики, какъ и „грамматики“ (профессора филологіи) и врачи, состояли на жалованьи у городовъ, достаточно засвидѣтельствовано источниками (ср. разсказъ Филострата, v. s. I 21, 4, о томъ, какъ Клазоменцы хотѣли переманить къ себѣ изъ Смирны софиста Скопеліана, особенно же рѣчь Либанія „за риторовъ“ 212 sqq., гдѣ Либаній жалуется, м. пр., на то, что города не акуратно выплачиваютъ риторамъ ихъ скудную ежегодную σύνταξιν); къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній о томъ, съ какого времени софисты или риторы стали получать (обыкновенно наряду съ гонораромъ отъ учениковъ, можетъ-быть только отъ ξένοι?) жалованье отъ πόλεις. Уже Страбонъ, 181, говоритъ, что галлы, которыхъ Массалія сдѣлала филеллинами, σοφιστὰς ὑποδέχονται τοὺς μὲν ἰδίᾳ, τοὺς δὲ πόλεις κοινῇ μισθούμεναι, καθάπερ καὶ ἰατρούς. Императоры неоднократно издавали указы о salaria

кромѣ преподаванія, ложится и произнесеніе рѣчей въ торжественныхъ случаяхъ городской жизни. Такъ прикрѣпляются къ мѣстамъ ихъ службы отдѣльные софисты; но осѣдаютъ также и вольные, не поступавшіе на городское жалованье софисты,—и почти въ каждомъ городѣ потомъ имѣются свои ораторы. Въ свободное отъ службы или отъ занятій время софисты совершаютъ, по старой памяти, tournées или поѣздки

риторамъ, per provincias, ex viribus rei publicae; изъ императорской казны, повидимому, оплачивался ὁ κατὰ τὴν Ῥώμην (или ὁ ἄνω) θρόνος греческой риторики (о немъ не разъ говорится въ біографіяхъ софистовъ Филострата), потомъ и каѳедры риторики и четырехъ философскихъ школъ въ Аѳинахъ. Не устанавливаютъ новыя, а регулируютъ старыя отношенія эдикты императоровъ объ освобожденіи отъ всѣхъ мѣстныхъ службъ или повинностей учащихъ или лѣчащихъ ἐν τῇ ἰδίᾳ πατρίδι (или въ Римѣ—общемъ теперь для всѣхъ отечествѣ) врачей, софистовъ, или риторовъ и грамматиковъ,—причемъ, однако, по грамотѣ Антонина Благочестиваго, писанной τῷ κοινῷ τῆς Ἀσίας, но имѣвшей силу и для всего міра, эту ἀτέλειαν (или ἀλειτουργησίαν) могли имѣть въ большихъ городахъ (μητροπόλεις τῶν ἐθνῶν) не свыше 5 софистовъ, въ среднихъ (имѣвшихъ ἀγορὰς δικῶν, т. е. conventus iuridicos)—не свыше 4-хъ, въ меньшихъ—не свыше 3-хъ; исключенія изъ этихъ правилъ могли дѣлаться только въ пользу τῶν ἄγαν ἐπιστημόνων (Dig. XXVII 1, 6; ср. Ditt.[2] 414). Избраніе на такія штатныя каѳедры софистики (ср. ὁ ἐπὶ τῆς καθέδρας σοφιστής аѳ. надп. III в., Ditt.[2] 382), кромѣ, конечно, императорскихъ каѳедръ, принадлежало мѣстнымъ совѣтамъ (назначавшимъ иногда пробныя лекціи или диспуты),—поскольку это право не отнималось или не ограничивалось императорами, особенно въ лицѣ ихъ намѣстниковъ (Юліанъ—такъ какъ онъ не можетъ singulis civitatibus adesse ipse—предоставляетъ избраніе профессоровъ куріаламъ, но оставляетъ за собою утвержденіе ихъ въ должностяхъ, ut altiore honore studiis civitatum accedant, Cod. Theod. XIII 3, 5). Совѣтамъ же (въ Аѳинахъ—совѣту ἐξ Ἀρείου πάγου) принадлежало и наблюденіе за школами софистовъ. Все съ большей опредѣленностью выступающіе передъ нами у позднихъ писателей порядки и обычаи школъ софистовъ (такъ сходные со средневѣковыми),—напр., что касается быта учениковъ (συμφοιτηταί, какъ зовутся они CIA III 774 a), ихъ отношеній между собою и къ учителямъ,—примыкаютъ къ тѣмъ порядкамъ и обычаямъ, съ какими эти школы начинали свою исторію (ср. выше стр. 70, пр. 2).—Объ „университетѣ“, какъ и о собственно правительственной организаціи высшаго образованія, можетъ идти рѣчь развѣ въ примѣненіи къ учрежденной въ 425 г. константинопольской школѣ (Cod. Th. XIV 9, 3. XV 1, 5. VI 21, 1); до тѣхъ поръ существовали только оплачиваемыя и регламентируемыя правительствомъ школы отдѣльныхъ профессоровъ (τῶν ἐπαγγελλομένων, ср. Arist. Eth. Nic. 1180 B. Soph. el. 172 A) софистики, или риторики, какъ и грамматики или медицины. Ср. *C. O. Mueller*, Quam curam respublica apud Graecos et Romanos litteris doctrinisque colendis et promovendis impenderit (1837). *Weber*, Comm. de academia literaria Atheniensium (1858). *Hertsberg*, Gesch. Griechenlands unter d. Herrschaft d. Römer, III (1875).—Въ Еретріи во II—I в., какъ по приглашенію одного гимнасіарха ὁμηρικὸς φιλόλογος, такъ по приглашенію другого—ῥήτωρ τε καὶ ὁπλομάχος ἐσχόλαζον ἐν τῷ γυμνασίῳ τοῖς τε παισὶν καὶ ἐφήβοις καὶ τοῖς ἄλλοις τοῖς βουλομένοις τὴν ἀπὸ τῶν τοιούτων ὠφελίαν ἐπιδέχεσθαι (Ditt.[2] 935); съ конца II в. до Р. Х. аѳинскіе эфебы ἀγόμενοι ὑπὸ τοῦ κοσμητοῦ ἐσχόλαζον τοῖς φιλοσόφοις (CIA II 467 sqq.).

на гастроли: одни, надѣясь на себя или на славу свою, стремятся въ тѣ города, которые умѣли тонко цѣнить талантъ, другіе довольствуются городами, которые не такъ ужъ много понимали и въ λόγος'ѣ, и въ λόγοι, но тѣмъ быть-можетъ горячѣе принимали почтившихъ ихъ своимъ посѣщеніемъ ораторовъ; одни стремятся на празднества въ Олимпію или на Исѳмъ, другимъ приходится довольствоваться болѣе скромными, мѣстными празднествами. Толпа, предпочитающая атлетовъ декламирующему свои «музы» Геродоту, все рѣдѣетъ, и, въ той же мѣрѣ, все расширяется кругъ любителей и—подлинныхъ или лишь кажущихся—цѣнителей λόγος'а[1]).

Такъ, постепенно все больше позицій въ еллинской культурной жизни занимало краснорѣчіе и все прочнѣе устраивалось на занятыхъ позиціяхъ. Утвердившись рядомъ съ поэзіей, оно стало рѣшительно перетягивать на свою сторону лежавшую раньше на поэзіи обязанность и услаждать, и назидать; оно бралось руководить не только просвѣщеніемъ народнымъ, но и политикой, судомъ. Великой силой стало краснорѣчіе; но эта сила такъ же легко могла направиться на зло, какъ и на благо, или даже могла, направившись на благо, оказаться направившейся на зло. Теорія Платона[2]) не объясняетъ, но быть-можетъ лучше всякихъ объясненій даетъ понять намъ сущность связанной съ краснорѣчіемъ опасности. По этой не то миѳической, не то мистической теоріи—устами не знающаго истины оратора, какъ и поэта, вѣщаетъ сама истина, но только тогда, когда, охваченный восторгомъ, онъ перестаетъ владѣть своимъ разсудкомъ, уходитъ изъ подъ власти ума и отдается во власть ниспосылаемаго свыше «безумія».—безумія передъ которымъ ничтожны и излишни и мудрость, и искусство человѣка. Но люди не могутъ ни ожидать, ни сдѣлать, чтобы это «безуміе» нисходило вѣчно,

---

[1]) Ср. Lucian. Herod. 8: οἵ τε αὖ πανηγυρισταὶ οὐ συρφετώδης ὄχλος, ἀθλητῶν μᾶλλον φιλοθεάμονες, ἐν παρέργῳ οἱ πολλοὶ τὸν Ἡρόδοτον τιθέμενοι, ἀλλὰ ῥητόρων τε καὶ συγγραφέων καὶ σοφιστῶν οἱ δοκιμώτατοι.—Наиболѣе характерныя свидѣтельства о позднихъ софистахъ—о видной и почетной роли, какую они (или многіе изъ нихъ) играли въ городской жизни, и какъ ораторы, и какъ профессора, къ которымъ—въ мѣру, конечно, ихъ извѣстности—стекались изъ разныхъ мѣстъ ученики, о пышной, но и суетной обстановкѣ „представленій" мѣстныхъ и пріѣзжихъ софистовъ, о живѣйшемъ интересѣ къ этимъ ἐπιδείξεις все болѣе широкой публики и т. п.—сопоставлены у *Rohde*, Gr. R.[2] 329 ff.; ср. также *Hatch*, Griechentum u. Christentum, 66 ff. *Sievers*, Libanios, 23 ff.

[2]) Эта теорія, такъ же, какъ и теорія о происхожденіи искусства (о которой мы говорили выше, стр. 16 сл.), не столько выставляется, сколько подразумѣвается въ разныхъ мѣстахъ разныхъ діалоговъ Платона.

нисходило всегда, когда окажется то нужнымъ для ихъ расчетовъ[1]). Имъ приходится самимъ заботиться о томъ, чтобы всегда имѣть въ своемъ распоряженіи тѣ блага, какія имъ иногда сообщають боги, дарующіе имъ «безуміе». Средствъ къ тому, чтобы имѣть тѣ блага, въ себѣ не заключаетъ ихъ природа; имъ приходится изыскивать тѣ средства, изощряя свои природныя способности. Такъ краснорѣчіе становится уже не дѣломъ судьбы, но и не дѣломъ природы, а дѣломъ сно-

[1]) Это ученіе Платона (повидимому и Демокрита, fr. 17 sq. 21. 112 Diels, а также Гераклита, fr. 78 sq. 86. 92 sq. D.; о μανία, какъ объ „одномъ изъ важнѣйшихъ понятій сократики", по Воспоминаніямъ Ксенофонта, ср. *Joël*, Der echte u. Xenophont. Sokrates, I, 337 ff.)—о μανία, не ὑπὸ νοσημάτων ἀνθρωπίνων, а ὑπὸ θείας ἐξαλλαγῆς τῶν εἰωθότων νομίμων γιγνομένη (Phaedr. 265 A),—объ энтузіазмѣ, изступленіи, одержаніи (богомъ, музами)—опиралось на греческія религіозныя (миѳическія и особенно мистическія) религіозныя представленія (ср. *Rohde*, Psyche, II² 4 ff. 278 ff. *Gruppe*, Gr. Myth. u. Rel. 732 ff. 848 ff. 924 ff. 984 ff.); въ связи съ различными моментами или мотивами гносеологически-метафизическихъ воззрѣній Платона, оно представлено во многихъ сочиненіяхъ Платона, всякій разъ впрочемъ въ новыхъ комбинаціяхъ или съ новыми варіантами. Недаромъ—говорится въ „Фэдрѣ"—κάλλιον μαρτυροῦσιν οἱ παλαιοὶ μανίαν σωφροσύνης τὴν ἐκ θεοῦ τῆς παρ' ἀνθρώπων γιγνομένης: величайшія блага сообщаются людямъ посредствомъ даруемой божественнымъ даяніемъ μανίας. Таковы—пророчества, таковы καθαρμοί τε καὶ τελεταί, такова и истинная поэзія: кто безъ безумія Музъ подходитъ къ вратамъ поэзіи, думая, что достаточно одной τέχνης, чтобы стать поэтомъ, тотъ не есть истинный поэтъ, и поэзія его, поэзія τοῦ σωφρονοῦντος,—ничто передъ поэзіей τῶν μαινομένων (Phaedr. 244 A sqq.); истинный поэтъ творитъ не ἐκ τέχνης, но ἔνθεος и κατεχόμενος,—когда онъ становится ἔκφρων, когда его покидаетъ νοῦς (стоитъ ему только войдти εἰς τὴν ἁρμονίαν καὶ ῥυθμόν, ср. Io, 534 A); онъ вѣщаетъ истину не зная истины. (Apol. 22 A sqq. Meno 99 D sq. Leg. 682 A. 719 C; ср. Io 533 D sqq.). Но совершенно такъ же, какъ вѣщаютъ поэты, могутъ вѣщать и ораторы (Meno 99 A sqq. Phaedr. 235 C sqq.), и не σοφίᾳ или ἐπιστήμῃ, а θεῖοι τε ὄντες καὶ ἐνθουσιάζοντες (подобно прорицателямъ, вѣщателямъ, поэтамъ) κατορθοῦσι λέγοντες πολλὰ καὶ μεγάλα, μηδὲν εἰδότες ὧν λέγουσιν, и οἱ πολιτικοὶ ἄνδρες (Meno 99 D). Есть и еще „безуміе"—ἐνθουσίασις лучше всѣхъ ἐνθουσιάσεων, и для того, кто ее имѣетъ, и для того, кто ей пріобщается: стремленіе души въ высь, отъ созерцанія дольней красоты къ воспоминанію о созерцаніи красоты горной, красоты небеснаго отечества, страстное влеченіе къ истинѣ, какъ къ красотѣ,—φιλοσοφία, эта μεγίστη μουσική (Phaedr. 249 D sq. 259 D. Conv. 208 E sqq. Phaed. 60 E sq. Leg. 517 B). Такъ μανία сближаетъ ораторовъ и съ поэтами, и съ философами.—Посѣщающее оратора безуміе можетъ предполагать въ немъ доступную воспріятію безумія природу (ср. Apol. 22 C. Leg. 682 A. 642 D. 875 C. 951 B); во всякомъ случаѣ, безуміе-ли, доступная-ли воспріятію безумія природа сообщаются лишь какъ θεία μοῖρα, являясь, т. о., дѣломъ Τύχης—судьбы, счастливаго случая (ср. Leg. 709 A sq. 757 E: θεὸς καὶ ἀγαθὴ τύχη. 798 B: θεία εὐτυχία. Resp. 492 A: ἐὰν μή τις βοηθήσας θεῶν τύχῃ.) —Свидѣтельства о дальнѣйшей исторіи ученія объ amabilis insania въ примѣненіи къ краснорѣчію—у *Gutermann*, Diatribe de enthusiasmo veterum sophistarum atque oratorum (1720).

ровки и умѣнья, дѣломъ искусства[1]). Ни одно искусство не охватываетъ жизнь людскую такъ широко и такъ властно, какъ искусство слова[2]); зато тѣмъ больше доля вреда, какую, какъ и всѣ искусства[3]), несетъ въ себѣ искусство слова. Его господство въ этомъ мірѣ, конечно, было бы законно, еслибъ предоставленный себѣ ораторъ могъ такъ же вѣщать истину, какъ ее вѣщаетъ ораторъ охваченный божественнымъ «безуміемъ». Но доступное богамъ обладаніе истиной не доступно людямъ,—имъ дано только вѣчно стремиться къ этому обладанію, съ тѣмъ, чтобы никогда его не достигнуть[4]). Люди могутъ только искать истину и потому могутъ только помогать другъ другу въ этомъ исканіи; но они не могутъ найдти истину и потому не могутъ дѣлиться ею одни съ другими. Поэтому-то мудрость можетъ выражать себя развѣ въ бесѣдахъ, какія более мудрый ведетъ съ менѣе мудрыми, но никакъ не въ «длинныхъ рѣчахъ» одного,

---

¹) О противопоставленіи τύχη—τέχνη или φύσις—τέχνη у Платона и вообще въ греческой литературѣ ср. *Gomperz*, D. Apologie d. Heilkunst, 101. 118 ff., также *Espinas*, Les origines de la Technologie, 77 ss.—Leg. 889 A sqq.: τὰ μὲν μέγιστα καὶ κάλλιστα ἀπεργάζεσθαι φύσιν καὶ τύχην, τὰ δὲ σμικρότερα τέχνην, ἣν δὴ παρὰ φύσεως λαμβάνουσαν τὴν τῶν μεγάλων καὶ πρώτων γένεσιν ἔργων πλάττειν καὶ τεκταίνεσθαι πάντα τὰ σμικρότερα, ἃ δὴ τεχνικὰ πάντες προσαγορεύομεν.... τέχνην δὲ ὕστερον ἐκ τούτων ὑστέραν γενομένην αὐτὴν θνητὴν ἐκ θνητῶν, ὕστερα γεγεννηκέναι παιδιάς τινας ἀληθείας οὐ σφόδρα μετεχούσας, ἀλλὰ εἴδωλ' ἄττα ξυγγενῆ ἑαυτῶν, οἷ' ἡ γραφικὴ γεννᾷ καὶ μουσικὴ καὶ ὅσαι ταύταις εἰσὶ συνέριθοι τέχναι. Въ „Горгіи“ 448 C приводятся слова Пола: πολλαὶ τέχναι ἐν ἀνθρώποις εἰσὶν ἐκ τῶν ἐμπειριῶν ἐμπείρως εὑρημέναι· ἐμπειρία μὲν γὰρ ποιεῖ τὸν αἰῶνα ἡμῶν πορεύεσθαι κατὰ τέχνην, ἀπειρία δε κατὰ τύχην; какъ ἡ καλλίστη τῶν τεχνῶν представляется Полу риторика.— Платонъ отказывался признавать современную ему риторику за τέχνη, а лишь за ἐμπειρία, или за ἄτεχνος τριβή (Gorg. 462 B sqq. Phaedr. 260 E, ср. 262 C: λόγων τέχνην... γελοίαν τινα καὶ ἄτεχνον)—поскольку понятіе τέχνη онъ склоненъ былъ отожествлять съ понятіемъ науки (ср. Phileb. 55 E, и *Natorp*, Platos Ideenlehre, 45 f.). Отсюда— игравшій потомъ (со II в. до Р. Х.) такую видную роль въ полемикѣ философіи съ риторикой (ср. Sudhaus, *Philod. v. rh.*, Suppl., p. XIV sqq. *Norden*, A. K. I 8 f.) „академическій“ вопросъ: εἰ τέχνη πάντως ἡ ῥητορική.

²) Ср. особенно заявленія Горгія о δύναμις риторики, которая ἁπάσας τὰς δυνάμεις συλλαβοῦσα ὑφ' αὑτῇ ἔχει (Gorg. 451 D sqq.),—πάντα γὰρ ὑφ' αὑτῇ δοῦλα δι' ἑκόντων ἀλλ' οὐ διὰ βίας ποιεῖται (Phileb. 58 A sqq.)—Для болѣе поздняго времени, кромѣ, конечно,— начитанныхъ въ греческой литературѣ—Цицерона (цитаты см. у *F. W. Müller*, Ueb. d. Beredsamkeit, 5 ff.) и Квинтиліана (ср. I 12, 18: illa regina rerum oratio), ср. Philod. Suppl. 19 sqq. I 224. Aristid. XLV 54 J. Lib. ep. 248. 372.

³) Ср. Phaedr. 274 E.

⁴) Ср. Phaedr. 278 D. Conv. 203 E sqq. Parm. 134 C. Tim. 51 E. Leg. 897 D.— Отсюда, какъ извѣстно, терминъ φιλόσοφος, вмѣсто σοφός; о той обстановкѣ, въ какой онъ появляется, ср. разъясненія у *v. Arnim*, Dio v. Pr., 65 ff., и сопоставленія (но не разъясненія) у *Joël*, D. echte u. xenoph. Sokr., II 630 ff.

предполагающихъ, что тотъ, кто произноситъ рѣчь, мудръ до конца, предполагающихъ, что мудрость можетъ быть перелита изъ одной души въ другую, какъ жидкость изъ одного сосуда въ другой[1]). Такъ истина не можетъ быть доступна краснорѣчію, поскольку имъ распоряжаются не боги, а люди,—а между тѣмъ самымъ существованіемъ своимъ оно предполагаетъ, что истина ему доступна; поэтому оно обречено на то, чтобъ представлять собою не истину, а призракъ истины, не правду, а подобіе лишь правды[2]). И если ему по существу чужда забота о настоящей истинѣ, а слѣдовательно и забота о томъ, чтобы та призрачная истина, какую оно собою представляетъ, была какъ можно ближе къ настоящей[3]), то вся его забота направляется на то, чтобъ призрачная истина, какую оно собою представляетъ, могла быть принята, была-бы принята за настоящую[4]). Его задача и сводится поэтому къ умѣнью

---

[1]) Ср., напр., Phaedr. 248 A sqq. 276 A sqq. Theaet. 149 A sqq. 210 B sq. Conv. 175 D sq. Resp. 435 A. 475 A sqq. 518 B sqq. 531 C sqq. Prot. 329 A. 334 C sqq. Meno 79 E sqq. Gorg. 448 D sqq. 461 C sqq., также ep. VII, 341 C sqq.—На этой почвѣ вырисовывается и опредѣляется у Платона и діалектика, противопоставляемая, какъ истинная περὶ τοὺς λόγους τέχνη, риторикѣ, какъ мнимой λόγων τέχνῃ (тексты, сюда относящіеся, указаны у *Natorp*, Platos Ideenlehre, 442 f.; ср. *Hermes* XXXV, 403 ff.).

[2]) Т. е. не настоящую, сущую (объективную), а кажущуюся (субъективную) истину, видимость истины, ея образъ, отображеніе, или воспроизведеніе, заключающее въ себѣ и долю истины, и долю сознательной или нѣтъ лжи, намѣреннаго или нѣтъ обмана,—τὰ εἰκότα, εἰκασθέντα, εἰκόνες, εἴδωλα, σκιαί, τὰ φαινόμενα, φανταζόμενα, φαντάσματα, μιμήματα, ὁμοιώματα, παραδείγματα, δόξαντα, δοξάσματα (ср. εἰκασίαι, φαντασίαι, δόξαι). Ср. Resp. 584 A: οὐκ ἔστιν ἀλλὰ φαίνεται, οὐδὲν ὑγιὲς τούτων τῶν φαντασμάτων, γοητεία τις. Theaet. 166 C: τὸ φαινόμενον μόνῳ ἐκείνῳ γίγνοιτο, ᾧπερ φαίνεται. 150 C: εἴδωλον καὶ ψεῦδος. —Phaedr. 272 D sqq.: τὸ παράπαν γὰρ οὐδὲν... ἀληθείας μέλειν οὐδενί, ἀλλὰ τοῦ πιθανοῦ· τοῦτο δ' εἶναι τὸ εἰκός, ᾧ δεῖν προσέχειν τὸν μέλλοντα τέχνῃ ἐρεῖν... καὶ πάντως λέγοντα τὸ δὴ εἰκὸς διωκτέον εἶναι, πολλὰ εἰπόντα χαίρειν τῷ ἀληθεῖ· τοῦτο γὰρ διὰ παντὸς τοῦ λόγου γιγνόμενον τὴν ἅπασαν τέχνην πορίζειν. Ср. Soph. 232 B sqq.,—гдѣ софистика опредѣляется, какъ παιδιά, какъ εἰδωλοποιική, или εἰδωλουργική, т. е. εἰκαστική, или μιμητική, и φανταστική τέχνη, а софистъ, имѣющій δοξαστικήν τινα περὶ πάντων ἐπιστήμην, ἀλλ' οὐκ ἀλήθειαν,—какъ τῶν γοήτων, или θαυματοποιῶν, или τῶν τῆς παιδιᾶς μετεχόντων τις εἷς, какъ μιμητής (τῶν ὄντων или τοῦ σοφοῦ).—Представляя собою только видимую, кажущуюся, мнимую истину, краснорѣчіе сближалось тѣмъ съ поэзіей, къ которой, какъ извѣстно, Платонъ также относился отрицательно, по крайней мѣрѣ въ теоріи (ср. *Finsler*, Platon u. d. arist. Poetik, 12 ff. 216 ff.).—Изъ Филодема видно, какую роль играла эта „εἰκοτολογία" риторики въ дальнѣйшей борьбѣ съ нею философіи (ср., напр., I 22. 80. 216. II 90 sq. S.); ср. также Sext. Emp. adv. rh. 10 sqq. Quint. II 17.

[3]) Ср. Gorg. 487 C: μὴ προθυμεῖσθαι εἰς τὴν ἀκρίβειαν φιλοσοφεῖν... Ср. также Euthyd. 293 B sqq. и Διαλέξεις, 586, 33 sq. Diels.

[4]) Ср. Phaedr. 272 E: οὐδὲ γὰρ αὖ τὰ πραχθέντα δεῖν λέγειν ἐνίοτε, ἐὰν μὴ εἰκότως

порождать любое убѣжденіе, внушать любое мнѣніе[1]). Такъ, если овладѣвающее ораторомъ «безуміе» сливаетъ неразрывно и мысль, и слово, и содержаніе, и форму[2]), то краснорѣчіе, поскольку имъ хотятъ распоряжаться сами люди, разъединяетъ ихъ—и подчиняетъ мысль слову, формѣ содержаніе[3]); но тѣмъ самымъ оно конечно открываетъ и возможность прямыхъ уже злоупотребленій словомъ: вѣдь мнѣніе, въ которомъ убѣждаетъ ораторъ, можетъ быть близкимъ, но можетъ быть и далекимъ отъ истины, самъ ораторъ можетъ даже вовсе не раздѣлять его; но чѣмъ меньше самъ онъ вѣритъ тому, въ чемъ убѣждаетъ другихъ,—тѣмъ труднѣе только его задача, и стало-быть тѣмъ выше только его заслуга, тѣмъ ярче только обнаруживается сила его искусства[4]).

ἢ πεπραγμένα, ἀλλὰ τὰ εἰκότα. Gorg. 459 B sqq.: ὁ οὐκ εἰδὼς τοῦ εἰδότος ἐν οὐκ εἰδόσι πιθανώτερος ἔσται... αὐτὰ μὲν τὰ πράγματα οὐδὲν δεῖ αὐτὴν (sc. τὴν ῥητορικὴν) εἰδέναι ὅπως ἔχει, μηχανὴν δέ τινα πειθοῦς εὑρηκέναι, ὥστε φαίνεσθαι τοῖς οὐκ εἰδόσι μᾶλλον εἰδέναι τῶν εἰδότων. Phaed. 91 A. 101 E.

[1]) Ср. Gorg. 452 E sqq.: πειθοῦς (πιστευτικῆς, ἀλλ' οὐ διδασκαλικῆς) δημιουργός ἐστιν ἡ ῥητορική, καὶ ἡ πραγματεία αὐτῆς ἅπασα καὶ τὸ κεφάλαιον εἰς τοῦτο τελευτᾷ (Ср. Phaedr. 261 A sqq.: ἡ ῥητορικὴ τέχνη ψυχαγωγία τις διὰ λόγων. Phil. 58 A: ἡ τοῦ πείθειν. Soph. 222 C: πιθανουργική). Смыслъ этого опредѣленія риторики лучше всего разъясняется въ ироническомъ отзывѣ Платона о Тисіи и Горгіи, которые πρὸ τῶν ἀληθῶν τὰ εἰκότα εἶδον ὡς τιμητέα μᾶλλον, τά τε αὖ σμικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα σμικρὰ φαίνεσθαι ποιοῦσι διὰ ῥώμην λόγου (Phaedr. 267 A; ср. 262 C: ὁ τὴν ἀλήθειαν μὴ εἰδώς, δόξας δε τεθηρευκώς). Ср. Theaet. 201 B sq.; Polit. 304 C (τὸ πειστικὸν πλήθους τε καὶ ὄχλου διὰ μυθολογίας ἀλλὰ μὴ διὰ διδαχῆν).—Аристотель, rhet. 1355 b, опредѣлялъ риторику, какъ δύναμις περὶ ἕκαστον τοῦ θεωρῆσαι τὸ ἐνδεχόμενον πιθανόν,—отчего ей и свойственны не συλλογισμός и ἐπαγωγή, а ἐνθύμημα и παράδειγμα (ср. Philod. I 246 S.). Πειθώ занимала самое видное мѣсто и въ послѣдующихъ опредѣленіяхъ риторики (ср. *Volkmann*, Rhetorik[2], 1 ff., также *Tiele*, Hermagoras, 22 ff.).

[2]) Ср. Phaedr. 238 D sqq. 262 D. Io 534 A.—Къ вѣщанію (ср. μεμαντευμένοι λόγοι, Phil. 67 B) „вдохновенныхъ" ораторовъ подошли бы, вѣроятно, съ точки зрѣнія Платона, слова Гераклита (fr. 93 D.) о „владыкѣ, коему принадлежитъ оракулъ что въ Дельфахъ": οὔτε λέγει οὔτε κρύπτει ἀλλὰ σημαίνει.

[3]) Ср. Gorg. 450 B sq. 457 C sqq. Phaedr. 267 A sqq. 273 D sq.—Къ платонову Горгію (ср. *Diels*, D. Fragm. d. Vorsokratiker, 527), учившему, что риторика есть искусство лишь περὶ τοὺς λόγους, которое не можетъ быть виновато въ томъ, что имъ пользуются и не ὀρθῶς, а не къ платонову Сократу, учившему: τὸν ῥητορικὸν ἀδύνατον εἶναι ἀδίκως χρῆσθαι τῇ ῥητορικῇ (Gorg. 461 A), примыкаетъ и Аристотель, rhet. 1355 b. Вообще, разумѣется, вопросъ о значеніи для краснорѣчія только формальныхъ, или и идеально-реальныхъ (въ томъ числѣ и этическихъ) моментовъ, со временъ Сократа-Платона (ср., напр., сылку въ „Фэдрѣ", 260 E, на Лакона, утверждавшаго, что не можетъ существовать τοῦ λέγειν ἔτυμος τέχνη ἄνευ τοῦ ἀληθείας ἧφθαι, или Διαλέξεις, особ. p. 586, 38 sqq. D., также Eurip. Hec. 814 sqq.), постоянно дебатировался въ полемикѣ между философіей и риторикой (ср., напр., Philod. II 142 sqq. 270 sq.)

[4]) Ср. Gorg. 449 B sqq. 459 A sqq. 484 C sqq. 502 C sqq. Phaedr. 259 E sqq.

Въ томъ, что для краснорѣчія, поскольку имъ распоряжались люди,

---

267 A sqq. Meno 80 B. Phileb. 55 D sqq. Theaet. 166 C sqq. Euth. 305 B sqq. Menex. 235 A sqq. Resp. 499 A: οὐδέ γε αὖ λόγων καλῶν τε καὶ ἐλευθέρων ἱκανῶς ἐπήκοοι γεγόνασιν, οἵων ζητεῖν μὲν τὸ ἀληθὲς ξυντεταμένως ἐκ παντὸς τρόπου τοῦ γνῶναι χάριν, τὰ δὲ κομψά τε καὶ ἐριστικὰ καὶ μηδαμόσε ἄλλοσε τείνοντα ἢ πρὸς δόξαν καὶ ἔριν καὶ ἐν δίκαις καὶ ἐν ἰδίαις συνουσίαις πόρρωθεν ἀσπαζομένων.—Ср. похвалу λόγος'у (ὁ πείσας καὶ τὴν ψυχὴν ἀπατήσας) въ горгіевой „Еленѣ“, особ. § 8 sqq. (объ этой рѣчи и въ частности объ отношеніи горгіева Λόγος'а къ гераклитову—ср. Tiele, *Hermes*, XXXVI, 233 ff.; мимоходомъ замѣтимъ, что слова Горгія: λόγος δυνάστης μέγας ἐστίν, ὃς σμικροτάτῳ σώματι καὶ ἀφανεστάτῳ θειότατα ἔργα ἀποτελεῖ etc. восходятъ, быть можетъ, къ Odyss. VIII 167 sqq.: ἄλλος μὲν γάρ τ' εἶδος ἀκιδνότερος πέλει ἀνήρ, ἀλλὰ θεὸς μορφὴν ἔπεσι στέφει, οἱ δέ τ' ἐς αὐτὸν τερπόμενοι λεύσσουσιν· ὁ δ' ἀσφαλέως ἀγορεύει αἰδοῖ μειλιχίῃ, μετὰ δὲ πρέπει ἀγρομένοισιν, ἐρχόμενον δ' ἀνὰ ἄστυ θεὸν ὣς εἰσορόωσιν).—Οἱ λόγοι—говорилъ и Исократъ—τοιαύτην ἔχουσι τὴν φύσιν, ὥσθ' οἷόν τ' εἶναι περὶ τῶν αὐτῶν πολλαχῶς ἐξηγήσασθαι καὶ τά τε μεγάλα ταπεινὰ ποιῆσαι καὶ τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι καὶ τά τε παλαιὰ καινῶς διελθεῖν καὶ περὶ τῶν νεωστὶ γεγενημένων ἀρχαίως εἰπεῖν (IV 8, ср. XV 257, и вообще—*Scheel*, De Gorgianae disciplinae vestigiis, 1890).—Въ связи съ тѣмъ стояла и „антилогика“, а также еристика софистовъ (ср. Soph. 232 B sqq.); еще о Протагорѣ и о Горгіи разсказывали, что они учили своихъ учениковъ τὸν αὐτὸν καὶ ψέγειν καὶ ἐπαινεῖν (ср. о Протагорѣ—*Diels*, Fragm. d. Vorsokr. 516 ff., о Горгіи—Cic. Brut. 47); о Θрасимахѣ говорится въ „Фэдрѣ“ 267 C sq.: ὀργίσαι τε αὖ πολλοὺς ἅμα δεινὸς ἀνὴρ γέγονε, καὶ πάλιν ὠργισμένοις ἐπᾴδων κηλεῖν. διαβάλλειν τε καὶ ἀπολύσασθαι διαβολὰς ὁθενδὴ κράτιστος. Отсюда, конечно, и παράδοξοι или ἄδοξοι ὑποθέσεις похвальныхъ словъ (ср. выше, стр. 66 сл., прим., также Philod. I 216 sq.—о „риторическихъ софистахъ восхваляющихъ Бусиридовъ и Полифемовъ“; ср. παράδοξα и ἄδοξα σχήματα Гермагора, *Tiele*, Hermag., 114 ff.); если [Менандръ], 98 B., совѣтуетъ потомъ оратору, восхваляющему царя (императора), не задумываться предъ возможностью καὶ πλάσαι (καὶ ποιεῖν τοῦτο πιθανῶς),—то и Платонъ еще иронизируетъ (Conv. 198 D sq.), что за τὸ καλῶς ἐπαινεῖν считается τὸ ὡς μέγιστα ἀνατιθέναι τῷ πράγματι καὶ ὡς κάλλιστα, ἐάν τε ᾖ οὕτως ἔχοντα ἐάν τε μή· εἰ δὲ ψευδῆ, οὐδὲν ἄρ' ἦν πρᾶγμα (ср. Menex. 234 C sq.); то же считаетъ правиломъ для энкоміевъ и Исократъ (XIII 4. IX 48. XII 123), также [Анаксименъ], rhet. 3 (ср. Wendland, *Hermes*, XXV 174 ff.).—Аристотель, rhet. 1402 a, различаетъ между εἰκότα риторики или еристики два вида: τὸ εἰκός (ἁπλῶς) и τὶ εἰκός, εἰκός въ смыслѣ ψεῦδος, καὶ οὐκ ἀληθὲς ἀλλὰ φαινόμενον εἰκός; потомъ противники риторики называли ея θεωρήματα вообще—ψευδῆ (Philod. Suppl. 12; ср. Sext. adv. rh. 10. Quint. II 17, 18. 27); но нужно конечно имѣть въ виду, что еллины, какъ народъ художественный, не предъявляли вообще слишкомъ строгихъ и опредѣленныхъ требованій къ правдѣ-истинѣ,—какъ это показываетъ исторія понятій: ψεῦδος (ср. *Schmidt*, Ethik d. Gr. II 411 f.; ψεύδεα Музъ, Hes. theog. 27), ἀπάτη (ср. Ἀπάτη какъ собств. имя), также μῦθος, πλάσμα и т. п.—О перевѣсѣ „искусства“ надъ „мудростью“—о подчиненіи мысли слову и о злоупотребленіяхъ словомъ—въ позднѣйшей греческой риторикѣ (особенно, конечно, школьной) ср. *Rohde*, Gr. R.[2] 316 ff. 331 ff. 343 ff., также *Peter*, Gesch. Litt. üb d. r. Kaiserz. I 5 ff. 180 ff.—Въ ексцерптахъ ἐκ τῶν Λογγίνου (Spengel, *Rhet. Gr.*, I 328) τὰ μὲν σμικρὰ μεγάλως λέγειν, τὰ δὲ μεγάλα σμικρῶς прямо объявляется за ῥητορικῆς ἔργον.—Относительно разрыва между ὀνόματα собственно и πράγματα или νοήματα и перевѣса первыхъ надъ послѣдними ср. Gorg. 489 E sq. Menex. 235 A. Theaet. 199 A. Resp. 454 A. Leg 964 A, также [Xenoph.] Cyn. 13, 6. Arist. soph. el. 161 a, 8.

не только могла не быть, но даже не могла быть всего дороже истина, и заключалась присущая ему опасность. Какъ призрачной была та истина, какую оно собою представляло, такъ призрачными были и добро и красота, къ какимъ оно стремилось[1]). Оно жило не сущимъ, а видимымъ, не единымъ, а многимъ, не вѣчнымъ, а временнымъ, не тѣмъ, что есть,--тѣмъ, что бываетъ[2]). Оно имѣло дѣло съ человѣкомъ не какъ разумнымъ только существомъ, а съ человѣкомъ какъ частью чувственнаго міра[3]). Оно могло конечно служить не только низшимъ, но и высшимъ стремленіямъ и свойствамъ человѣческой природы, но не могло служить однимъ лишь этимъ высшимъ стремленіямъ и свойствамъ. Ораторъ говорилъ предъ «многими», передъ толпой, и къ этимъ «многимъ» онъ долженъ былъ приспособляться, даже если онъ хотѣлъ возвысить ихъ надъ ними самими, тѣмъ болѣе, конечно, если онъ хотѣлъ себя возвысить надъ ними. Естественно, что мудрость оратора могла сводиться больше всего къ умѣнью поддѣлываться подъ толпу, подлаживаться къ этому животному,—изучивъ его причуды и норовъ, зная, какъ подойдти къ нему, какъ дотронуться до него, зная, какіе звуки дѣлаютъ его свирѣпымъ, какіе—кроткимъ,—при чемъ оратору, конечно, приходилось отожествляться такъ или иначе съ толпой и въ мысляхъ,—называть добромъ то, что ей нравилось, и зломъ—то, что ее сердило[4]). Такъ искусство слова становилось искусствомъ лести, искус-

---

[1]) Здѣсь имѣются въ виду платоновы категоріи: ἀλήθεια (или δίκαιον), ἀγαθόν, καλόν. Тексты Платона, сюда относящіеся, указаны въ указателѣ, приложенномъ къ труду *Natorp*, Platos Ideenlehre, п. сл. Gute, das, Schöne, das, Wahrheit. Данныя Наторпомъ разъясненія этихъ текстовъ должны быть пополнены съ точекъ зрѣнія, намѣченныхъ у *Rohde*, Psyche II[2] 263 ff. (ср. также *Windelband*, Platon, 1900).

[2]) τὸ (ὄντως) ὄν, μὴ ὄν, φαινόμενον (εἰκασθέν), νοητόν (νοούμενον), αἰσθητόν (δοξαστόν), ἕν, (ὅλον), πολλά, ἀεὶ ὄν (ἀίδιον), μόνιμον, γιγνόμενον, πέρας, ἄπειρον... Ср. указатель въ книгѣ Наторпа п. сл.: Sein, Nichtsein, Erscheinung, Urbild u. Abbild, Intelligibiles, Sinnlichkeit u. Sinnenwelt, Einheit u. Vielheit, Ganzes, Ewiges, Werden, Beharrung u. Veränderung, Bewegung, An sich, Relation, Apeiron, Peras, Idee, Eidos.

[3]) Ср. указатель въ книгѣ Наторпа п. сл.: Psyche, Körper, Verstand, Vernunft, Erfahrung, Erkenntnis, Doxa, Sinnlichkeit, Lust u. Unlust, Ethik. Ср. *Rohde*, l. l.

[4]) Resp. 492 A sqq.: конечно, софисты развращаютъ молодежь; но самые опасные софисты, развращающіе и молодыхъ, и старыхъ, и мужчинъ, и женщинъ,— не эти единичные софисты, а толпа (οἱ πολλοί); одинъ тотъ дикій крикъ и шумъ (καὶ ἐκβοῶντες καὶ κροτοῦντες, ср. Leg. 700 C: ἄμουσοι βοαὶ πλήθους καὶ κρότοι), съ какимъ толпа, собравшаяся на вѣче, на судилище, на зрѣлище (εἰς θέατρα), или на иное какое сборище, выражаетъ негодованіе или восторгъ,—а этому крику и шуму вторятъ окрестъ скалы,—одна эта бурная волна порицаній или похвалъ—кого она не размоетъ и не унесетъ съ собой? Кто осмѣлится не раздѣлять съ толпой ея и представленій,

ствомъ лжи[1]), или сближалось съ искусствомъ заклинаній—заговаривало только оно не змѣй и скорпіоновъ и не болѣзни, а людей, толпу, особенно, конечно, толпу, собравшуюся въ судъ или на вѣче[2]). Не какъ

и стремленій, не быть такимъ же, какъ она? Къ тому же въ ея рукахъ и власть—карать ей не угодныхъ. Кто же, какой безумецъ пошелъ бы противъ толпы, да и къ чему бы повели его рѣчи? Поистинѣ, если чье ἦθος сохранится въ такой средѣ, выйдетъ такимъ, какимъ оно должно быть,—то можно сказать—это не ἀνθρώπειον, а θεῖον ἦθος, и соблюла его лишь θεοῦ μοῖρα... Такъ, наемники-софисты только соперничаютъ съ толпой въ искусствѣ (ἀντίτεχνοι), когда учатъ, подъ именемъ мудрости, лишь мнѣніямъ (δόγματα) толпы,—какъ если бы кто, изучивъ (ξυνουσίᾳ τε καὶ χρόνου τριβῇ), какъ обращаться съ громаднымъ, откормленнымъ звѣремъ,—изучивъ, что его раздражаетъ, что его успокоиваетъ,—и приведя изученное въ нѣкоторую систему (ὡς τέχνην συστησάμενος), сталъ бы эту свою мнимую τέχνην выдавать за мудрость и поучать ей другихъ,—не зная, каковы въ сущности (τῇ ἀληθείᾳ) тѣ δόγματά τε καὶ ἐπιθυμίαι, не разбираясь вовсе въ понятіяхъ: прекрасное, дурное, благо, зло, правда, неправда, а просто принимая ихъ такими, какъ ихъ принимаетъ толпа, называя благомъ то, что радуетъ, и зломъ—что гнѣваетъ ее, или называя справедливымъ, прекраснымъ, считая благомъ то, что существуетъ только какъ неизбѣжное или необходимое (τἀναγκαῖα—sufficiens?). И чѣмъ отличается отъ такого софиста тотъ, кто полагаетъ мудрость въ знаніи того, что вызываетъ удовольствіе или неудовольствіе пестрой толпы—въ живописи-ли, въ музыкѣ, или въ политикѣ?... Ср. Gorg. 500 C sqq., гдѣ, м. пр., ораторы—поскольку они заботятся только объ угожденіи, о доставленіи удовольствія народу (ὥσπερ παισὶ προσομιλοῦσι τοῖς δήμοις, χαρίζεσθαι αὐτοῖς πειρώμενοι μόνον),—сближаются съ музыкантами и поэтами; въ частности, политическій дѣятель и ораторъ въ Аѳинахъ, если онъ желаетъ, опираясь на расположеніе народа, имѣть силу и значеніе въ государствѣ, долженъ быть самъ ὡς ὁμοιότατος τῷ δήμῳ (513 A sqq.).—Ср. Arist. rhet. 1395 b: πιθανωτέρους (и вмѣстѣ—μουσικωτέρους) εἶναι τοὺς ἀπαιδεύτους τῶν πεπαιδευμένων ἐν τοῖς ὄχλοις· οἱ μὲν γὰρ τὰ κοινὰ καὶ καθόλου λέγουσιν, οἱ δ' ἐξ ὧν ἴσασι, καὶ τὰ ἐγγύς.—О τὰ ὄχλοις ἀρέσκοντα, какъ и объ ὀχλικὴ θύελλα, говорится и у Филодема, I 46. 184. 343. 363. II 154 S.—О зависимости оратора отъ толпы, или публики въ болѣе позднее время—ср. *Rohde*, Gr. R². 315 ff, также *Hatch*, Griech. u. Christ., 66 ff.

[1]) Gorg. 462 D sqq.: ἡ καλουμένη ῥητορική (448 E)—не τέχνη, а ἐμπειρία, и именно χάριτός τινος καὶ ἡδονῆς ἀπεργασίας (462 C),—есть, наряду съ софистикой, лишь μόριον той ἐπιτηδεύσεως, τὸ κεφάλαιον коей—κολακεία (другими двумя μόρια этой ἐπιτηδεύσεως, имѣющими цѣлью уже не душу, а тѣло, являются ἡ ὀψοποιϊκή и ἡ κομμωτική). Ср. 501 C sqq. (κολακεία ἂν εἴη καὶ αἰσχρὰ δημηγορία). 517 A. 522 D (ἡ κολακική—не ἀληθινή—ῥητορική). 527 C.—Ср. Philod. II 183.—Таковъ, вѣроятно, и смыслъ сближенія риторики съ „параситикой“ (ср. Sudhaus, *Philod. v. rh.*, Suppl., p. IX. XXIII sqq.) въ сатирѣ-пародіи Лукіана περὶ παρασίτου, ὅτι τέχνη ἡ παρασιτική.

[2]) Euthyd. 289 E sq.: οἱ λογοποιοί могутъ казаться ὑπέρσοφοι, и τέχνη ихъ θεσπεσία τις καὶ ὑψηλή. И не удивительно: вѣдь эта τέχνη—часть τῶν ἐπῳδῶν τέχνης, мало чѣмъ уступающая послѣдней: одна (τέχνη) есть κήλησις змѣй, скорпіоновъ и разныхъ другихъ θηρίων, а также болѣзней, другая—κήλησίς τε καὶ παραμυθία дикастовъ, екклесіастовъ и прочихъ ὄχλων. Ср. Gorg. Hel. 10: αἱ γὰρ ἔνθεοι διὰ λόγων ἐπῳδαὶ ἐπαγωγοὶ ἡδονῆς ἀπαγωγοὶ λύπης γίνονται. συγγιγνομένη γὰρ τῇ δόξῃ τῆς ψυχῆς ἡ δύναμις τῆς ἐπῳδῆς ἔθελξε

чужой, какъ свой, и не какъ человѣкъ среди животныхъ или какъ врачъ среди больныхъ[1]), а какъ слуга, готовый угождать страстямъ своихъ господъ[2]), являлся среди толпы ораторъ, чтобъ подчинять ее себѣ, чтобъ властвовать надъ нею — на почвѣ тѣхъ-же желаній не души, а тѣла, или души приросшей къ тѣлу[3]). Конечно, властолюбіе или тще-

---

καὶ ἔπεισε καὶ μετέστησεν αὐτὴν γοητείᾳ (ib. 14: τῶν λόγων... οἱ δὲ πειθοῖ τινι κακῇ τὴν ψυχὴν ἐφαρμάκευσαν καὶ ἐξεγοήτευσαν, ср. Meno 80 A: γοητεύεις με καὶ φαρμάττεις καὶ ἀτεχνῶς κατεπᾴδεις). Вообще ораторъ-софистъ у Платона часто сближается если не съ ἐπῳδός (ср. Phaedr. 267 C—о Θрасимахѣ), то съ γόης, φαρμακεύς (Conv. 203 D. Soph. 234 C sqq. Polit. 291 C. 303 C. Leg. 908 D. Menex. 235 A); о томъ, какъ вообще смотрѣлъ Платонъ на ἐπῳδαί и ἐπαγωγαί, на γοητεύειν и φαρμάττειν,—ср. Leg. 908 D sqq. 932 E sqq. У Исократа, когда онъ говоритъ о своихъ соперникахъ, ἐπῳδάς и т. п. замѣняютъ собою (какъ Soph. 235 B) θαυματοποιίαι (X 7. XV 269; ср. X 4: τερθρεία). Въ риторикѣ Аристотеля, 1408 b, слушатель уже κλέπτεται (ср. top. 126 a, 31).—Γοητεία ораторовъ выражалась преимущественно конечно во внѣшней сторонѣ рѣчи (ср. Menex. 235 A: κάλλιστά πως τοῖς ὀνόμασι ποικίλλοντες, γοητεύουσιν ἡμῶν τὰς ψυχάς. Soph. 234 C: διὰ τῶν ὤτων τοῖς λόγοις γοητεύειν; также Philod. II 94).

[1]) Theaet. 172 C sqq., гдѣ, въ противоположность оратору, чуждымъ толпѣ съ ея обычными интересами и потому глупымъ, безумнымъ, смѣшнымъ въ ея глазахъ рисуется истинный философъ (ср. Apol. 32 A. Phaedr. 249 D. Soph. 216 D. Resp. 517 A). Resp. 496 D: ὥσπερ εἰς θηρία ἄνθρωπος ἐμπεσών. Gorg. 465 B sqq. 500 B sqq. 517 D sqq. и Phaedr. 270 B sqq., гдѣ развивается мысль, что истинный ораторъ долженъ быть (φρονεῖν καὶ λέγειν) тѣмъ же для души, чѣмъ для тѣла—врачъ.—Ср. Philod. II 269.

[2]) διάκονος καὶ ἐπιθυμιῶν παρασκευαστής, Gorg. 518 C. 521 A. Ср. Theaet. 172 E sqq. 175 D sq.

[3]) Phaed. 82 C sqq.: οἱ πολλοί (кромѣ философовъ, или φιλομαθεῖς) предаютъ себя τοῖς κατὰ τὸ σῶμα ἐπιθυμίαις, не обуздывая ихъ, не стремясь освободить изъ ихъ оковъ свою душу; поэтому они любостяжательны, честолюбивы, властолюбивы (какъ объ этой, такъ и о другихъ психологическихъ теоріяхъ—или картинахъ—Платона ср. *Rohde*, Psyche, II² 269 ff., также *Natorp*, Platos Ideenlehre, 462 f.).—О краснорѣчіи какъ о средствѣ для удовлетворенія πλεονεξίας, или φιλοχρηματίας ср. Apol. 19 E sqq. Prot. 311 B sqq. Meno 90 D sqq. Gog. 519 C sqq. Phaedr. 266 C. Soph. 222 D sqq. Hipp. maj. 281 B sqq.; о краснорѣчіи какъ о средствѣ для удовлетворенія φιλοτιμίας или φιλαρχίας—честолюбія, властолюбія, тщеславія,—т. е. стремленія къ тому, чтобы μέγιστον δύνασθαι ἐν τῇ πόλει, προεστάναι τῆς πόλεως, имѣть власть, подобную власти тиранна или царя, къ тому, чтобы распоряжаться судьями, или къ тому, чтобы слыть сверхмудрымъ, всемудрымъ, всезнающимъ, владѣющимъ мыслью и словомъ, или же просто къ тому, чтобы имѣть успѣхъ у слушателей, быть для нихъ интереснымъ и пріятнымъ—пока они слушаютъ, и, пожалуй, еще „дня на два, на три",—ср. Gorg. 451 D sqq. Resp. 336 B sqq. 564 D. sqq. Meno 73 C sq. 95 C sqq. Phaedr. 257 C sqq. 272 D sqq. Phileb. 58 A sqq. Euthyd. 289 E sqq. 304 E sqq. Prot. 318 E sqq. Hipp. min. 363 C sqq. Hipp. maj 281 A sqq. Phaed. 91 A. 101 E. Soph. 232 B sqq. Menex. 234 C sqq. Такъ же рисуются ораторы и въ Воспоминаніяхъ Ксенофонта (напр. I 6, гдѣ, м. пр., они сравниваются съ πόρνοι; ср. *Joël*, Sokr., II 629 ff.), или въ комедіи, особенно Аристофана (также и у Эврипида), позднѣе, напр. у Эпиктета (diss. III 23).

славіе, любостяжаніе или корыстолюбіе влекли ораторовъ прежде всего туда, куда шли и другіе—не знавшіе, куда идутъ, слѣпые[1]),—куда шли «многіе»,—въ судъ и въ другія политическія собранія,—гдѣ такъ мельчали и кривились души въ вѣчной суетѣ, приличной рабамъ, а не свободнымъ[2]). Меньше извилистыми и кривыми[3]), но еще больше скользкими[4]) могли быть пути ораторовъ, когда они брались служить не политическимъ, а умственнымъ и эстетическимъ запросамъ или интересамъ тѣхъ же «многихъ», той же толпы. И здѣсь имъ приходилось заботиться не о томъ, что скажетъ свѣдущій, или что скажетъ сама

Діона Златоуста (or. 12. 32 sq. 35), Максима тирскаго, Лукіана (Ῥητόρων διδάσκαλος, Ψευδολογιστής). Ср. Philod. I 232. II 161 sqq. 281 sq.—Позже все больше, конечно, приходилось ораторамъ думать объ успѣхѣ или объ успѣхахъ уже не на почвѣ политическихъ (ср. Athen. 211 e sqq. Eunap. v. s., 68, о софистѣ Юліанѣ: ἐτυράννει γε τῶν Ἀθηνῶν), а на почвѣ умственныхъ или эстетическихъ интересовъ толпы (т. е. уже публики).

[1]) Phaed. 82 D: не доступные λύσει τε καὶ καθαρμῷ философіи, σώματι πράττοντες, имѣющіе душу σωματοειδῆ—считающую истиннымъ то, что таковымъ полагаетъ тѣло,—κατὰ ταὐτὰ πορεύονται τοῖς πολλοῖς, ὡς οὐκ εἰδόσιν ὅπῃ ἔρχονται. Ср. Phaedr. 270 D (τυφλοῦ πορεία). Soph. 254 A. Resp. 505 E sqq. 514 A sqq. 527 E.

[2]) Theaet. 172 C sqq.: οἱ ἐν δικαστηρίοις καὶ τοῖς τοιούτοις κυλινδούμενοι въ сравненіи съ οἱ ἐν φιλοσοφίᾳ καὶ τῇ τοιᾷδε διατριβῇ τεθραμμένοι—что οἰκέται въ сравненіи съ ἐλεύθεροι. Вѣчно приходится имъ говорить ἐν ἀσχολίᾳ, не ἐν εἰρήνῃ ἐπὶ σχολῆς; и клепсира, и противная сторона (ὁ ἀντίδικος), ссылающаяся на списокъ поставленныхъ (судомъ) вопросовъ, за предѣлы которыхъ выходить не полагается, не позволяютъ имъ περὶ οὗ ἂν ἐπιθυμήσωσι τοὺς λόγους ποιεῖσθαι. Да и рѣчи эти—вѣчно περὶ ὁμοδούλου, πρὸς δεσπότην καθήμενον, ἐν χειρὶ τὴν δίκην ἔχοντα, καὶ οἱ ἀγῶνες οὐδέποτε τὴν ἄλλως ἀλλ' ἀεὶ τὴν περὶ αὐτοῦ, а вопросъ не рѣдко идетъ о жизни или смерти. По всему этому они становятся ἔντονοι καὶ δριμεῖς, ἐπιστάμενοι τὸν δεσπότην λόγῳ τε θωπεῦσαι καὶ ἔργῳ χαρίσασθαι, σμικροὶ δὲ καὶ οὐκ ὀρθοὶ τὰς ψυχάς· τὴν γὰρ αὔξην καὶ τὸ εὐθύ τε καὶ τὸ ἐλεύθερον ἡ δουλεία ἀφῄρηται, ἀναγκάζουσα πράττειν σκολιά. Такъ πολλὰ κάμπτονται καὶ συγκλῶνται эти δεινοί τε καὶ σοφοί.... οὗτος δὴ ἑκατέρου τρόπος, ὁ μὲν τῷ ὄντι ἐν ἐλευθερίᾳ τε καὶ σχολῇ τεθραμμένου, ᾧ ἀνεμέσητον εὐήθει δοκεῖν καὶ οὐδενὶ εἶναι, ὅταν εἰς δουλικὰ ἐμπέσῃ διακονήματα, οἷον στρωματόδεσμον μὴ ἐπισταμένου συσκευάσασθαι μηδὲ ὄψον ἡδῦναι ἢ θῶπας λόγους· ὁ δ' αὖ τὰ μὲν τοιαῦτα πάντα δυναμένου τορῶς τε καὶ ὀξέως διακονεῖν, ἀναβάλλεσθαι δὲ οὐκ ἐπισταμένου ἐπιδέξια ἐλευθέρως οὐδέ γ' ἁρμονίαν λόγων λαβόντος ὀρθῶς ὑμνῆσαι θεῶν τε καὶ ἀνδρῶν εὐδαιμόνων βίον ἀληθῆ... Хотя здѣсь и имѣется въ виду ближайшимъ образомъ дикастерій, но отсюда прямая дорога ведетъ насъ ,конечно, и на агору и въ βουλευτήριον ἤ τι κοινὸν ἄλλο τῆς πόλεως συνέδριον (173 D,—ср. 172 A. 176 C. 201 A sq.; такъ, повидимому, понялъ эту характеристику и Исократъ, XII 27 sq., на котораго, въ свою очередь, намекаетъ Платонъ въ „Эвтидемѣ“, 305 B sqq.,—гдѣ рѣчь идетъ о μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ πολιτικοῦ). Ср. Gorg. 469 B sqq. Resp. 492 D sqq. 588 B. sqq. Apol. 29 D sqq. Hipp. maj. 304 A sqq.

[3]) Theaet. 173 A. 176 D sqq .

[4]) Theaet. 175 D. Soph. 254 A.

истина, а о томъ, что скажетъ толпа[1]),—толпа, которая, по самой своей природѣ, неспособна мыслить отвлеченно, точно, стройно[2]); имъ приходилось думать поэтому не столько о наилучшемъ, сколько о пріят-

---

[1]) Crito 48 A: οὐκ ἄρα πάνυ ἡμῖν οὕτω φροντιστέον, τί ἐροῦσιν οἱ πολλοὶ ἡμᾶς, ἀλλ' ὅτι ὁ ἐπαΐων περὶ τῶν δικαίων καὶ ἀδίκων, ὁ εἷς καὶ αὐτὴ ἡ ἀλήθεια. Lach. 184 D sqq. Hipp. maj. 299 A sq. Cp. Apol. 23 A sqq. Gorg. 471 E sqq. Resp. 527 D sqq.

[2]) Resp. 494 A: αὐτὸ τὸ καλόν, ἀλλὰ μὴ τὰ πολλὰ καλά, ἢ αὐτό τι ἕκαστον καὶ μὴ τὰ πολλὰ ἕκαστα, ἔσθ' ὅπως πλῆθος ἀνέξεται ἢ ἡγήσεται εἶναι; Ἥκιστα γ', ἔφη. Φιλόσοφον μὲν ἄρα, ἦν δ' ἐγώ, πλῆθος ἀδύνατον εἶναι. Ἀδύνατον. Καὶ τοὺς φιλοσοφοῦντας ἄρα ἀνάγκη ψέγεσθαι ὑπ' αὐτῶν. Ἀνάγκη. Καὶ ὑπὸ τούτων δὴ τῶν ἰδιωτῶν, ὅσοι προσομιλοῦντες ὄχλῳ ἀρέσκειν αὐτῷ ἐπιθυμοῦσιν. Δῆλον. Cp. 489 C sqq. 527 D sq. Tim. 51 E.—Касается, конечно, краснорѣчія (и вмѣстѣ—μεγίστης μουσικῆς, т. е. философіи) и то, что говорится объ отношеніи толпы къ (δημώδης) μουσική въ „Законахъ", 700 A sqq.: было время, когда толпа не смѣла выкрикивать и выхлопывать свои приговоры надъ исполнявшимися передъ нею музыкальными произведеніями,—въ молчаніи, не перебивая, выслушивала она то, что преподносилось ей съ одобренія τῶν γεγονότων περὶ παίδευσιν; съ теченіемъ времени рушился порядокъ, и виновниками его разрушенія—τῆς ἀμούσου παρανομίας—были поэты, правда φύσει ποιητικοί, но ἀγνώμονες περὶ τὸ δίκαιον τῆς Μούσης καὶ τὸ νόμιμον, βακχεύοντες καὶ μᾶλλον τοῦ δέοντος κατεχόμενοι ὑφ' ἡδονῆς,- по неразумію клеветавшіе на μουσική, будто ей совершенно чужда ὀρθότης, будто достоинство ея правильнѣе всего (ὀρθότατα) опредѣляется удовольствіемъ того, кто ею наслаждается, каковъ бы онъ ни былъ—εἴτε βελτίων εἴτε χείρων: такъ внушена была толпѣ παρανομία εἰς τὴν μουσικὴν καὶ τόλμα,—будто толпа способна тутъ быть судьею. Съ тѣхъ поръ и τὰ θέατρα ἐξ ἀφώνων сдѣлались φωνήεντα,—ὡς ἐπαΐοντα ἐν μούσαις τό τε καλὸν καὶ μή,—и вмѣсто ἀριστοκρατίας установилась здѣсь θεατροκρατία τις πονηρά; не было бы еще такъ печально, если бы то была только δημοκρατία τις ἐλευθέρων ἀνδρῶν,—нѣтъ, теперь ἦρξε μὲν ἡμῖν ἐκ μουσικῆς ἡ πάντων εἰς πάντα σοφίας δόξα καὶ παρανομία, ξυνεφέσπετο δὲ ἐλευθερία· ἄφοβοι γὰρ ἐγίγνοντο ὡς εἰδότες, ἡ δὲ ἄδεια ἀναισχυντίαν ἐνέτεκε... Этими мыслями (т. е. образами или выраженіями) платоновыхъ „Законовъ" (поучительно сравнить это мѣсто „Законовъ" съ Gorg Palam. 33 sq. гдѣ противопоставляются χρήσιμα—ἐν ὄχλῳ μὲν οὔσης τῆς κρίσεως и παρὰ δ' ὑμῖν τοῖς πρώτοις οὖσι τῶν Ἑλλήνων) пользуются, конечно, и Діонисій галикарнасскій (de rhet. ant. 1), и другіе писатели (ср. сопоставленія у *Norden* A. K., 355 ff.), рисующіе упадокъ, извращеніе краснорѣчія, въ частности его „асійскій характеръ" (особенно—ὄθλους μελῶν καὶ δημοτικὴν φλυαρίαν); также пригодилась потомъ, повидимому (ср. Luc. de paras. 27. Cic. de or. III 57), въ спорѣ философіи и риторики и ссылка Платона, Resp. 500 B, какъ на виновниковъ того, что οἱ πολλοὶ такъ χαλεπῶς располагаются къ философіи,—на мнимыхъ „философовъ",—τοὺς ἔξωθεν οὐ προσῆκον ἐπεισκεκωμακότας, λοιδορουμένους τε αὐτοῖς καὶ φιλαπεχθημόνως ἔχοντας καὶ ἀεὶ περὶ ἀνθρώπων τοὺς λόγους ποιουμένους, ἥκιστα φιλοσοφίᾳ πρέπον ποιοῦντας (ср. Isocr. XV 84. 268. X 1 sqq.).—Для послѣдующаго времени ср. Philod. II 3 sqq. (гдѣ возраженія направлены, м. пр., еще противъ Навсифана, ср. *Arnim*, Dio v. Pr., 49 f.), Epict. diss. III 23, особенно же плутархово περὶ τοῦ ἀκούειν.—Ср. также Apol. 24 E sqq. Crito 47 A sqq. Prot. 322 C sqq. Gorg. 455 B sqq.—Аристотель, pol. 1281 b, ограничиваетъ сужденіе Платона: διὸ καὶ κρίνουσιν ἄμεινον οἱ πολλοὶ καὶ τὰ τῆς μουσικῆς ἔργα καὶ τὰ τῶν ποιητῶν; но ср. rhet. 1395 b (со ссылкой на „поэтовъ",—Eur. Hipp. 989 sq., также Aristoph. Equ. 191).

номъ[1]). Вмѣстѣ того, чтобъ быть оберегающими здоровье душъ врачами, они оказывались поварами подлаживавшимися подъ вкусы и причуды этихъ душъ[2]), если не продавцами, развозившими по городамъ съѣстные для души припасы, расхваливавшими, конечно, всѣ свои товары, не зная и не различая, что изъ продаваемаго ими могло быть для души полезно, что вредно[3]). Цѣлью ихъ стремленій становилось не то, что истинно-прекрасно, какимъ бы ни казалось оно, а то, что можетъ людямъ показаться прекраснымъ, какимъ бы ни было оно на самомъ дѣлѣ[4]),—и не на сущность, а на внѣшность рѣчи прежде всего и направлялись ихъ заботы. Такъ центръ тяжести переносился съ содержанія на форму рѣчи,—сила слова оттѣсняла, замѣняла собою силу мысли, силу знанія: вѣдь ораторъ вовсе не хотѣлъ быть знающимъ, онъ хотѣлъ только казаться больше, лучше знающимъ, чѣмъ знающіе[5]). Не ища себѣ опоры въ силѣ знаній, сила слова еще меньше могла искать себѣ опору въ силѣ природныхъ дарованій: вѣдь эту силу слова могли считать лишь дѣломъ навыка или сноровки, усвояемой черезъ посредство упражненія и выучки[6]). Такъ «ремесленники» слова, не довольствуясь

---

[1]) τοῦ ἡδέος στοχάζεται ἄνευ τοῦ βελτίστου, Gorg. 465 A. Cp. 500 A sqq. Resp. 493 A sqq. Soph. 222 E. 234 C sqq. Menex. 234 C sqq.—Cp. Philod. II 180 sqq.

[2]) Gorg. 462 D sqq., гдѣ ἡ ῥητορική—какъ κολακευτική (αἰσθομένη, οὐ γνοῦσα λέγω ἀλλὰ στοχασαμένη!)—сравнивается съ ἡ ὀψοποιική, которая ὑπὸ τὴν ἰατρικὴν (не только излѣчивающую, но и предупреждающую болѣзни) ὑποδέδυκε, καὶ προσποιεῖται τὰ βέλτιστα σιτία τῷ σώματι εἰδέναι, тогда какъ она только τῷ ἀεὶ ἡδίστῳ θηρεύεται τὴν ἄνοιαν καὶ ἐξαπατᾷ. Cp. 500 B sqq. Phaedr. 270 B. Theaet. 166 D sqq.

[3]) Prot. 313 C sqq. 328 B. Soph. 223 C sqq. Gorg. 504 E. Hipp. maj. 283 B.—Cp. Max. Tyr. diss. 33, 8: ἀγορὰ πρόκειται ἀρετῆς, ὤνιον τὸ πρᾶγμα.

[4]) Cp. Phaedr. 259 E. 273 D sqq. Leg. 654 B sqq.

[5]) Gorg. 456 B sqq. 484 C sqq. Soph. 232 A sqq. Meno 70 B sq. Hipp. min. 363 C sq. Phaed. 91 B. Resp. 535 D sq.

[6]) Въ „Горгіи“ (462 B sqq.), въ „Федрѣ“ (260 E sqq.) и въ „Государствѣ“ (492 E sqq.) Платонъ опредѣляетъ „такъ называемую ῥητορικὴν (τέχνην)“, какъ ἐμπειρία и τριβή,—не какъ τέχνη,—потому что смѣшною τέχνη, ἄτεχνος τέχνη (т. е. ἄτεχνος τριβή) представляется ему „λόγων τέχνη“, если она не выражаетъ собою истину, а гоняется только за δόξαι,—если она выражаетъ собою не то, что ораторы βούλονται, а ἃ δοκεῖ αὐτοῖς (если она—можно прибавить по Phil. 56 B—не преслѣдуетъ ἀκρίβειαν, что сдѣлало бы ее τεχνικωτέραν). Всѣ φαντάσματα, σοφίσματα, τεχνήματα (Phaedr. 269 A, cp.—ἃ τεχνικὰ πάντες προσαγορεύομεν, Leg. 889 A) риторики не имѣютъ никакой устойчивости (cp. Phil. 55 E sqq.: если бы выдѣлить изъ всѣхъ τεχνῶν ἀριθμητικὴν καὶ μετρητικὴν καὶ στατικήν,—τὸ καταλειπόμενον ἑκάστης не имѣло бы большой цѣны: оставалось бы εἰκάζειν и τὰς αἰσθήσεις καταμελετᾶν ἐμπειρίᾳ καί τινι τριβῇ, пользуясь ταῖς τῆς στοχαστικῆς δυνάμεσι, каковыя δυνάμεις, если онѣ пріобрѣтаютъ τὴν ῥώμην, обыкновенно получаютъ названіе τέχναι; такова, напр., музыка—слаживающая τὸ ξύμφωνον не μέτρῳ, а μελέτης στοχασμῷ, или

судомъ или политикой,—думая, какъ всѣ ремесленники, что они мудры во всемъ, если искусны въ ремеслѣ своемъ,—посягали и на филосо-

---

ψαλτική—стремящаяся τῷ στοχάζεσθαι получить τὸ μέτρον ἑκάστης χορδῆς φερομένης,—такъ что здѣсь соединяются πολὺ τὸ μὴ σαφὲς и σμικρὸν τὸ βέβαιον; ср. Prot. 356 B sqq.); тѣмъ болѣе ничтожны эти μηχαναί (ср. Leg. 908 D) въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ дать φύσις καὶ τύχη или θεία εὐτυχία,—будетъ-ли то случайно низшедшая на оратора μανία, будетъ ли онъ вѣщать φύσει τινὶ καὶ ἐνθουσιάζων (Apol. 22 C, или θεῖος τε ὢν καὶ ἐνθουσιάζων, Meno 99 D), будетъ ли онъ φύσει ἱκανός, θείᾳ μοίρᾳ γεννηθεὶς (Leg. 875 C), т. е. ἄνευ ἀνάγκης αὐτοφυῶς θείᾳ μοίρᾳ ἀληθῶς καὶ οὔ τι πλαστῶς ἀγαθός (Leg. 642 D). Ср. также Prot. 327 C. Resp. 401 C. 535 C, и Conv. 209 A sqq., гдѣ какъ ἐγκύμονες κατὰ τὴν ψυχὴν и θεῖοι ὄντες являются οἱ ποιηταὶ γεννήτορες и изъ τῶν δημιουργῶν т. наз. εὑρετικοί, а также такіе законодатели (γεννήσαντες νόμους и παντοίαν ἀρετήν), какъ Ликургъ или Солонъ (здѣсь, повидимому, имѣется въ виду и—обычное у Платона—представленіе о οἱ παλαιοί, какъ о κρείττονες ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω θεῶν οἰκοῦντες, ср. Phil. 16 C. Phaedr. 235 C. 244 B sqq. Polit. 271 B. Leg. 713 A sqq.). Итакъ по Платону и τέχνη, а тѣмъ болѣе ἐμπειρία и τριβή ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить, т. е. упразднить собою φύσιν или τύχην (ср. [Anaxim.] rhet. 2: τὴν τῶν θεῶν εὔνοιαν, ἣν εὐτυχίαν προσαγορεύομεν)—и въ краснорѣчіи (ср. Aristid. rhet. II 22 D.). Конечно, ῥήτωρ ἐλλόγιμος получился бы, если бы кому было суждено φύσει ῥητορικῷ εἶναι, и если бы онъ придалъ къ этой своей φύσει ἐπιστήμην τε καὶ μελέτην (Phaedr. 269 D); но—поскольку онъ искалъ бы не той τεχνης или ἐπιστημης, которая была бы μεγίστη καὶ ἀρίστη καὶ πλεῖστα ὠφελοῦσα, а той, которая το σαφὲς καὶ τἀκριβὲς καὶ τὸ ἀληθέστατον ἐπισκοπεῖ, κἂν εἰ σμικρὰ καὶ σμικρὰ ὀνινᾶσα (Phil. 58 C),—онъ сталъ бы не риторомъ, а діалектикомъ, философомъ (ср. Phaedr. 269 C. sqq. 277 E sqq.).—Эти платоновы требованія отъ идеальнаго оратора (ср. Gercke *Hermes*, XXXII 366 ff. *Natorp*. Platos Ideenl., 53 ff.) Исократъ (διανοίᾳ котораго, какъ писалъ Платонъ въ „Фэдрѣ", 279 A, не была чужда отъ природы φιλοσοφία) охотно примѣнилъ къ оратору вообще: αἱ δυνάμεις τῶν λόγων—такъ выражался онъ (XIII 14 sqq. XV 187)—τοῖς εὐφυέσιν ἐγγίγνονται καὶ τοῖς περι τὰς ἐμπειρίας γεγυμνασμένοις, παίδευσις же сдѣлаетъ ихъ τεχνικωτέρους καὶ προς τὸ ζητεῖν εὐπορωτέρους; тѣмъ менѣе, конечно, безразличной представлялась φύσις оратора (чтобы λέγειν ἐκ τοῦ παραυτίκα) Алкидаманту, π. σοφ. 3. Иначе ставится вопросъ въ „Риторикѣ" Аристотеля. Только вскользь и совершенно случайно упоминается у него—при перечисленіи благъ жизни—εὐφυΐα, вмѣстѣ съ μνήμη, εὐμάθεια, ἀγχίνοια и наряду съ δύναμις τοῦ λέγειν, τοῦ πράττειν (1362 b; еще болѣе случайно упоминаніе о φύσις и τύχη—1369 a sq.); также вскользь, когда рѣчь идетъ (въ III кн., 1408 b) о τὰ ὀνόματα τὰ διπλᾶ (ср. διπλασιολογίαν Пола, Phaedr. 267 C) καὶ τὰ ἐπίθετα πλείω καὶ τὰ ξένα въ патетической λέξις, упоминается, что ораторы φθέγγονται τὰ τοιαῦτα ἐνθουσιάζοντες (заставляя ἐνθουσιάζειν и слушателей),—почему такія выраженія приличны и поэзіи,—ἔνθεον γὰρ ἡ ποίησις (въ Поэтикѣ дѣлается, при случаѣ, различіе между творчествомъ διὰ φύσιν и διὰ τέχνην, 1451 a, ср. 1448 b. 1459 a, и проскальзываетъ, 1455 a, замѣчаніе, что εὐφυοῦς ἡ ποιητική ἐστιν ἢ μανικοῦ· τούτων γὰρ οἱ μὲν εὔπλαστοι οἱ δὲ ἐξεταστικοί εἰσιν). Не замѣняя риторику діалектикой, а ставя ее рядомъ съ діалектикой, Аристотель полагалъ, что ей, какъ и діалектикѣ, причастны такъ или иначе всѣ люди, только одни пользуются ею εἰκῇ, ἀπὸ αὐτομάτου, а другіе—διὰ συνήθειαν ἀπο ἕξεως; такъ риторика становилась не столько дѣломъ οὐ φύσεως ἁπάσης, сколько предметомъ οὐ παιδείας τῆς τυχούσης. Естественно, что и послѣдующія руководства риторики (опредѣлявшія ее иногда какъ τέχνη περὶ λόγου

фію, или на науку,—съ ихъ душой, изуродованной такъ же, какъ уродуется тѣло отъ тяжелой ремесленной работы[1]).

δύναμιν, обыкновенно же какъ τέχνη, τεχνικὴ δύναμις, а то и какъ ἐπιστήμη) вообще склонны были выдвигать въ краснорѣчіи—по терминологіи платонова Протагора, 323 C sqq.,—ἐπιμέλειαν, ἄσκησιν, διδαχήν (μελέτην) на счетъ φύσεως (или ἀπὸ τοῦ αὐτομάτου), а тѣмъ болѣе на счетъ εὐφυΐας (на слѣды опредѣленій риторики прямо какъ ἄσκησις указываетъ Spengel, *Rh. Mus.* XVIII 488). Отношенія между φύσις и ἐπιμέλεια въ краснорѣчіи нерѣдко, конечно, затрогивались и дальнѣйшею полемикой философіи съ риторикой,—особенно поскольку полемика эта концентрировалась на вопросѣ: εἰ τέχνη ἡ ῥητορική. Между прочимъ, въ осужденіе и отрицаніе не только наличной риторики, но и риторики вообще философія ссылалась на то, что и въ глубокой древности (у Гомера), и впослѣдствіи (напр., Демадъ) существовали славные ораторы не обучавшіеся риторикѣ (Philod. II 67 sqq. Sext. adv. rh. 16 sq. Quint. II 17); спеціально же осуждалась искусственность, аффектированность, фигурность, манерность риторическаго стиля,—тогда какъ φύσις εστιν ἡ κατορθοῦσα λόγους, τέχνη δὲ οὐδεμία (Usener, *Epicur.*, 114): если бы еще—пишетъ Филодемъ (I 151)—совершенно отсутствовалъ φυσικῶς καλὸς λόγος, можетъ быть и пришлось бы αγαπᾶν τον κατὰ θέμα, νῦν δ'ὑπάρχοντος ἄθλιον το παρέντας αὐτὸν ἐπ' εκεῖνον καταντᾶν, и дальше (183): τοῦ σοφιστοῦ διηκριβωμένως ἐστὶ καλον τῇ φύσει γ' οὐδεν κατασκεύασμα (ср. Radermacher, *Rh. Mus.*, LIV 362 ff.).—Ср. Hermog. de id. 266 Sp.: ἡ γὰρ τοι μίμησις καὶ ὁ ζῆλος (ὁ πρὸς τοὺς ἀρχαίους) μετὰ μὲν ἐμπειρίας ψιλῆς καὶ τινος ἀλόγου τριβῆς γινόμενος οὐκ ἂν οἶμαι δύναιτο τυγχάνειν τοῦ ὀρθοῦ, κἂν πάνυ τις ἔχῃ φύσεως εὖ· τοὐναντιον γὰρ ἴσως ἂν αὐτὸν καὶ σφάλλοι μᾶλλον τὰ τῆς φύσεως πλεονεκτήματα χωρὶς τεχνης τινὸς ἀλόγως ᾄττοντα πρὸς ὅ τι καὶ τύχοι.

[1]) Ср. Resp. 495 C sqq.: тѣ, οἷς μάλιστα προσήκει, покинули философію, и на ихъ мѣсто пришли другіе, недостойные,—опозорившіе философію, какъ сироту оставшуюся безъ защиты. Эти ἀνθρωπίσκοι, видя что опустѣла, обезлюдѣла страна, полная красивыхъ ὀνομάτων καὶ προσχημάτων, съ торжествомъ убѣгающихъ ἐκ τῶν ειργμῶν εις τα ιερα, врываются ἐκ τῶν τεχνῶν εἰς την φιλοσοφίαν,—тѣ изъ нихъ, что оказались болѣе ловкими въ своемъ τεχνίον; вѣдь философія все-таки считается еще выше, почетнѣе другихъ τέχναι; оттого и стремятся къ ней многіе, и ἀτελεῖς τὰς φύσεις, и ὑπὸ τῶν τεχνῶν καὶ δημιουργιῶν, ὥσπερ τὰ σώματα λελώβηνται, οὕτω καὶ τὰς ψυχὰς ξυγκεκλασμένοι τε καὶ ἀποτεθρυμμένοι διὰ τὰς βαναυσίας; когда глядишь на нихъ, рисуется въ воображеніи маленькій лысый кузнецъ, который наработавъ денегъ и выкупившись изъ цѣпей (рабства), вымывшись въ банѣ, купивъ новенькій иматій, принарядившись какъ женихъ, собирается жениться на дочери разорившагося, всѣми покинутаго господина. И дѣти будутъ у нихъ, конечно, νόθα καὶ φαῦλα. Такъ и непризванные (ἀνάξιοι) учители—какія породятъ они διανοήματα τε καὶ δόξας? ἀρ' ουχ ὡς ἀληθῶς προσηκοντα ἀκοῦσαι σοφίσματα, καὶ ουδὲν γνήσιον οὐδὲ φρονήσεως ἀληθινῆς ἐχόμενον. Возможно (ср. Theaet. 172 C sqq. и выше стр. 87, пр. 2), что подъ „дѣлающими вылазку или экскурсію (ἐκπηδῶσι) изъ τεχνῶν въ φιλοσοφίαν“ разумѣются здѣсь (какъ и 535 A sqq.) вообще софисты, т. е. риторы, отъ судебныхъ рѣчей (съ ихъ уже выработавшейся техникой) переходящіе къ рѣчамъ или лекціямъ философскаго содержанія; но возможно также, что спеціально здѣсь имѣется въ виду Антисѳенъ, бывшій риторомъ или софистомъ раньше чѣмъ сдѣлаться ученикомъ Сократа, но и послѣ того не разставшійся съ риторикой, или Аристиппъ, также соединявшій въ себѣ софиста и сократовца (о нихъ ср. *Arnim*, Dio v. Pr., 25 ff., объ Антисѳенѣ—также *Joël*, Sokr., II 631 ff.; въ

Приблизительно такой кругъ мыслей или представленій опредѣлялъ собою отношеніе Платона къ краснорѣчію[1]), и изъ этого же круга мыслей и послѣ постоянно исходила философія въ своей борьбѣ съ рито-

---

указанномъ отношеніи Антисѳенъ или Аристиппъ могутъ быть сближаемы съ Діономъ Златоустомъ, Лукіаномъ, Максимомъ тирскимъ) —Ср. Apol. 22 C sqq., гдѣ Сократъ говоритъ, что и поэты, и хорошіе ремесленники грѣшатъ въ одномъ и томъ же: одни διὰ τὴν ποίησιν, другіе διὰ τὸ τὴν τέχνην καλῶς ἐργάζεσθαι—считаютъ себя и во всемъ прочемъ (и даже въ самомъ важномъ) мудрѣйшими изъ людей (такъ что Сократъ спрашивалъ себя, что лучше для него—оставаться-ли ему такимъ, каковъ онъ есть, или быть мудрымъ ихъ мудростію и невѣжественнымъ -ἀμαθής—ихъ невѣжествомъ). Ср. Alc. 1, 131 A sq.

[1]) Ср.—нуждающійся въ пересмотрѣ на основаніи новѣйшей спеціальной литературы о Платонѣ—анализъ касающихся риторики текстовъ Платона—въ работѣ Novák'a, Platon u. die Rhetorik, *Jahrb. f. cl. Ph.*, XIII. S.-B., 441 ff.—Правда, Платонъ доходилъ до отрицанія риторики только въ теоріи, не на практикѣ (и возможно, напр., что и темой діалога „Горгій“ было собственно не осужденіе риторики, а установленіе τρόπου ἀρίστου τοῦ βίου, 527 E,—ὄντινα χρὴ τρόπον ζῆν, 500 C,—ср. *Rohde*, Ps. II[2] 291[7]; иначе—*Natorp*, Platos Ideenlehre, 52); но во всякомъ случаѣ—и въ „Фэдрѣ“ (относительно хронологіи этого діалога быть-можетъ Наторпъ не болѣе правъ, нежели Immisch, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, III 549 ff.) Платонъ выступаетъ теоретическимъ врагомъ риторики—потому уже, что выступаетъ теоретическимъ врагомъ всякаго вообще λόγου, ἐν μέτρῳ или ἄνευ μέτρου, написаннаго или произнесеннаго, поскольку онъ пишется или произносится ἄνευ ἀνακρίσεως καὶ διδαχῆς, только πειθοῦς ἕνεκα, а не напечатлѣвается, не διδάσκεται, не пишется τῷ ὄντι ἐν ψυχῇ (κατ' ἀξίαν)—конечно περὶ δικαίων τε καὶ καλῶν καὶ ἀγαθῶν (277 E sq.),—потому, что единственно достойнымъ (ἄξιον σπουδῆς) содержаніемъ λόγου или λόγων онъ считаетъ φιλοσοφίαν, а единственно достойной формою (истинною τέχνη ῥητορική)—діалектику (ср. *Natorp*, l.l. 52 ff., и *Hermes*, XXXV 402 ff.).—Вообще уступки, какія дѣлалъ Платонъ краснорѣчію—и въ его, и въ своей практикѣ,—аналогичны тѣмъ уступкамъ, какія онъ дѣлалъ—также отрицаемой имъ въ теоріи—поэзіи (*Finsler*, Platon u. d. arist. Poetik, 217 ff.); главнымъ образомъ уступки эти выражаются, кажется, не въ томъ, что діалоги Платона часто переходятъ въ монологи, въ рѣчи Сократа (хотя бы и произнесенныя παιδιᾶς χάριν—ср. Phaedr. 278 B, Menex. 236 C и Resp. 396 C sqq.,—или μετ' εἰρωνείας, какъ выражается риторика Аристотеля, 1408 b) и его собесѣдниковъ (въ „Симпосіонѣ“ художественно представлена даже цѣлая коллекція рѣчей отличающихся одинъ отъ другого по характеру своего краснорѣчія ораторовъ), не въ умѣньи Платона вообще „ξυγγραφικῶς λέγειν“ (Phaed. 102 D, ср. *Norden*, A. K. 104 ff.) и даже не въ тѣхъ совѣтахъ, какіе онъ даетъ—или давалъ—оратору въ „Фэдрѣ“ (потому что совѣты эти, въ концѣ концовъ, клонятся не столько къ тому, чтобы установить τέχνην ῥητορικὴν на новыхъ основаніяхъ, сколько къ тому, чтобы смѣнить риторику діалектикой), а въ допущеніи судебнаго и вообще политическаго краснорѣчія—по крайней мѣрѣ въ томъ государствѣ, гдѣ господствуетъ, по необходимости, не ἐπιστήμη, но и не (ψευδὴς) δόξα, а δόξα ἀληθής, гдѣ властвуютъ не φιλόσοφοι, но и не σοφισταί, или ῥήτορες (ср. Gorg. 465 C. 520 A sq. Soph. 253 D. 268 B. Polit. 304 D), а πολιτικοί (ср. Phaedr. 248 D sq.),—особенно же въ распространеніи даруемой отъ боговъ μανίας и на ораторовъ (ср. выше стр. 79, прим.).

рикой[1]**). Борьба, какую философія вела съ риторикой, однако не была**

---

[1]) Исторія борьбы еллинской философіи съ риторикой лучше всего—хотя и не достаточно, конечно, обстоятельно и не достаточно отчетливо (т. е. излишне прямолинейно)—изложена у *v. Arnim*, Dio v. Pr. 4 ff. (до времени Діона) и 126 ff. 149 ff. 236 ff. (о времени Діона и о роли его самого въ этой борьбѣ); драгоцѣннѣйшимъ—и далеко еще не исчерпаннымъ—источникомъ для исторіи этой борьбы въ IV—I в. до Р. Х., проливающимъ свѣтъ и на дальнѣйшую полемическую литературу въ этой области (напр., на книгу Секста Эмпирика πρὸς ῥήτορας) являются rhetorica Филодема; главнѣйшіе источники послѣдующей исторіи этой борьбы названы у *Rohde*, Gr. R.[2] 345 f. и *Norden*, A. K., 250 f. Въ борьбѣ этой вообще причудливо переплетались—не разграничиваясь и потому сливаясь—практическіе и теоретическіе мотивы и аргументы, при чемъ мотивы ея были больше практическими, нежели теоретическими, а аргументы—больше теоретическими, нежели практическими; по части логики своей борьба эта была нерѣдко столько же беззаботна въ основаніи, сколько заботлива на поверхности; часто съ полнымъ правомъ могла она относить къ себѣ слова Аристотеля: τὸ συμβαῖνον ἐπὶ τῶν ὀνομάτων καὶ ἐπὶ τῶν πραγμάτων ἡγούμεθα συμβαίνειν; въ значительной мѣрѣ таково было, напр., содержаніе поднятаго въ полов. II в. до Р. Х. (особенно Критолаемъ) спора εἰ τέχνη ἡ ῥητορική (см. Sudhaus-Radermacher, *Philod. v. rh.*, Suppl., p. VIII sqq.; ср. также различное пониманіе и примѣненіе терминовъ φιλόσοφος, πολιτικός или σοφιστής. см. Brandstaetter, De notionum πολ. et σοφ. usu rhet., *Leipz. Stud.* XV, 139 ff., *Tiele*, Hermag., 33 ff., *Joël*, Sokr., II 630 ff.). Полемика философіи съ риторикой исходила то изъ теоретическаго признанія преимуществъ діалога надъ монологомъ, или τοῦ διαλεκτικῶς ποιεῖσθαι τοὺς λόγους надъ τὸ ἐριστικῶς κ. τ. λ., то—преимуществъ λόγου φυσικῶς καλοῦ надъ λόγος τεθεματισμένος, то—преимуществъ βίου θεωρητικοῦ надъ βίος πρακτικός, и направлялась то противъ риторики какъ только формальнаго искусства слова, то противъ только софистики, то противъ только практической (т. е. политической, особенно судебной) риторики; едва-ли не самую важную роль въ этой полемикѣ игралъ, въ концѣ концовъ, споръ между философіей и риторикой за—качественное или количественное—преобладаніе въ дѣлѣ образованія у еллиновъ и у еллинизованныхъ или еллинизуемыхъ народовъ, особенно у римлянъ (ср. Wilamowitz, *Hermes*, XXXV 16 ff.), причемъ нерѣдко и эта борьба сводилась въ сущности къ борьбѣ отдѣльныхъ „школъ“, или даже отдѣльныхъ представителей отдѣльныхъ „школъ“. Ничто такъ не характеристично для всей этой борьбы,—для неустойчивости, условности, относительности ея мотивовъ или аргументовъ,—какъ видное мѣсто, какое принадлежало здѣсь—примирявшей, соединявшей въ себѣ философію и риторику—софистикѣ, при чемъ граница между софистикой и философіей была столько же не опредѣленной и расплывчатой, какъ и граница между софистикой и риторикой (ср. выше стр. 69, прим. 1); оттого и возможны здѣсь были не только такія μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ πολιτικοῦ—по выраженію еще Продика (Euthyd. 305 C),—какъ Исократъ (объ его „φιλοσοφία“ и объ отношеніяхъ ея къ платоновой φιλοσοφία ср.—кромѣ изслѣдованій Spengel'я, Teichmüller'а, Duemmler'а—Gercke, *Herm.*, XXXII 359 ff. Muenscher, *Rh. M.*, LIV 248 ff. Natorp, *Herm.* XXXV 389 ff. Tiele *ib.* XXXVI, 253 ff. *Sheehan*, De fide artis rhetoricae Isocrati tributae, 1901. *E. Meyer*, G. d. Alt. V 330 ff.), или такія μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ σοφιστοῦ, какъ Антисѳенъ, Аристиппъ (ср. выше стр. 91, прим. 1), или Навсифанъ (ср. *Arnim* l. c. 43 ff.), или Діонъ ср. *Hirzel*, Dialog, II 84 ff.), Максимъ изъ Тира (ср. *Hobein*, de Maximo T. quaest. philol. sel., 1895), или Лукіанъ (ср. *Hirzel* l. c. II 269 ff. Helm, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, IX 188

Приблизительно такой кругъ мыслей или представленій опредѣлялъ собою отношеніе Платона къ краснорѣчію[1]), и изъ этого же круга мыслей и послѣ постоянно исходила философія въ своей борьбѣ съ рито-

указанномъ отношеніи Антисѳенъ или Аристиппъ могутъ быть сближаемы съ Діономъ Златоустомъ, Лукіаномъ, Максимомъ тирскимъ)—Ср. Apol. 22 C sqq., гдѣ Сократъ говоритъ, что и поэты, и хорошіе ремесленники грѣшатъ въ одномъ и томъ же: одни διὰ τὴν ποίησιν, другіе διὰ τὸ τὴν τέχνην καλῶς ἐργάζεσθαι—считаютъ себя и во всемъ прочемъ (и даже въ самомъ важномъ) мудрѣйшими изъ людей (такъ что Сократъ спрашивалъ себя, что лучше для него—оставаться-ли ему такимъ, каковъ онъ есть, или быть мудрымъ ихъ мудростію и невѣжественнымъ -ἀμαθής—ихъ невѣжествомъ). Ср. Alc. 1, 131 A sq.

[1]) Ср.—нуждающійся въ пересмотрѣ на основаніи новѣйшей спеціальной литературы о Платонѣ—анализъ касающихся риторики текстовъ Платона—въ работѣ Novák'a, Platon u. die Rhetorik, *Jahrb. f. cl. Ph.*, XIII. S.-B., 441 ff.—Правда, Платонъ доходилъ до отрицанія риторики только въ теоріи, не на практикѣ (и возможно, напр., что и темой діалога „Горгій" было собственно не осужденіе риторики, а установленіе τρόπου ἀρίστου τοῦ βίου, 527 E,—ὅντινα χρὴ τρόπον ζῆν, 500 C,—ср. *Rohde*, Ps. II[3] 291[7]; иначе—*Natorp*, Platos Ideenlehre, 52); но во всякомъ случаѣ—и въ „Фэдрѣ" (относительно хронологіи этого діалога быть-можетъ Наторпъ не болѣе правъ, нежели Immisch, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, III 549 ff.) Платонъ выступаетъ теоретическимъ врагомъ риторики—потому уже, что выступаетъ теоретическимъ врагомъ всякаго вообще λόγου, ἐν μέτρῳ или ἄνευ μέτρου, написаннаго или произнесеннаго, поскольку онъ пишется или произносится ἄνευ ἀνακρίσεως καὶ διδαχῆς, только πειθοῦς ἕνεκα, а не напечатлѣвается, не διδάσκεται, не пишется τῷ ὄντι ἐν ψυχῇ (κατ' ἀξίαν)—конечно περὶ δικαίων τε καὶ καλῶν καὶ ἀγαθῶν (277 E sq.),—потому, что единственно достойнымъ (ἄξιον σπουδῆς) содержаніемъ λόγου или λόγων онъ считаетъ φιλοσοφίαν, а единственно достойной формою (истинною τέχνη ῥητορική)—діалектику (ср. *Natorp*, l.l. 52 ff., и *Hermes*, XXXV 402 ff.).—Вообще уступки, какія дѣлалъ Платонъ краснорѣчію—и въ его, и въ своей практикѣ,—аналогичны тѣмъ уступкамъ, какія онъ дѣлалъ—также отрицаемой имъ въ теоріи—поэзіи (*Finsler*, Platon u. d. arist. Poetik, 217 ff.); главнымъ образомъ уступки эти выражаются, кажется, не въ томъ, что діалоги Платона часто переходятъ въ монологи, въ рѣчи Сократа (хотя бы и произнесенныя παιδιᾶς χάριν—ср. Phaedr. 278 B, Menex. 236 C и Resp. 396 C sqq.,—или μετ' εἰρωνείας, какъ выражается риторика Аристотеля, 1408 b) и его собесѣдниковъ (въ „Симпосіонѣ" художественно представлена даже цѣлая коллекція рѣчей отличающихся одинъ отъ другого по характеру своего краснорѣчія ораторовъ), не въ умѣньи Платона вообще „ξυγγραφικῶς λέγειν" (Phaed. 102 D, ср. *Norden*, A. K. 104 ff.) и даже не въ тѣхъ совѣтахъ, какіе онъ даетъ—или давалъ—оратору въ „Фэдрѣ" (потому что совѣты эти, въ концѣ концовъ, клонятся не столько къ тому, чтобы установить τέχνην ῥητορικήν на новыхъ основаніяхъ, сколько къ тому, чтобы смѣнить риторику діалектикой), а въ допущеніи судебнаго и вообще политическаго краснорѣчія—по крайней мѣрѣ въ томъ государствѣ, гдѣ господствуетъ, по необходимости, не ἐπιστήμη, но и не (ψευδής) δόξα, а δόξα ἀληθής, гдѣ властвуютъ не φιλόσοφοι, но и не σοφισταί, или ῥήτορες (ср. Gorg. 465 C. 520 A sq. Soph. 253 D. 268 B. Polit. 304 D), а πολιτικοί (ср. Phaedr. 248 D sq.),—особенно же въ распространеніи даруемой отъ боговъ μανίας и на ораторовъ (ср. выше стр. 79, прим.).

рикой[1]). Борьба, какую философія вела съ риторикой, однако не была

[1]) Исторія борьбы эллинской философіи съ риторикой лучше всего—хотя и не достаточно, конечно, обстоятельно и не достаточно отчетливо (т. е. излишне прямолинейно)—изложена у *v. Arnim*, Dio v. Pr. 4 ff. (до времени Діона) и 126 ff. 149 ff. 236 ff. (о времени Діона и о роли его самого въ этой борьбѣ); драгоцѣннѣйшимъ—и далеко еще не исчерпаннымъ—источникомъ для исторіи этой борьбы въ IV—I в. до Р. Х., проливающимъ свѣтъ и на дальнѣйшую полемическую литературу въ этой области (напр., на книгу Секста Эмпирика πρὸς ῥήτορας) являются rhetorica Филодема; главнѣйшіе источники послѣдующей исторіи этой борьбы названы у *Rohde*, Gr. R.[2] 345 f. и *Norden*, A. K., 250 f. Въ борьбѣ этой вообще причудливо переплетались—не разграничиваясь и потому сливаясь—практическіе и теоретическіе мотивы и аргументы, при чемъ мотивы ея были больше практическими, нежели теоретическими, а аргументы—больше теоретическими, нежели практическими; по части логики своей борьба эта была нерѣдко столько же беззаботна въ основаніи, сколько заботлива на поверхности; часто съ полнымъ правомъ могла она относить къ себѣ слова Аристотеля: τὸ συμβαῖνον ἐπὶ τῶν ὀνομάτων καὶ ἐπὶ τῶν πραγμάτων ἡγούμεθα συμβαίνειν; въ значительной мѣрѣ таково было, напр., содержаніе поднятаго въ полов. II в. до Р. Х. (особенно Критолаемъ) спора εἰ τέχνη ἡ ῥητορική (см. Sudhaus-Radermacher, *Philod. v. rh.*, Suppl., p. VIII sqq.; ср. также различное пониманіе и примѣненіе терминовъ φιλόσοφος, πολιτικός или σοφιστής. см. Brandstaetter, De notionum πολ. et σοφ. usu rhet., *Leipz. Stud.* XV, 139 ff., *Tiele*, Hermag., 33 ff., *Joël*, Sokr., II 630 ff.). Полемика философіи съ риторикой исходила то изъ теоретическаго признанія преимуществъ діалога надъ монологомъ, или τοῦ διαλεκτικῶς ποιεῖσθαι τοὺς λόγους надъ τὸ ἐριστικῶς κ. τ. λ., то—преимуществъ λόγου φυσικῶς καλοῦ надъ λόγος τεθεματισμένος, то—преимуществъ βίου θεωρητικοῦ надъ βίος πρακτικός, и направлялась то противъ риторики какъ только формальнаго искусства слова, то противъ только софистики, то противъ только практической (т. е. политической, особенно судебной) риторики; едва-ли не самую важную роль въ этой полемикѣ игралъ, въ концѣ концовъ, споръ между философіей и риторикой за—качественное или количественное—преобладаніе въ дѣлѣ образованія у эллиновъ и у эллинизованныхъ или эллинизуемыхъ народовъ, особенно у римлянъ (ср. Wilamowitz, *Hermes*, XXXV 16 ff.), причемъ нерѣдко и эта борьба сводилась въ сущности къ борьбѣ отдѣльныхъ „школъ", или даже отдѣльныхъ представителей отдѣльныхъ „школъ". Ничто такъ не характеристично для всей этой борьбы,—для неустойчивости, условности, относительности ея мотивовъ или аргументовъ,—какъ видное мѣсто, какое принадлежало здѣсь—примирявшей, соединявшей въ себѣ философію и риторику—софистикѣ, при чемъ граница между софистикой и философіей была столько же не опредѣленной и расплывчатой, какъ и граница между софистикой и риторикой (ср. выше стр. 69, прим. 1); оттого и возможны здѣсь были не только такія μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ πολιτικοῦ—по выраженію еще Продика (Euthyd. 305 C),—какъ Исократъ (объ его „φιλοσοφία" и объ отношеніяхъ ея къ платоновой φιλοσοφία ср.—кромѣ изслѣдованій Spengel'я, Teichmüller'а, Duemmler'а—Gercke, *Herm.*, XXXII 359 ff. Muenscher, *Rh. M.*, LIV 248 ff. Natorp, *Herm.* XXXV 389 ff. Tiele *ib.* XXXVI, 253 ff. *Sheehan*, De fide artis rhetoricae Isocrati tributae, 1901. *E. Meyer*, G. d. Alt. V 330 ff.), или такія μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ σοφιστοῦ, какъ Антисѳенъ, Аристиппъ (ср. выше стр. 91, прим. 1), или Навсифанъ (ср. *Arnim* l. c. 43 ff.), или Діонъ ср. *Hirzel*, Dialog, II 84 ff.), Максимъ изъ Тира (ср. *Hobein*, de Maximo T. quaest. philol. sel., 1895), или Лукіанъ (ср. *Hirzel* l. c. II 269 ff. Helm, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, IX 188

ни безпрерывной. ни упорной: достаточно припомнить, что Аристотель уже включалъ риторику въ свою систему «философій»[1]). Борьба эта была

ff.), выступавшіе—когда, или поскольку они перебѣгали въ лагерь „философовъ"—противъ риторовъ-софистовъ.—Не обслѣдована еще, но кажется, не подлежитъ сомнѣнію чрезвычайно значительная зависимость отъ Платона всей послѣдующей полемики между философіей и риторикой, какъ въ ея общемъ содержаніи (можно даже сказать, что она почти не выходила за предѣлы вопросовъ поставленныхъ уже у Платона), такъ и въ ея болѣе-формальныхъ подробностяхъ (ср., напр., постановку такихъ вопросовъ, какъ εἰ τέχνη ἡ ῥητορική, или тезисовъ, ὅτι πολιτεύσεται ὁ σοφός, ὅτι μόνος ὁ σοφὸς ῥήτωρ, и т. п., или вопроса о ῥητορικὴ ἀρετή, или хотя-бы—восходящее къ „Θеэтету"?—отожествленіе всего эпидейктическаго краснорѣчія съ энкоміастическимъ, или панегирическимъ); особенно любопытна въ этомъ отношеніи полемика противъ философіи, т. е. именно противъ Платона, ритора Элія Аристида, усиленно пользующагося Платономъ не только въ отрицательной, но и въ положительной части своей аргументаціи (ср. *Baumgart*, Ael. Aristides, 20 ff.). О болѣе тѣсной, чѣмъ какую предполагаютъ обыкновенно, зависимости отъ Платона риторики Аристотеля ср. *Arnim*, l. l., 68 ff.—Для характеристики протеста философіи противъ риторики не лишено значенія и то, что протестъ этотъ довольно тѣсно примыкалъ къ тому протесту, какой то въ рѣзкихъ, то въ слабыхъ формахъ, но всегда встрѣчало краснорѣчіе со стороны представителей common sens'a.—къ протесту, который объяснялся не столько ненавистью или завистью къ образованности (τῇ παιδεύσει τὸ φθονεῖσθαι ἀκολουθεῖ κακόν, Arist. rhet. 1399a; ср. [Xen.] π. 'Αθ. 1, 5 sqq. Thuc. III 37), какую, представляло собою, конечно, и краснорѣчіе, сколько тѣмъ, что доля имъ приносимаго вреда нерѣдко слишкомъ уже замѣтно перевѣшивала долю имъ приносимой пользы. Философію и common sense сближаютъ, напр. своею полемикой противъ риторики Аристофанъ и другіе комики, особенно же Эврипидъ (ср. *Nestle* Eurip., 45 ff. 206 ff.); ср. также художественное изображеніе этого типа враговъ риторики-софистики въ лицѣ Анита въ платоновомъ „Менонѣ", 90 B sqq. (ср. Philod. II 271). Само собою разумѣется, что протестъ common sense'a (вся теорія его сводилась въ сущности къ положенію: ἁπλᾶ γάρ ἐστι τῆς ἀληθείας ἔπη, Aesch. fr. 167. Eurip. Phoen. 469,—тогда какъ Менонъ ксенофонтова Анабасиса, II, 6, 22, считаетъ τὸ ἁπλοῦν καὶ ἀληθὲς за τὸ αὐτὸ τῷ ἠλιθίῳ) былъ еще болѣе беззаботенъ по части логики, т. е. по части различенія моментовъ теоретическихъ и практическихъ; разумѣется, и ему не доступно было различіе между философами, софистами, риторами (ср., напр., данныя, собранныя у Athen. 610 b sqq. 547 b). Съ common sens'омъ, представленнымъ, напр., у Аристофана, близко сходилась философія (особенно киническая) и въ нѣкоторыхъ своихъ—устранявшихъ риторику—собственно-педагогическихъ теоріяхъ (ср. *Joël*, Socr., II 15 ff. 48 ff. 407 ff., *Бурзи*, Шк. вопр. въ древн. Гр., 4 сл., также Guggenheim, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, IX 535 ff.).

[1]) Правда, не какъ ἐπιστήμην (не какъ одну изъ σοφίαι), а только какъ подлежащую наукообразной обработкѣ (τέχνης ἔργον) δύναμιν, или πραγματείαν, ἀντίστροφον τῇ διαλεκτικῇ, но уже не χρήσιμον (какъ та) πρὸς τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ἐπιστήμας, а χρήσιμον для того, чтобы αἱ κρίσεις (въ дѣлахъ судебныхъ и политическихъ) κατὰ τὸ προσῆκον γίγνωνται, чтобы τἀληθῆ καὶ τὰ δίκαια одерживали, какъ то и подобаетъ, верхъ надъ τὰ ἐναντία, и для того чтобы διὰ τῶν κοινῶν ποιεῖσθαι τὰς πίστεις καὶ λόγους (ибо, если даже и имѣть ἀκριβεστάτην ἐπιστήμην, не всѣмъ доступенъ—τοῖς πολλοῖς не доступенъ—ὁ κατὰ τὴν ἐπιστήμην λόγος), а также и для того, чтобы умѣть разбираться, сознательно относиться

и не достаточно систематичной, или методичной: и осуждая наличную риторику, и отрицая риторику вообще, философія не различала строго теорію отъ практики—и потому считала лишней всякую заботу о томъ, какъ примирить ихъ между собою, и если практикой гораздо больше, нежели теоріей, опредѣлялись мотивы ея полемики, то аргументы ея опредѣлялись теоріей гораздо больше, чѣмъ практикой; поэтому она считалась только съ долей вреда, какую несло въ себѣ, несло съ собою краснорѣчіе, но не считалась съ долей имъ приносимой пользы[1]). Тѣмъ идеальнымъ цѣлямъ,

---

къ рѣчамъ, какія приходится слушать (rhet. 1355 a sq.). Ср. *Arnim* l. c. 68 ff.—„Платонъ отрицаетъ этотъ міръ: онъ отрицаетъ и риторику. Аристотель хочетъ сдѣлать науку способною господствовать въ этомъ мірѣ: онъ заставляетъ служить себѣ и риторику" (Wilamowitz *Hermes* XXXV 16).—Если, конечно, оставить въ сторонѣ собственно логическую сторону аристотелевой теоріи риторики (о ней ср. теперь *Maier* D. Syllogistik d. Aristoteles, II, 2, 76 ff.), и если шире, нежели Arnim (и, повидимому, Филодемъ), понимать навсифанову φυσιολογίαν, или φυσικήν (ср., во всякомъ случаѣ, Phaedr. 269 E sqq. Apol. 19 B sqq., также стихи Эпикрата о гимнасіяхъ Академіи. II 287 Kock),—то едва-ли придется считать (какъ *Arnim*, 72) существеннымъ различіе во взглядахъ на отношенія философіи къ риторикѣ между Навсифаномъ и Аристотелемъ (объ „Аристотелѣ въ сужденіяхъ Эпикура и Филодема" ср. Sudhaus, *Rh. Mus.*, XLVIII 552 ff.), какъ съ другой стороны нѣсколько тѣснѣе будетъ, кажется, примыкать къ Аристотелю не только практика философскихъ школъ, особенно съ III и еще больше со II стол., но и—открытая Арнимомъ у Цицерона (ср. *Arnim*, 97 ff., также Kroll, *Rh. Mus.*, LVIII 552 ff. и *N. Jahrb.*, XI 681 ff.)—теорія академика Филона,—клонившіяся уже (въ угоду, конечно, измѣнившимся условіямъ и практической, и культурной, и собственно-научной жизни) не только къ признанію равноправности между философіей и риторикой, но и къ ихъ отожествленію, а потомъ и къ подчиненію философіи риторикѣ (въ цѣляхъ „ἐγκυκλίου παιδείας"); ср. Philod. I 39. 190 sq. 223. Theo, prog., 70. Sp. Ruf. rh. 462 Sp. Quint. II 15.

[1]) Въ нѣкоторой мѣрѣ продуктомъ того развитія, какое получило у эллиновъ публичное краснорѣчіе, и въ то же время живымъ протестомъ—однимъ изъ видовъ философскаго протеста—противъ того направленія, какое приняло это развитіе, были странствовавшіе—съ III в. до Р. Х.—по городамъ и весямъ Эллады одѣтые чуть не въ рубища, длиннобородые, нестриженые и нечесаные проповѣдники, призывавшіе народъ къ жизни въ простотѣ и чистотѣ сердца и помысловъ, къ отреченію отъ земныхъ благъ и суетъ, отъ богатства, роскоши, почестей, удовольствій, отъ зрѣлищъ, отъ вражды и войны, отъ политики и суда,—заботившіеся уже не о красотѣ своихъ рѣчей, а о доступности ихъ уму и чувству слушателей, т. е. толпы,—представители т. наз. кинической, или кинико-стоической діатрибы (ср. *Wilamowitz*, Antig. v. Kar., 292 ff. *Arnim*, 29 ff. 40 ff. 137 f. 255 ff. *Norden*, A. K. 129 ff.). Къ сожалѣнію, эта „діатриба" обслѣдована (насколько отразилась она въ письменности), и въ своемъ общемъ значеніи, и въ своемъ содержаніи (въ своихъ τόποι), и въ своей формѣ (въ своемъ стилѣ), пока далеко недостаточно, и лишь монографически (ср. *Hense*, Teletis reliquiae, prol., 1889. *Heinze*, De Horatio Bionis imitatore, 1889. *Wendland-Kern*, Beiträge z. G. d. gr. Philos. u. R., 1895. *Hobein*, De Maximo Tyrio, 1895. *Weber*,

какія философія указывала людямъ, конечно краснорѣчіе не отвѣчало; но оно бывало—значитъ, могло быть—полезно этимъ цѣлямъ. Несовершенными, конечно, были средства, какими оно располагало; но вѣдь несовершенство—вѣчный удѣлъ всей человѣческой природы, и только ограниченнымъ и относительнымъ могло быть и вообще осуществленіе на этомъ свѣтѣ тѣхъ идеаловъ истины, добра и красоты, которымъ въ мѣру силъ своихъ служило и краснорѣчіе[1]). Добру и правдѣ-справедливости могло оно служить въ судѣ, на вѣчѣ и въ совѣтѣ, и его правоспособность къ этому служенію могъ отрицать лишь тотъ, кто отрицалъ народное правленіе, народный судъ, или кто отрицалъ вообще всю сферу политическихъ или судебныхъ интересовъ, или кто за частнымъ и случайнымъ не видѣлъ общаго и основного, кто не дѣлалъ различія между возможностью и неизбѣжностію злоупотребленій силой слова[2]). Добру и правдѣ-истинѣ могло служить эпидейктическое краснорѣчіе. Конечно, рѣчи, какія больше-мудрый, и поучая, и поучаясь, ведетъ предъ меньше-мудрымъ,—когда отыщетъ душу, способную и воспринять, и дальше передать въ другія души сѣмя, какое въ себѣ содержатъ эти

De Senecae phil. dicendi genere Bioneo, 1895, и другія изслѣдованія названныхъ ученыхъ).

[1]) Здѣсь имѣются въ виду понятія, или мысли Платона въ той постановкѣ и въ томъ развитіи, какія имъ придалъ *Windelband*, Präludien³ (1903).—О томъ, какъ больно должны были чувствовать—не только сознавать—неизбѣжность разлада между дѣйствительностью и идеалами еллины, ср. поучительныя сопоставленія и соображенія у *Burckhardt*, Gr. Kulturg., II 342 ff. О томъ, какъ этотъ разладъ проникаетъ собою и философію Платона, и какъ „Платонъ побѣждаетъ его, какъ величайшій изъ художниковъ",—прекрасныя замѣчанія у *кн. С. Н. Трубецкого*, Ученіе о Логосѣ, 29. Ср. Conv. 202 D. sqq. (μήτε οἱ σοφοὶ μήτε οἱ ἀμαθεῖς—μεταξὺ τούτων ἀμφοτέρων). 209 A sqq. Phileb. 59 D sqq. Tim. 69 C sqq. 29 B sqq. Phaed. 85 C sq. 90 D. Leg. 682 A. 653 C sqq. (съ комментаріемъ *Ritter*, Platos Gesetze, Komm., 15 ff.).

[2]) Болѣе теоретическими изъ этихъ моментовъ (представленными уже у Гераклита) и опредѣлялась обыкновенно полемика философіи противъ политическаго и судебнаго краснорѣчія, болѣе практическими—полемика τῶν νοῦν κοινὸν (τὰς κοινὰς φρένας) ἐχόντων (ср. выше стр. 93, прим. 1); отсюда, конечно, и различіе въ отношеніяхъ къ риторикѣ Платона и Аристотеля и колебанія въ отношеніяхъ къ ней у эпикурейцевъ или стоиковъ.—Для времени Сократа-Платона ср. сопоставленія *Pöhlmann*'а, Sokrates u. s. Volk, 15 ff.—Ср. прежде всего Heracl. fr. 17 sqq. D., Plat. Resp. 485 A sqq. и Eurip. fr. 910 (ὄλβιος ὅστις τῆς ἱστορίας ἔσχε μάθησιν μήτε πολιτῶν ἐπὶ πημοσύνην μήτ' εἰς ἀδίκους πράξεις ὁρμῶν).—Любопытно,—какъ развивается Платоновское сравненіе распоряжающагося на вѣчѣ оратора съ человѣкомъ, пришедшимъ на агору (ἐν ἀγορᾷ πληθούσῃ) со спрятаннымъ подъ полой кинжаломъ (Gorg. 469 D sq.), у Philod. II 142. 144, и Cic. de or. III 55.

рѣчи[1]),—конечно, рѣчи, какія знающій ведетъ предъ знающими,—ведетъ не потому, что знаетъ, а потому, что соревнуетъ съ ними о томъ, чтобы узнать и больше, и лучше[2]),—конечно, эти рѣчи были неизмѣримо цѣннѣе, чѣмъ та рѣчь, какую, на подобіе рапсода, произносилъ,—отзванивалъ какъ мѣдный сосудъ, когда въ него ударятъ[3]),—ораторъ передъ толпой, всегда случайнаго и пестраго состава. Однако не короткія, діалогическія и діалектическія рѣчи, а длинныя, монологическія, риторическія рѣчи были вѣдь наиболѣе удобнымъ средствомъ, чтобы мудрость нести въ толпу[4])—и улучшать тѣмъ человѣческія отношенія и скрашивать тѣмъ человѣческое существованіе[5]). Такъ краснорѣчіе могло

---

[1]) Plat. Phaedr. 276 A sqq. Conv. 209 B sq. Theaet. 150 B sqq.

[2]) Gorg. 505 E sq. Charm. 166 C sq. Resp. 435 A. 518 E. Prot. 347 E.

[3]) Phaedr. 277 E. Prot. 329 A sq. Meno 79 E sq.

[4]) „Обыкновенно—говорилось въ одной аттической комедіи 1 полов. IV в. до Р. Х. (Anax., II 159 Kock), по адресу ученыхъ, которымъ ἀρκεῖ γνῶναι μόνον (Xenoph. Mem. I 1, 15),—тому, кто нападетъ на новую мысль, хочется тотчасъ объявить во всеуслышаніе о своемъ открытіи. А эти мудрецы про себя берегутъ свою мудрость, и некому оцѣнить ее (οὐκ ἔχουσι τῆς τέχνης κριτήν),—между собою они только завидуютъ одинъ другому. Нѣтъ, все, что кто откроетъ новаго, онъ долженъ нести въ толпу (εἰς ὄχλον φέρειν)".

[5]) Юношески-смѣлыми, но и юношески-свѣжими попытками рѣшенія самыхъ принципіальныхъ вопросовъ не человѣческаго, а міроваго существованія открывается еллинская философія (φιλοσοφία), простымъ собираніемъ отдѣльныхъ наблюденій и замѣчаній открывается еллинская наука (ἱστορίη); одна (какъ Θалесъ у Платона, или какъ Сократъ у Аристофана) смотрѣла на небо, другая смотрѣла по сторонамъ или назадъ, ни та, ни другая не хотѣла смотрѣть себѣ подъ ноги,—на то, что было всего ближе. Постепенно ἱστορίη стала захватывать своими наблюденіями и область практической жизни или дѣятельности; заслугу „сведенія философіи съ неба, водворенія ея въ городахъ (государствахъ) и въ домахъ" любили (ср. Cic. Tusc. V 10) приписывать Сократу,—но раньше, чѣмъ Сократъ, и еще больше, чѣмъ Сократъ, надъ этимъ сближеніемъ философіи съ жизнью потрудились его противники—софисты; они же сблизили и философію съ наукой. Человѣкъ мѣра всего, всѣхъ знаній и представленій, онъ—господинъ и мудрости, и мудрость для человѣка, а не человѣкъ для мудрости,—такъ разсуждали они. Философія, или наука можетъ и улучшить, и скрасить человѣческое существованіе и человѣческія отношенія, и нужно заботиться о возможно-большемъ распространеніи знаній между людьми: тогда исчезнутъ—мечталъ (по крайней мѣрѣ у Платона, въ діалогѣ „Протагоръ", 337 C sq.) Гиппій—тѣ группировки людей, какія, насилуя природу, создаетъ тираннъ-законъ, всѣ люди будутъ тогда и сродниками и согражданами (между собою),—потому что подобное сродно подобному. Естественно, что органомъ такой философіи, такой науки стала публичная рѣчь (какъ естественно, конечно, и то, что, расширяя сферу своего примѣненія, философія, или наука, выигрывая количественно, не могла не проигрывать качественно). Такъ заключенъ былъ (предусмотрѣнный въ сущности еще эпической поэзіей, ср. выше стр. 43 сл., 61, пр. 2) тройственный союзъ философіи, науки и краснорѣчія; вѣчно колеблющійся и въ своемъ

служить добру и истинѣ, и тѣмъ самымъ оно служило и красотѣ; но оно служило красотѣ и потому уже, что дорожило своей формальной стороной, какъ бы часто на дѣлѣ форма ни подавляла здѣсь собою содержаніе, и какъ бы часто естественная красота здѣсь ни подмѣнивалась красотой искусственной, поддѣльной[1]). Но гдѣ вообще была граница между содержаніемъ и формой рѣчи? Гдѣ вообще была граница между природой и искусствомъ въ краснорѣчіи? И гдѣ была граница между краснорѣчіемъ врожденнымъ и вдохновеннымъ? Гдѣ была граница между краснорѣчіемъ врожденнымъ или вдохновеннымъ и краснорѣчіемъ искусства?[2]).

Намъ не можетъ быть не понятенъ тотъ протестъ, какой встрѣ-

составѣ, и въ своемъ равновѣсіи, нерѣдко даже угрожаемый въ самомъ существованіи своемъ, союзъ этотъ съ тѣхъ поръ уже не могъ быть разрушенъ, какимъ бы испытаніямъ ни подвергался онъ въ своей теоріи или въ своей практикѣ; такъ, если противъ него возсталъ Платонъ, то Аристотель уже пытался возобновить его, на новыхъ, разумѣется, началахъ. Отстранившись опять послѣ Аристотеля отъ философіи, дробясь все больше на отдѣльныя дисциплины, специализуясь все больше, наука снова уходитъ отъ жизни, и, какъ Аристофанъ высмѣивалъ поднимавшихся на нѣсколько аршинъ въ корзинѣ, чтобы изучать небо—и витать въ облакахъ, ступать по воздуху,—„метеоросософистовъ", такъ потомъ смѣются, напр., надъ археологической маніей Тимэя, который, собираясь писать исторію, списывалъ—представленныя безчисленнымъ количествомъ однообразныхъ документовъ—постановленія о дарованіи проксеній, или надгробія взявшихъ призы коней или любимыхъ дѣтьми домашнихъ птичекъ (Polyb. XII 11, 2. Diod. XIII 82, 6), или надъ филологами, прячущимися отъ свѣта, какъ жужжащіе въ углахъ сверчки, заботящимися исключительно о σφίν или σφῶιν, о μίν или νίν (Athen. 222 a); однако, какъ ни прятались въ своихъ кельяхъ „односложные" ученые („трусливѣе лани"),—все же и они выступали иногда передъ публикой съ публичными лекціями (или рецитаціями) по своей спеціальности (ср. *Rohde* Gr. R.[2] 328 f. Kl. Schr. II 449 f. *Lehrs* Aristarch[3] 217 f.),—не говоря уже объ ихъ лекціяхъ въ тѣсномъ кругу учениковъ, или друзей. Философы же, если не всегда въ теоріи, то часто—и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще (ср. *Arnim*, Dio, 80 ff. 92 ff.)—на практикѣ поддерживали связи съ краснорѣчіемъ—обыкновенно болѣе уже тѣсныя, чѣмъ съ наукой. Ср. классификацію современныхъ Діону философовъ—по способамъ сообщенія или распространенія ими своей философіи у Dio XXXII 8 sqq.

[1]) Ср. выше, стр. 14 сл.—Philo de cherubim, 105: ῥητορικὴ—τάς τε ἐν ἑκάστοις δεινότητας ἐξετάζουσα καὶ πᾶσιν τὴν πρέπουσαν ἑρμηνείαν ἐφαρμόζουσα, τονώσεις καὶ περιπαθήσεις καὶ ἔμπαλιν ἀνέσεις καὶ ἡδονὰς μετὰ στωμυλίας καὶ τῆς περὶ γλῶτταν καὶ τὰ φωνητήρια ὄργανα εὐπραγίας περιποιοῦσα.

[2]) Ср. Democr. fr. 33 (ἡ φύσις καὶ ἡ διδαχὴ παραπλήσιόν ἐστι· καὶ γὰρ ἡ διδαχὴ μεταρυσμοῖ τὸν ἄνθρωπον, μεταρυσμοῦσα δὲ φυσιοποιεῖ). 59. 119 D.; π. ὕψους, 2. 22 (τότε γὰρ ἡ τέχνη τέλειος, ἡνίκ' ἂν φύσις εἶναι δοκῇ, ἡ δ' αὖ φύσις ἐπιτυχής, ὅταν λανθάνουσαν περιέχῃ τὴν τέχνην, ср. Cic. de or. III 197). 36. Ср. также сопоставленія и замѣчанія у *Norden*, A. K., 8 ff.

чало еллинское краснорѣчіе со стороны науки, или философіи, какъ и протесть, съ какимъ — чѣмъ дальше, впрочемъ, тѣмъ все рѣже — выступали противъ него претендовавшіе на то, чтобъ представлять собою common sense, или νοῦν κοινόν. Но намъ должно быть понятно также — почему эти протесты не могли гремѣть, могли только шумѣть[1]), и почему они безсильны были — заставить вернуться назадъ, домой, вкусившихъ сладкаго какъ медъ плода лотоса, т. е. краснорѣчія[2]).

---

[1]) Но и этотъ шумъ все больше переходилъ въ глухой ропотъ: какъ философія все меньше сторонилась отъ риторики, такъ и общество съ его литературой (не говоря уже о толпѣ) все больше свыкалось и съ нею, и съ ея злоупотребленіями (поучительно съ этой точки зрѣнія сравнить, напр., Аристофана съ Герондомъ, съ παίγνιον δικανικόν—какъ выражается *Herzog*, Koische Forsch., 213,—его Πορνοβοσκοῦ).

[2]) τῶν δ'ὅς τις λωτοῖο φάγοι μελιηδέα καρπόν, οὐκέτ' ἀπαγγεῖλαι πάλιν ἤθελεν οὐδὲ νέεσθαι, ἀλλ' αὐτοῦ βούλοντο μενέμεν νόστου τε λαθέσθαι, Od. IX 94 sqq. (ср. Plat. Phil. 15 Dsq.—ο τοῦ διαλέγεσθαι γευσάμενοι). И можно даже сказать, что еллинское краснорѣчіе, все падая въ своемъ внутреннемъ значеніи (поскольку „искусство" одерживало здѣсь верхъ надъ „мудростью", форма надъ содержаніемъ, искусственная красота надъ красотой естественной), все поднималось во внѣшнемъ своемъ значеніи,—расширяя сферу своего примѣненія (позднѣйшія руководства риторики содержатъ уже въ себѣ, напр., правила для составленія и такихъ λόγοι, какъ συντακτικός, γαμικός, ἐπιθαλάμιος, κατευναστικός, γενεθλιακός, [Men.], 114 sqq. B. [Dion.]rhet. 2 sqq.).—Объ упадкѣ еллинскаго краснорѣчія ср. *Norden*, A. K., 10 f. 126 ff. 240 ff.; о краснорѣчіи времени упадка—*Rohde*, Gr. R.², 310 ff. *Arnim*, Dio, 128 ff. Замѣтимъ кстати, что болѣе полное и тщательное ознакомленіе съ памятниками еллинскаго краснорѣчія и болѣе осмотрительное отношеніе къ свидѣтельствамъ о немъ, вѣроятно, заставитъ современемъ изобразителей его исторіи и въ частности исторіи его упадка нѣсколько меньше сгущать краски,—особенно если они—воспользовавшись, между прочимъ, и намеками Нордена (l. l. s. 150) на аналогіи, представляемыя исторіей греческаго искусства,—не будутъ мѣрить древнимъ еллинамъ нашей, современной мѣрой,—напр., когда дѣло касается отношеній между содержаніемъ и формой. Справедливо замѣчаетъ, по поводу эпидейктическаго краснорѣчія, *Burckhardt*, Gr. Kulturg., III 341, что „многимъ теперь свойствено достойное смѣха негодованіе на свободную игру не задающейся (опредѣленною) цѣлью умственной и эстетической силы, тогда какъ никто не протестуетъ, если краснорѣчіе—въ политической рѣчи вліяло на дѣла, или—въ судебной рѣчи—было ремесломъ". Ср. также *Буасье*, Паденіе язычества (перев. Корелина), 123 сл.—Сильно преувеличенная у *Rohde*, Kl. Schr., II 17 f., „грубость, вульгарность, гнусность" полемическихъ выходокъ Эсхина или Демосѳена не можетъ быть поставлена на счетъ лишь краснорѣчію,—если мы припомнимъ, напр., выходки Аристофана; но тотъ же Аристофанъ яснѣе всего показываетъ намъ, какъ—уже тогда—была эстетически образована, въ Аѳинахъ, толпа (и воспитывавшаяся краснорѣчіемъ, и вскармливавшая краснорѣчіе): наполняющія комедію (и не одного лишь Аристофана) нападки или намеки на прежнихъ и современныхъ, признанныхъ и не признанныхъ геніевъ литературы (Гомеръ, гомериды, Пиндаръ, Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, не говоря уже о комикахъ), науки (Сократъ, Діогенъ изъ Аполлоніи), искусства (напр., на музыкантовъ), конечно, должны были расчиты-

Такъ, между поэзіей и философіей, или наукой, заимствуясь отъ нихъ всегда, но сохраняя самостоятельное мѣсто рядомъ съ ними, совершало свою исторію еллинское краснорѣчіе, и новый міръ, возникшій на развалинахъ античнаго, воспринимаетъ античную культуру—ближайшимъ-образомъ представленную и даже пропитанную риторикой[1]). Но это краснорѣчіе разрушавшагося античнаго міра и на себѣ несло, конечно, признаки разрушенія. Общій строй жизни, какъ онъ сталъ складываться дальше, слишкомъ мало благопріятствовалъ дальнѣйшему здоровому и всестороннему его развитію[2]); все меньше оставлялъ онъ и времени, и мѣста для говоренія или для выслушиванія рѣчей; то, что нѣкогда давала устная рѣчь, и даже гораздо больше того, что нѣкогда могла давать рѣчь, стали—съ гораздо большимъ, повидимому, удобствомъ—брать отъ книгъ, особенно же отъ журналовъ и газетъ, принявшихъ на себя, между прочимъ, и обязанности прежнихъ странствовавшихъ пѣвцовъ и ораторовъ—и—кто знаетъ?—быть-можетъ даже вѣщателей и заклинателей...

Но сколько побѣдъ ни было одержано надъ временемъ и надъ пространствомъ[3])—а одной изъ этихъ побѣдъ было изобрѣтеніе печатанія, а другой—изобрѣтеніе развозящихъ произведенія печати пароходовъ и паровозовъ,—все-же устное слово, хотя и подавленное бумажнымъ, или печатнымъ, однако не раздавлено имъ окончательно: кое-гдѣ оно уцѣлѣло—не только νόμῳ, а и φύσει, не въ силу только человѣческаго закона, но и въ силу закона природы.

«Иначе и быть не могло»—говоритъ намъ исторія краснорѣчія у эллиновъ. Эта исторія учитъ насъ, что краснорѣчіе столько же необхо-

---

вать на публику, не только живо интересующуюся такими вещами, но и кое-что въ нихъ знающую и понимающую.

[1]) О вліяніи греческой риторики на христіанское церковное краснорѣчіе см. *Hatch*, Griech. u. Christ., 76 ff. *Norden*, A. K. 451 ff. Wendland *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.* IX 6 ff. Ср. Asmus, *Byz. Zeitschr.* IX 85 ff.

[2]) Только въ эпоху Возрожденія краснорѣчіе опять поднялось-было—въ Италіи; но уже въ началѣ XVI в. снова раздаются жалобы на его упадокъ (*Буркхардтъ*, Культура Италіи въ эпоху Возрожденія, 186 сл.), и съ тѣхъ поръ оно уже не дѣлаетъ сколько-нибудь значительныхъ успѣховъ—по крайней мѣрѣ качественныхъ (количественные успѣхи дѣлаетъ, напр., политическое—парламентское—краснорѣчіе). На не высокій уровень современнаго краснорѣчія (на Западѣ) жалуется *Philippi*, Die Kunst der Rede, 232 ff.

[3]) Ср. *И. И. Янжулъ*, Изъ психологіи народовъ (Экономическое значеніе „времени“ и „пространства“). 1895.

димо въ общей экономіи человѣческой культуры, какъ и поэзія, какъ и наука, или философія. Но эта исторія учитъ насъ и тому, что краснорѣчіе — небезопасное, обоюдоострое орудіе культуры. Намъ теперь еще больше страшными, чѣмъ древнимъ еллинамъ, должны представляться, конечно, опасныя стороны краснорѣчія; тѣмъ больше зато нашли-бы мы въ настоящее время средствъ — оберегать себя отъ подстерегающихъ краснорѣчіе опасностей. Тѣхъ условій, въ какихъ расцвѣло еллинское краснорѣчіе, намъ не вернуть, а съ ними вмѣстѣ — не вернуть намъ и этого краснорѣчія. Но и желать этого возвращенія, конечно, уже не приходится. Мы можемъ желать только хоть нѣкотораго возмѣщенія того, что мы тутъ растеряли или утратили со времени древнихъ еллиновъ, можемъ желать, чтобы въ обиходѣ нашей культуры краснорѣчіе заняло, хотя бы и не столь высокое, но столь же самостоятельное мѣсто, какъ и поэзія и наука, чтобы оно нашло себѣ болѣе широкое примѣненіе, особенно въ дѣлѣ популяризаціи (но, конечно, не вульгаризаціи) науки, чтобы оно учило насъ больше цѣнить силу вдохновенной мысли, какъ она — помимо стиховъ — можетъ быть выражена въ живомъ, одушевленномъ словѣ, красоту языка, какъ она — помимо стиховъ — можетъ быть выражена не въ буквахъ, а въ звукахъ.

Много вообще поучительныхъ выводовъ дала бы намъ исторія еллинскаго краснорѣчія. Я могъ намѣтить эту исторію только въ самыхъ общихъ чертахъ, памятуя, подобно инымъ — и не судебнымъ и не политическимъ — ораторамъ древности, знаменитую клепсидру[1]). Я могъ нарисовать эту исторію только самыми блѣдными красками: вѣдь въ вѣкъ застоя въ развитіи краснорѣчія, я выступилъ передъ вами, Мм. Гг., не столько въ качествѣ представителя краснорѣчія, сколько въ качествѣ представителя — такъ не легко уживающейся съ краснорѣчіемъ — науки.

---

[1]) Ср. Dio Chr. XII 38. Едва-ли однако клепсидра, опредѣлявшая собою обыкновенно время, уступленное для произнесенія рѣчи въ аѳинскомъ судѣ или въ совѣтѣ (ср. *Keil*, Anon. Argent., 236 ff.), примѣнялась и при публичныхъ чтеніяхъ, или при театральныхъ представленіяхъ, какъ полагаетъ Vahlen, *Sitzb. d. pr. Ak.*, 1897, 639 ff.; во всякомъ случаѣ, для иныхъ (особенно для болѣе случайныхъ) эпидейктическихъ ораторовъ своего-рода клепсидрой могло — или могло-бы — служить слово Эпихарма: οὐ λέγειν τύγ' ἐσσὶ δεινός, ἀλλὰ σιγῆν ἀδύνατος...